

"Право на счастье (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Право на счастье

Город спал в сиянии уличных фонарей, а двое влюбленных, держась за руки, бродили от улицы к улице, не желая расставаться. Они целовались на ветру у пристани, прогуливались по городскому парку, неторопливо переходили от статуи к статуе в главном храме империи... И слушая задорный смех девушки и счастливый голос мужчины, никто и не подумал бы, что в недорогих черных плащах бесшабашно гуляют император Ратасса и княгиня Гаоры.

Хассиян рассказывал о городе, о зданиях и людях, которые их строили, а Кати восторженно слушала, и чем больше знакомилась с удивительной столицей империи, тем удивительнее ей казался древний Дархаран.

— Этот город на тебя похож, — неожиданно сравнил Ян.

— Почему? — изумилась как никогда счастливая Кати.

— Его столько раз завоевывали, но Дархаран всегда восстанавливался и с каждым разом становился крепче и прекраснее... Как и ты. — В темноте блеснула его белоснежная улыбка. — Я все верно понял?

— Возможно, — уклончиво ответила девушка, — а с чем можно сравнить вас, мой император?

Он усмехнулся и повел ее вновь к главному храму, на площади перед которым они гуляли в момент разговора.

— Вот! — Хассиян величественно указал на не менее величественное, чем его жест здание главного храма, — но я лучше! И моложе... И не столь продажный и...

— Значительно привлекательнее, — не удержалась Катарина.

Притворно-грозное рычание императора, и Кати со смехом бросилась прочь, спасаясь от гневного Яна. Он без труда догнал, подхватил на руки и, закружив визжащую от восторга девушку, резко прижал к себе и тихо прошептал:

— Счастье ты мое... где же ты столько лет была?

— Я была в аду, — прошептала Катарина, — в мрачном подземном лабиринте без выхода и права на смерть, а сейчас...

— Сейчас, что? — переспросил Ян.

— Боюсь поверить, — девушка улыбнулась и положила голову на его плечо.

— Одно твое слово... — намекнул император.

— А кому посвящена эта статуя? — Кати указала на мраморное изваяние девушки, словно застывшей на краю обрыва и прижавшей руки к груди, перед тем как упасть в пропасть.

— Деве Органонской, — Хассиян осторожно поставил ее на ноги и едва отпустил, тут же вновь взял за руку, — у нее очень печальная история.

— Правда? — удивилась Катарина. — Считается, что род Вилленских ее прямой потомок, но...

— Но?

— Сложно представить, как могли появиться потомки у невинной девы! — Кати улыбнулась.

Они продолжили гулять, и вскоре дошли до конца аллеи, где Катарина увидела старую статую дракона. В отличие от остальных скульптур в парке, эта стояла не только в самом конце, но и оказалась в полуразрушенном состоянии.

— Дракон из черного гранита, — поведал Ян, заметив ее взгляд, — когда-то начало аллеи находилось именно здесь, и эта статуя хранителя города венчала вход в храм Дракона.

— А потом?

— Культ Пресветлого Огитана, полностью вытеснил языческое поклонение драконам.

Хассиян явно не желал говорить об этом, но Кати была заинтригована.

— Поговаривают, — девушка отпустила его руку и подошла к статуе, осторожно коснувшись крыла чудища, — что в давние времена, когда все известные нам государства были объединены в королевство Айшеран, которым правил род оборотней-драконов.

— Как мило, — Ян рассмеялся. — Идем, а эту статую давно пора убрать.

— Почему? — Катарина продолжала стоять, разглядывая в свете магических шаров огромного дракона.

— Все что нам осталось от них, это свет, — Ян, осторожно взяв ее за руку и уводя прочь.

— Я обратила на него внимание, но как он загорается?

— Никак. Эти шары просто постоянно светятся вот уже несколько сотен лет, чем мы и пользуемся.

И Ян увлек ее за собой. Они гуляли до рассвета, говоря ни о чем и обо всем, танцевали среди пустых аллей, и долго-долго стояли обнявшись у ворот особняка Вилленских.

— Ненавижу рассветы, — тихо призналась Кати, глядя на алеющий восток.

— Ты мне расскажешь? — он приподнял ее личико, вглядываясь в карие глаза и с досадой замечая одинокую, скользнувшую по щеке слезинку.

— Нет, — прошептала Кати.

— Расскажешь, — он нежно поцеловал, — просто еще не время. Сладких снов, моя Катарина...

Так и завершилась их первая ночь... Кати вошла ворота, нехотя поднялась по ступенькам к дому и обернулась — Хассиян стоял у открытых ворот, ожидая пока она войдет...

* * *

А новый день встретил ее сладким ароматом цветов. Катарина потянулась, открыла глаза и первое что увидела — огромный букет у ее постели. За окном ярко светило полуденное солнце, шумел город, а букет белоснежных роз словно напоминал о прогулке под луной.

— Катарина, — баронесса вошла и в изумлении остановилась — Кати радостно обнимала букет. — Дитя мое, это еще не все... в холле десятки букетов и не только. Кто твой поклонник?

— Да? — девушка подскочила, поспешно надела утренний халат и нетерпеливо воскликнула, — а что? Что еще?

— Спускайся, — матушка и сама улыбалась, — и все увидишь.

Везде были цветы... На ступеньках, в холле, в гостиной, на дворе... Белоснежные розы, лилии, хризантемы... И в самых больших букетах крошечные послания, перевитые серебристыми ленточками...

— А-а-а-а, Пресветлый! — Элиза сбежала по лестнице обогнав сестру, — Цветы! О-о-о, кому все это?

— Катарине! — Рассан достал одно из посланий, игнорируя неодобрительный взгляд матери, нагло развернул и удивленно прочитал.

— «Твой смех серебристыми колокольчиками звучит во мне, счастье мое, Катарина».

— Рас, — Гарсан резко подошел, вырвал из его рук послание, — верх невоспитанности читать чужие письма!

— Верх распутности возвращаться на рассвете! — прорычал младший брат.

— Ты меня ненавидишь? — спокойно спросила Кати.

— Я тебя презираю! — Рассан бросил крошечный свиток и развернувшись ушел.

— Я тебя понимаю, — вслед ему сказала Катарина, — только помни, Рас, осуждать всегда просто... понять сложнее.

— Ты позор нашей семьи! — уже у дверей закричал юноша.

Элиза, с неожиданной для нее суровостью посмотрела на него, и едва слышно произнесла:

— Рассан, благодаря этому позору ты сейчас жив! Или забыл, как войска Дариана расправлялись с каждой посмевавшей восстать семьей? Или забыл как на твоих глазах казнили друзей? Жаль, что не было тебя, когда тонули связанными те, чьи жены за гибелью были вынуждены молча наблюдать!

Юноша вздрогнул и опустил глаза.

— Хватит! — Катарина медленно спустилась, подняла брошенную братом записку и с улыбкой вновь прочла написанное.

Элиза молча подала ей следующее послание: «Возвращаясь, пришел к странному выводу — люблю тебя...».

Кати прочтала и дала прочитать сестричке, следом послание взяла баронесса.

Третье гласило: «Считаю минуты...»

— Катарина, — баронесса взглянула на дочь, — поведай нам имя столь... не бедного

поклонника.

Девушка лишь хитро улыбнулась в ответ, осторожно раскрывая следующее послание. Она не могла поверить, что все это ей. Нет, не цветы — послания. Нежные, трогательные, наполненные чувствами.

Спустя час доставили ожерелье из белого жемчуга. Спустя еще час браслет из белого золота. К обеду конфеты из белого шоколада, и новое послание: «Дай полюбоваться на тебя... хоть издали...».

— Матушка, как скоро мы поедem во дворец? — сдерживая улыбку, спросила Кати, у заинтересованной баронессы.

К удивлению матери и сестры на этот раз Катарина наряд для раута во дворец выбирала тщательно. Улыбаясь и что-то радостно напевая надела браслет из белого золота, ожерелье и жемчужное платье, с серой накидкой. Кокетливо спустила один из локонов на плечо...

— Впервые с момента твоего прибытия я вижу, как улыбка не покидает милое личико, — заметила баронесса уже в карете.

— И, не взирая на твое упорное молчание, нас радует тот факт, что таинственный поклонник все же дворянин, — подметил сопровождающий их барон.

— Не буду скрывать, — Катарина распахнула веер, пряча улыбку, — он благородного происхождения, вот только... — улыбка померкла, — Он неверный муж, а я неверная жена... И следовало бы остановиться, да я не в силах. Не хочу, не могу, и, наверное, не желаю. Так хочется верить, что меня любят. Просто любят, без грязи, без низменных порывов, без подлости, без...

А перед глазами вдруг, словно наяву, полускрытое сумраком лицо королевы Шарратаса, ее блестящие, завораживающие глаза и тихое: *«После того, что с тобой сделал Дариан, а затем и Ранаверн, ты возненавидишь мужчин, Катарина! Ты уже их ненавидишь, но где-то внутри наивно надеешься на любовь и счастье. Что ж... я позволю тебе испытать еще одно, убийственное разочарование. А после, ты придешь ко мне сама, Кати».*

Катарина вздрогнула, встревожено огляделась, тряхнула головой, прогоняя наваждение. Но червь сомнения медленно заползал в душу, внося смятение в ее безоблачное счастье. Вспомнился Ранаверн, их первая встреча, та ночь что перевернула все в ней... И та, что стала страшным открытием — ее муж извращенец. Невероятный, гордый, прекрасный и сильный князь Арнар, ее герой и ее спасение, оказался хуже, чем Дариан. А кто в действительности тот, кто правит империей Ратасса?!

— Катарина, — позвал барон, — дитя, что с тобой?!

— Мне страшно, — призналась девушка, — мне вдруг стало так страшно...

Сомнения, сомнения, сомнения... Катарина распахнула веер и скрыла выражение полного смятения от родных, но она не смогла бы скрыть его от себя. Где-то в глубине души, было сожаление по поводу того, что она осталась в империи... Но разве могла она поступить иначе? Ведь знала, отчетливо знала, Арнар плывет за ней. Но бегство посчитала слишком унижительным для себя. Благородство, ее вечное благородство...

И снова в памяти всплыли слова Алиссин: «И куда тебя завело твое благородство, Катарина?».

— Кати, — Элизавет осторожно коснулась ее руки, — Кати, что с тобой?!

«Я очень надеюсь, что пройдет время и на месте жертвы, появится хищник, способный дать отпор. Не разочаровывай меня, Катарина!»

«Мой белокурый демон, — с грустью подумала Катарина, — твои слова сладкий яд! Твои слова не отпускают меня, преследуют, отравляют душу. И все же я тебя не разочарую, и жертвы больше не будет. Хватит!».

— Все хорошо, Элиза, — Кати сложила веер, улыбнулась и добавила, — буду совершать глупости. Хоть раз в жизни, позволю себе просто получать удовольствие.

Некоторое время в карете слышался лишь перестук колес да уличный шум. Молчание нарушила баронесса:

— Я не смею осуждать тебя, Катарина... Время, проведенное при дворе Шарратаса, стало испытанием для меня. Король Дариан жесток и у него... случаются помутнения рассудка, и тогда монарх способен убивать голыми руками. Находясь там, я с ужасом думала о тебе, о годах, что ты была вынуждена... Он не забыл тебя, Катарина, — баронесса поспешно вытерла слезы, — в пьяном бреду, он кричал имя твое, звал тебя, молил кого-то, чтобы ты вернулась... Тогда мне было почти жаль его, но уже в следующее мгновение он одним ударом лишил жизни мальчика из прислуги, за невольно пролитые капли вина. И в глазах Дариана не было раскаяния, когда уносили тело мертвого.

Кати отвернулась к окну, поджав губы... Сейчас, все прошедшее казалось ей страшным сном, но слова матери напомнили слишком многое.

— В каждом мужчине есть зверь, — прошептала девушка, — он стряхнет оковы сна рано или поздно... Знаю эту истину, но остановиться уже не могу. Пусть день, два, или, о сжался, Пресветлый, три дня, но я хочу быть счастливой...

Карета подъехала к воротам дворца, и Катарина улыбнулась. Всем сомнениями назло и всем событиям вопреки.

«Буду счастливой, — уверяла себя княгиня Арнар, — просто буду. Столько, сколько мне отмерено!».

Они вошли во дворец, раскланиваясь с придворными и неспешно двигаясь к галерее у перехода в дворцовый парк. Кати лучилась счастьем, даря улыбки миру и притягивая взгляды. И вопреки слухами и сплетням к ней тянулись сердца, и вот уже вокруг княгини и друзья и недруги, невольно улыбающейся готовой обнять весь мир девушке.

Но истинное счастье пришло вместе с несколько испуганной леди Вьетени.

— Леди Мирабел, — Кати, поспешно попросила присутствующих извинить ее, и поторопилась к удивленной ее присутствием леди. — Вы здесь!

— Ох, леди Катарина, — Вьетени взяв ее за руку, поспешно увела в сад, и лишь сев на скамеечку у фонтана начала рассказывать. — Этот арест, приговор, священник уже исповедовавший меня и неожиданное распоряжение императора: «Помиловать, с сохранением

всех титулов и положения».

Кати мысленно вознесла благодарность Пресветлому, и опуская глаза от синего неба, заметила входящего в сад императора в окружении придворных. Хассиян неторопливо прошел мимо, скользнув равнодушным взглядом по склонившимся в реверансе леди, Катарина не повернула головы, игнорируя монаршее появление. Двор, несколько шокированный событиями накануне с облегчением выдохнул, а вопрос о таинственной фаворитке вновь бередил умы придворных дам. И неважно, что император остановился у фонтана так, чтобы Катарина была в пределах его видимости, и не заметил никто, как скользнула рука девушки, поправляя сначала колье, затем браслет... И счастливая улыбка Хассияна и его донельзя довольный вид дам Ратасса интересовал безмерно, но спросить... Спросить не смели.

Загадочная улыбка Его Величества, непривычно прекрасное настроение и часто бросаемые взгляды на солнце, стали предметом бурных обсуждений едва император покинул придворных, возвратившись к государственным делам. Катарина вежливо выслушивала сотни предположений, логические и не слишком рассуждения молодых и не очень леди, комплименты старающихся завоевать ее внимание лордов и... ждала, когда же завершится этот длинный день. О как же ждала она его завершения!

* * *

— Княгиня Арнар невероятно хороша сегодня, — заметил лорд Анеро, следуя за императором.

Хассиян не отреагировал на его слова, неспешно шагая вдоль галереи, с портретами его предков.

— Она даже выглядит счастливой, — продолжил лорд.

Легкая улыбка скользнула по губам императора, а взгляд вновь задержался на окне... Ян отчаянно желал наступления ночи. Желал столь же страстно, как и объятий нежной Катарины Арнар, урожденной баронессы ассер Вилленской, той единственной, что вызывала уважение, восхищение и затаенный трепет. Император был влюблен, влюблен страстно и пылко, как в той далекой юности, которая вызывала легкую грусть уже одним тем, что миновала.

Лорд Анеро взглянул на своего сюзерена и не сдержался:

— Это безумие, мой император!

Ян остановился, величественно повернул голову к преданному соратнику и уважаемому советнику.

— Безумие? — задумчиво повторил император. — Возможно это и так, с другой стороны... — легкая грусть промелькнула в его взгляде, — это шанс.

— Шанс? — удивлению лорда Анеро, казалось, нет границ.

— Шанс, — Хассиян вновь уделил внимание портретам его рода, тем, кто правил великой империей до него.

Там, в конце галереи мрачным лицом и неестественной усмешкой выделялся его родной брат. Полубезумный, жестокий, больной душой и телом. Припадочный... как и его сын.

Лорд Анеро понял все без слов, и, понизив голос до едва слышного шепота, произнес:

— Вам нужна новая жена, а не новая любовница, мой император. И вам нужен наследник, чья кровь не будет отравлена, как кровь кронпринца Хилайора.

— Это не тема для разговора! — внезапно сорвался Хассиян.

Он не мог, не мог этого слышать, не мог и не желал знать! Припадочный... Его сыну и наследнику было пять, когда гувернантки впервые произнесли это страшное слово... А он, вбежав детскую и увидев наследника, сделал то единственное, что мог — всунул меж зубов выломанную деревяшку, в страхе что сын захлебнется пеной, шедшей изо рта. А после это прекратилось, и почти десять лет Хассиян старался верить в лучшее, в то, что подобное не повторится. Повторилось! Хилайор начал пить, несмотря на запрет отца и врачей...

— И все же я настаиваю, — Анеро не желал молчать, — вам нужна жена и жизненно необходим наследник. Приступы Хилайора чаще, чем у вашего брата, агония может наступить стремительно. Особенно учитывая политические реалии.

— Что-то изменилось? — удивленно спросил Хассиян.

— В Лассаране новый король, мой император, — с явным негодованием произнес Анеро. — Его величество король Аллес, — это имя было произнесено с ненавистью. — И я более чем уверен, что вскоре в Шарратасе будет только одна королева — сиятельная Алиссин. И нет даже сомнений в том, что эти дети дьявола направят свои сапфировые взоры в сторону давнего врага их государство — война с Ратассом неизбежна, мой повелитель.

Хассиян слушал молча и лорд решил продолжить:

— А вы, влюблены в женщину, что уже пошла на обман и воровство ради королевы Шарратаса. И это я называю безумием, мой император.

На сей раз Ян не сказал ничего. Он думал об этом... думал постоянно, но в то же время:

— Я не желаю ее терять, — уверенно произнес правитель империи. — Не могу, и не хочу. И если я задумаюсь о детях, Анеро, я желал бы, чтобы их матерью стала Катарина. — он невольно улыбнулся, представив как Кати играет с маленьким кареглазым малышом... его сыном. Сердце сжалось.

Лорд Анеро с неодобрением смотрел на повелителя, и понимал — Ян не откажется от той шлюхи, что побывала в стольких постелях. Но вместе с тем, Анеро слишком хорошо знал и иное — выгоды можно найти даже в самой патовой ситуации. И императорский сановник мрачно взглянул на изображение императора Харрасса, старшего брата ныне правящего повелителя Ратасса, а затем начал размышлять вслух:

— Я так понимаю, возможность женитьбы на Катарине ассер Вилленской не вызывает отторжения у вашего величества?

Ян пристально взглянул на лорда, улыбнулся и любопытствовал:

— Есть варианты?

Анеро сцепил пальцы и начал размышлять:

— В данный момент барон ассер Вилленский единственный наследник княжества Ортанон, и как вам известно, особенность Ортанона в том, что наследование идет не по мужской, а по

женской линии, следовательно в случае развода Катарини и князя Арнар, девушка возвращает себе имя ассер Вилленская, следовательно именно она становится наследницей княжества. Вы понимаете, о чем я?

— Брак между императором и княгиней? — спросил Ян.

— Не совсем, — Анеро коварно улыбнулся, — мы обязаны учитывать интересы не столько Вилленских, сколько империи. Я полагаю, что статус второй жены будет гораздо более выгоден короне.

Хассиян задумался. Эта идея нравилась ему все больше, вот только...

— Катарина откажется, — задумчиво произнес он.

— Доверьте это дело мне, — попросил сановник. — Мы создадим такие условия, в которых у баронессы не останется иного выхода, кроме как согласиться. И не забывайте, что корабль князя Арнар уже в порту, нам следует действовать быстро.

Император нахмурился. В глубине души он понимал — быстро с Катариной нельзя. И грубо так же нельзя.

— Моральные терзания оставьте на потом, — неожиданно резко произнес лорд Анеро. — Когда у нее будет статус вашей второй жены и герцогини вашего рода, вы сумеете исправить сотворенное.

Хассиян мрачно усмехнулся... несмотря на все разумные доводы, что-то внутри было против. Тот зверь, который иной раз действовал по собственному желанию, где-то глубоко внутри недовольно рычал. Очень недовольно.

— Слишком быстро, — Ян нервно поправил перевязь, — и все же тянуть нельзя, тут ты прав, Анеро. Что ж, будем действовать жестко.

* * *

Мир словно раскололся надвое — день, обремененный долгом и обязанностями и ночь, полная дурманящей свободы... И едва зашло солнце, Кати поспешила покинуть родительский особняк и окунуться в объятия ночи.

Она неспешно шла по освещенным улицам, часто останавливаясь и оглядываясь. Оба преданных стражника, бесцеремонным образом остановленные накануне телохранителями императора, тенью скользили следом. А Катарина все ждала, шла медленнее... теряла надежду.

Быстрые шаги и сильные руки обнимают, чтобы мгновенно увлечь в темный проулок, подальше от света и людей.

— Невероятно длинный день, — прошептал Ян, склоняясь к ее губам.

— Не могу не согласиться, — ответила Кати.

— Могу ли я надеяться, что и вы скучали... без моего общества? — иронично вздернув бровь, поинтересовался император.

— Можете, — слукавила Катарина, — ведь надежды имеют свойство жить вечно.

— Коварная! — притворно возмутился Хассиян, — И месть моя будет... сладкой.

Он медленно склонился к ее губам, осторожно касаясь, нежно лаская, чуть настойчиво размыкая ее уста, чтобы отступить, едва ощутил протест смущенной его действиями девушки.

— Странная месть, — Кати рассмеялась, когда его поцелуи от пальцев и ладоней переместились на щеки, нос, губы.

— Это не месть, — обиженно пояснил Ян, — это проявление моей радости по поводу встречи, а месть... — послышался звук подъезжающей кареты, — она впереди...

В закрытой темной карете, не позволяя Катарине выглянуть в узкое окошко, Ян молча ехал, на все расспросы отвечая тихим смехом. Карета остановилась, когда шум морского прибора уже заглушал стук колес. Не обращая внимания на шутливое сопротивление, император подхватил вопящую о нежелании погибнуть утопленной во цвете лет девушку, и уверенно понес к витой беседке над обрывом.

— Я не настолько молод, чтобы вновь гулять ночь напролет, — пояснил Хассиян, — сегодня гуляем исключительно по воспоминаниям.

— Сколь длинное, а главное малоприятное путешествие вы изволили мне предложить.

Кати, как не была влюблена в императора, оказавшись у него в руках, задрожала от страха.

Ян понял, одарил ее своей понимающей усмешкой, и, отпустив, повел за собой.

Их ждал накрытый стол, вино в хрустальных бокалах, и ароматное мясо на вертеле. Единственный слуга низко поклонился, приветствуя, и тут же вернулся вновь к приготовлению трапезы.

— Вы не против отужинать в моем обществе? — помогая ей сесть на узкую тахту, поинтересовался Ян.

— Вы оставляете мне выбор? — Катарина рассмеялась.

— Выбирать всегда тебе, Кати, — Ян сел напротив, знаком приказал подавать мясо, — я никогда принуждать не буду.

И она ему поверила. Понимала, что вера не основана ни на чем, но все же верила... в этот миг.

— Расскажи о себе! — Ян отсалютовал бокалом, не отводя взгляда от девушки, сделал глоток.

— Я... — Кати задумалась, — Я, вопреки всему, теряю голову в вашем присутствии, и в то же время вы вызываете во мне...

— Страх? — Хассиян улыбнулся. — Не отрицай, это заметно.

— Да, страх, — Кати потянулась за своим бокалом, но... в следующую секунду отложила так и не пригубив.

Для нее вкус красного вина навсегда смешался с воспоминанием о первой ночи, с болью, унижением и крушением всех надежд. С тех пор она не пила даже на празднествах, всегда вежливо отказываясь. Хассиян нахмурился, жестом подозвал слугу и что-то приказал. Через мгновение бокал Катаринины был убран, а взамен принесен другой, в котором, искрясь сотней

пузырьков, плескалось что-то прозрачное.

— Это белое вино, — улыбаясь, пояснил император, — попробуйте... Только глоток, и возможно вы оцените его утонченный вкус.

Напиток был сладким, чуть пощипывал язык и Кати сама не заметила, как опустел ее бокал, под веселый рассказ Яна о его первом купании в море. И она весело смеялась над добрыми шутками обличенного властью собеседника, ровно до тех пор, пока Ян снова не вернулся к разговорам о ней.

— Так что же сподвигло тебя на бегство от супруга?

Едва заметный жест и слуга вновь наполняет бокалы до краев. Кати улыбнулась, и попыталась мягко отойти от более чем неприятной темы.

— А вас жениться? — девушка произнесла это так, словно просила прощения за вопрос, — Ведь императрица значительно старше вас.

Хассиян улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами, и подмигнув, потребовал:

— Откровенность за откровенность, Кати.

— Новая игра?

— Продолжение старой, — он снова улыбнулся, — согласна играть на равных?

Его улыбка пьянила, сильнее самого крепкого вина, но и вина Катарина выпила достаточно, чтобы на мгновение забыть обо всем, кроме императора Ратасса.

— Ранаверн спас меня, — Кати подняла бокал, всматриваясь в спешащие к поверхности пузырьки, — увез из Шарратаса и я была очень благодарна ему. Я так хотела верить, что он хороший, как... Виарта. Но сказка обернулась кошмаром... И все же я и не мыслила о побеге, потому как перед богом и людьми мы обвенчаны, просто... у меня не было выбора. А потом... не было и причин для возвращения.

Катарина тряхнула головой, словно вырываясь из плена воспоминаний:

— Ваша очередь, мой император.

Хассиян заставил себя улыбнуться, понимая, что сейчас она следит за его реакцией, и с трудом, но заставил себя не задавать вопросов... пока не задавать.

— Я женился в семнадцать, на супруге своего брата. Вот такая история.

— Но... — Кати изумленно смотрела на него.

— Но что?

— Но Аллария не являлась женой Харраса, — Кати задумалась, потом переспросила, — ведь так?

— Являлась. Не совсем так, как она сама желала бы... впрочем, это не та история, которую я готов рассказывать, — Ян подмигнул, — по брачному соглашению Ратасс получал Веллейские острова, а это несколько нервировало достаточно сильный тогда Лассаран. Мы ожидали

военного... скажем так военного выражения недовольства с их стороны, поэтому брак был заключен тайно. К сожалению Харрас погиб раньше, чем данный факт был обнародован. Фактически следовало бы выслать Алларию в Веллей, и вернуть вместе с ней острова, а это было несколько невыгодно империи. В результате отец предложил мне вступить в брак с принцессой Веллея, тогда почти тридцатилетней. Не буду скрывать, что я был против, невзирая на некоторую привязанность к Ее Высочеству, но... Как выяснилось, Аллария ждала дитя, и я не смог отказать ей в просьбе. Мы обвенчались, провели немало времени вместе, а спустя шесть месяцев на свет появился Хилайор, мой сын и наследник.

— О-о-о, — только и сумела выдать Катарина.

— Что вас удивляет? — Хассиян насмешливо приподнял бровь.

— Вы... — выдохнула Кати, — поговаривали, что вас заставила жениться на невесте брата большая любовь, а выходит... долг и благородство.

— Как емко вы обрисовали ситуацию, — он улыбнулся. — Моя очередь, задавать вопрос... Как вышло, что невеста герцога Ларише предпочла объятья короля?

Катарина вздрогнула. Перед глазами пронеслось то, самое страшное воспоминание: Бледный Ниар и его едва слышное «Наш брак невозможен, леди Катарина...». Больно, так больно было вспоминать о случившемся.

— Он отказался от меня... — Катарина залпом опустошила бокал, но его почти мгновенно наполнили. Слуга отошел и девушка продолжила. — Тогда я ненавидела и презирала за это... и за то, что произошло в родовом замке Ларише, сейчас... спустя годы, я понимаю, что и у него не было выбора. И все же... это было предательством.

— Он отказался, — повторил Ян, пытаясь понять, — а вы согласились с его решением?

Кати стремительно отвернулась, пытаясь скрыть слезы... ту ужасную ночь она так и не сумела забыть... И ведь так много их было, ночей без надежды на рассвет, но ту ночь она помнила и сейчас... «Король умер! — Дариан резко поднялся, положив кубок на столик и раздеваясь, направился к ней. — Да здравствует новый король! Ну же, поздравь меня, Катарина! Поклянись мне в верности! И люби меня, ведь теперь я твой король!!!»

— Я... — Кати поднялась, — я проиграла... простите. Видимо, я еще не способна играть на равных.

Когда она ставила бокал, руки дрожали. Хассиян видел и ее смятение и ее слезы и не мог понять причины! Поговаривали, что Дариан неоправданно жесток, но... свою бессменную фаворитку король Шарратаса более чем любил. Любил настолько, что оказывал знаки внимания прилюдно, одаривал подарками, позволил ей присутствовать на Совете Лордов. Эту любовь называли одержимостью, о ней шептались во всех дворах королевств Геонта, о ней слагали легенды и песни, в которых описывалось, как молодой принц Дариан повстречал прелестную деву Катарину на скалистых берегах Ортанона и отдал ей сердце. Дариан принял возлюбленную даже после бегства от супруга, и о влюбленном короле, что посвящал ей песни и ночевал в палатке офицера, предоставив любимой королевский шатер, сплетничали все придворные. Но сейчас он смотрел на хрупкую кареглазую девушку и видел лишь страх, ненависть, отвращение. Почему?!

— Катарина, куда вы? — встревожился Хассиян, увидев, что девушка направляется к выходу из

беседки.

— Уже поздно, — Катарина остановилась, мир в ее глазах покачивался, — и я... хотела бы вернуться.

Ян стремительно поднялся, подошел властно обнял за плечи и развернул к себе:

— Кати, сегодня столь чудесная ночь, неужели вы хотите нарушить очарование вечера? Давайте не будем касаться неприятных тем, только не оставляйте меня.

Он говорил, но думал об ином.

И руки сами скользнули на тонкую талию, прижимая к себе, а губы уже искали ее уста.

Катарина вздрогнула, попыталась освободиться и едва слышно прошептала:

— Вы... вы сказали, что выбирать всегда мне...

Он позволил себе еще один, быстрый и нежный поцелуй и отступил. Катарина зябко обхватила плечи руками, и не глядя на него, попросила:

— Я хочу вернуться... прошу вас.

«Не могу я тебя вернуть сегодня, не могу! — с нарастающим отчаянием думал император. — И сделать тебе больно мне придется, малышка. Очень больно... Но иначе занозу нам не вытащить!»

— Как пожелаете! — Хассиян склонился в шутливом полупоклоне. — Идемте.

* * *

В карете на этот раз ехали молча, Кати закрыв глаза старалась думать о море, огромном синем море и возвращении в ненавистную Гаору, Ян пристально смотрел на едва видную в сумраке Катарину. Дорога показалась обоим бесконечно долгой, но вот финал ее оба представляли себе иначе.

Кати ожидала услышать шум города, но едва карета остановилась, послышался скрип открываемых врат... Девушка замерла, боясь даже вздохнуть. Затем залаяли собаки, о чем-то переговаривались стражники, а карета... карета въезжала в какой-то замок, потому что колеса загрохотали по брусчатке.

— У меня слишком мало времени, — неожиданно жестким голосом произнес Ян, — и нет более ничего, в чем вы были бы столь заинтересованы, что пришли ко мне сами. Итог — я вынужден так поступить!

Карета проехала во внутренний двор и остановилась, отсекая их от внешнего мира двумя рядами стен. Катарина окаменела. Не было сил кричать, сопротивляться, просить... Катарина в оцепенении взирала на императора, просто не желая верить в происходящее!

— Все ваши слова... — прошептала Кати.

— Оказались ложью! — Хассиян грубо вытащил ее из кареты и, перебросив через плечо, понес в замок.

Серые каменные стены, темные лестничные переходы, большая комната где-то высоко, как будто в башне, ярко горящие дрова в камине и огромная кровать, покрытая красным покрывалом. Император швырнул девушку на постель, словно и не заботясь о ее безопасности. Кати беспомощно попыталась встать, но была остановлена рукой, придавившей ее к постели.

Он раздевался молча, не отрывая взгляда от нее. Снял рубашку, сапоги, расстегнул брюки. Ледяным тоном приказал:

— Раздевайся!

Кати молча попыталась отползти подальше, но Ян легко схватил за ногу, подтягивая к себе, затем наклонился, усмехнулся ей в лицо и прошептал:

— И, наверное, стоит выпить вина, да, Кати? Красного!

Резко развернулся, подойдя к столику, наполнил бокал и без труда перехватил бросившуюся к двери девушку.

— Как то вы торопитесь, княгиня, — Хассиян прижал ее к себе, — неужто уже решили меня покинуть?

— Отпустите, — взмолилась Катарина.

— Зачем? — он вновь швырнул ее на постель, спокойно сел рядом, держа в руке бокал с вином. — Мы здесь одни, Кати. Этот замок один из древнейших в Ратассе и здесь... никто искать вас не будет. Вы не являетесь моей официальной фавориткой, ваша семья не знает о наших отношениях. И никто... совершенно никто не осведомлен о том, куда вы ушли после заката, не так ли?

Катарина простонала, осознавая всю правдивость его слов.

— Вина, княгиня? — явно издеваясь, протянул император.

Она простонала вновь. Но даже осознавая всю бесполезность сопротивления, Катарина не желала сдаваться. Не могла больше! Села, уверенно взяла кубок, поднесла к губам, а затем... Резкое движение и вино выплеснулось на явно раздосадованного Хассияна.

— Забавно, — вытираясь платком, произнес Ян, — когти имеются, зубки в наличии, желание сопротивляться, даже при условии полной бессмысленности данного занятия, так же присутствует... — он грустно улыбнулся. — А я думал, что твое поведение следствие насилия... Выходит все иначе, да, княгиня?!

Катарина замерла, осознавая его слова.

— Теперь давайте рассмотрим ситуацию так, как вижу ее я! — Хассиян поднялся, застегнул брюки, надел рубашку и продолжил. — На допросах леди, которых вы, вероятно, знаете лучше меня, натолкнули на мысль, что королева Шарратаса желает... править единолично. Еще, как я выяснил, Ее Величество предпочитает... собственных фрейлин, но... с некоторых пор питает чувства к бывшей любовнице супруга. Леди Мертеи очень подробно поведала о чувствах Алиссин, или как вы ее называете? Мой белокурый демон? И возникает вопрос — Зачем Ее Величество прислала собственную фрейлину в Ратасс? Не отвечайте! Ответ поведала леди Вьетени! Противоядие, и вы чрезвычайно успешно справились со своей миссией.

— Вы все неверно поняли... — Катарина поднялась тоже, оправила юбки.

— Вот как? — Хассиян усмехнулся. — Ну так поведайте мне вашу версию. Кати хмуро взглянула на него, и произнесла:

— Я действительно прибыла в Ратасс с целью получить противоядие... Я чрезмерно многим обязана королеве, чтобы остаться безучастной к ее возможной гибели. И я слишком сильно ненавижу Дариана, чтобы позволить ему править в Шарратасе. Он... многое у меня отнял, от единственного человека которого я любила, до... до меня самой.

Ян, сдерживая довольную усмешку, молчал, ожидая продолжения ее монолога. Провокация оказалась более чем успешной. Вино, обвинения, обстановка и ее состояние способствовали излишней откровенности.

И Кати действительно заговорила:

— Мне было пятнадцать, когда угрожая казнью брата, Дариан вынудил стать своей любовницей. И это было так больно... я истекала кровью несколько дней... И мне приходилось лгать и скрывать свой позор, и тогда там, я так надеялась на спасительную смерть. Но Дариан не был готов лишиться новой игрушки и благодаря его стараниям я встала с постели. Но благодарности я не испытываю ни мгновения! Одного раза ему было мало и используя тайный ход, его высочество приходил каждую ночь... — Катарина вздрогнула, но слова продолжали рваться из души, словно она выплескивала всю свою боль. — Единственный человек, который стал важен для меня, несмотря на все отчаяние моего положения, герцог Виарта Ларише, был убит... Дариан не оставил сомнений ни в личности убийцы, ни в причине убийства... Я приняла и этот удар, решив провести остаток своих дней в монастыре. Серые мрачные стены, холодные кельи и отказ от привычной еды, одежды, положения... казались мне раем в сравнении с придворной жизнью. Но, увы, мое происхождение слишком ко многому обязывало, а брак между баронами ассер Вилленскими и герцогами Ларише был слишком выгоден короне... Меня отправили в герцогство, где я должна была стать женой Ниара Ларише... Но внезапно умирает король Ранамир, а Дариан... Знаете, в тот день я ожидала возвращения Ниара, такая счастливая, такая... наивная... Я подбежала к нему, и услышала: «Наш брак невозможен, леди Катарина». Ниар не посмел пойти против воли короля и Дариан вернул себе непокорную жертву, чтобы больше двух лет приучать к покорности.

А я ничего... совсем ничего не могла сделать, ведь залогом моего хорошего поведения стала Елизавета...

Катарина вытерла набежавшие слезы, закрыла лицо руками и продолжила:

— Но и в этом аду был светлый луч — скорая свадьба монарха... О принцессе Лассарана говорили многое. Придворные дамы, не смущаясь моего присутствия, обсуждали, как скоро Дариан покинет фаворитку, и падет к ногам прелестной супруги. Они считали, что унижают подобными разговорами, но воистину эти слова дарили надежду. Я покинула двор до возвращения молодоженов и собиралась принять сан... Он... — ее голос дрогнул, — его не смутили даже стены святого храма. И ничего не изменилось... О, как молила Пресветлого Огитана о спасении, а он словно в насмешку... Как оказалось, я пришлась по нраву и королеве. Два хищника спорили не долго, им не было смысла делить жертву между собой, если они могли совместно ею наслаждаться...

Хассиян слушал и не мог поверить. Столько боли и отчаяния в каждом слове... Но после откровений леди Мертеи, той, что дарила ему столько ночей любви, он уже мог поверить во

многое.

— Спасение пришло неожиданно, — после недолгой паузы заговорила Кати, — князь Арнар, прекрасный, как хищник... сильный, как снежный барс и он... он действительно помог мне спастись. Из-за дурмана, что заставила вдохнуть Алиссин, мы стали близки в ту же ночь. Ранаверн любил меня... по-своему... Я верила ему, искала защиты рядом с ним... О, Пресветлый, как же я верила ему... — судорожные рыдания заглушили ее слова, но справившись, Кати продолжила. — Крепостные стены обернулись тюрьмой, нежный супруг — жестоким насильником, добрые слова — лавиной упреков! Ранаверн оказался извращенцем. Вероятно сказалось воспитание при дворе Лассарана, а может его душа всегда была гнилой, но удовольствие... удовольствие моему супругу приносила моя боль, вид моей крови, осознание моей беспомощности...

Она судорожно вздохнула и вытерла слезы.

— Я пыталась найти защиту у княгини Надии, в ответ слышала пространные речи о послушании супруги. Я смирилась, выбора у меня не имелось. И когда появилась Алиссин, я даже пыталась сопротивляться, но... у Ее Величества имелись козыри в рукаве, и я последовала за ней как преданный цепной пес... Поводок был хоть и длинным, но весьма прочным — мои мать и сестра! Вот так я провела некоторое время в военном лагере, где Дариан, жестокий и властный король Шарратаса, пытался изобразить влюбленного монарха... Маска упала очень быстро — насильники не меняются! Мне удалось бежать... Но прежде, чем вернуть себе свободу, я решила вернуть долг Алиссин — ее жизнь, за жизнь моей семьи. Вот так, мой император, я оказалась на территории Ратасса!

Катарина вытерла слезы, встала. Несмотря на случившееся, ей вдруг стало легче. Кати с удивлением осознала, что император Хассиян стал первым человеком, которому она рассказала все. Абсолютно все. А потом пришло и иное понимание — Ян ее попросту заставил быть откровенной!

Девушка стремительно обернулась, смерила взглядом растерянного мужчину и усмехнулась. Судя по выражению его лица, подобного правитель не ожидал. Что ж, у Катаринины было, чем еще удивить его:

— А теперь, давайте рассмотрим ситуацию так, как вижу ее я! Все ваши слова про то, что выбор за мной — не более чем пустой звук! И вы... вы такой же как и все, кто пресыщен властью! — она вскинула подбородок, пристально глядя на императора. — Решили указать мне на мое место? Или продемонстрировать свою власть?! Или же вы, не удовлетворившись допросом известной нам леди, решили услышать все из первых уст?! Услышали? Довольны? Так я могу вам рассказать и в интимных подробностях!

Карие глаза потемнели от ярости! Да, сейчас Катарина осознала случившееся очень отчетливо. И снова в памяти всплыли слова Алиссин: *«После того, что с тобой сделал Дариан, а затем и Ранаверн, ты возненавидишь мужчин, Катарина! Ты уже их ненавидишь, но где-то внутри наивно надеешься на любовь и счастье. Что ж... я позволю тебе испытать еще одно, убийственное разочарование».*

— А разочарование действительно убийственное, — простонала Катарина, но она не позволила себе больше плакать.

Отвернувшись к окну, Кати справилась и с болью, и с собственными глупыми надеждами и даже с отчаянием. «А на что я надеялась? — с грустью подумала девушка. — На что? Как же

точно охарактеризовала меня королева — святая наивность! Но я почему-то вновь и вновь стараюсь видеть в людях только хорошее... Зачем?!».

— Знаете, что больше всего поражает в данной ситуации? — прошептала Кати и, не дожидаясь ответа, продолжила. — То, что Алиссин была права... во всем.

Она судорожно вздохнула, сжала кулаки и до крови прикусила губы. Что ж, если Пресветлый не отмерил счастья на ее долю, значит такова ее судьба!

Когда она развернулась к императору Ратасса, это была уже другая Катарина. Сильная, уверенная и бесстрашная. Подобного Хассиян не ожидал и даже вздрогнул, услышав ее холодный и презрительный тон:

— С исповедью покончено. Я могу идти?

— Нет, — несколько растерянно сказал император, еще не вполне осознавая, что случилось с той испуганной и рыдающей девушкой, которой Катарина была всего мгновение назад, но уже понимая что совершил ошибку.

— Чего же вы еще желаете? — сарказм и язвительность в каждом отрывисто произнесенном слове.

— Тебя, — честно ответил Хассиян.

Катарина сложила руки на груди, медленно, не отрывая взгляда от императора, приблизилась к нему, и, не скрывая ненависти, проговорила:

— Вы можете убить меня, отправить на столь милое вашему сердцу свидание с крысами подzemелье, но я больше не буду более спать с вами! Никогда! Хватит!

Хассиян попытался обнять ее, но Кати отступила, все так же с ненавистью глядя на него.

— Я должен был выяснить, — мрачно оправдался император.

— Гордитесь собой, вы достигли цели! Допрос завершен?

— Катарина... — он сделал шаг, но остановился, увидев ее усмешку.

— Я не животное, Ваше Величество, — горькая усмешка исказила красивые губы, — я человек, и укротитель, даже самый лучший, не заставит принять законы стаи. И я доверяла вам, потому что ваши слова и признания казались мне искренними. Но я благодарна за урок! Как же сильно я благодарна за этот жестокий урок! И за, пусть и болезненное, но напоминание — мужчины не умеют любить! Вы умеете подчинять, топтать, насиловать и... удовлетворять собственные потребности. Спасибо, этот урок я запомню. Видимо именно этому Пресветлый и желал меня научить...

И не встречая сопротивления, Катарина покинула странную спальню, как оказалось действительно расположенную в башне. Быстро спустилась по ступеням и вышла во двор. Стражники беспрепятственно пропустили бледную девушку с растрепанной прической, но едва Кати вышла за вторые ворота, ее догнала карета. Все же император оказался не лишен благородства и на этот раз возница доставил девушку к поместью ассер Вилленских.

* * *

Утром Катарину разбудил восторженный визг Елизаветы. Сестричка, не смущаясь тем фактом, что Кати еще не вставала, ворвалась к ней в комнату с единственным требованием:

— Ты должна сообщить его имя!

— Хассиян, император Ратасса! — хмуро ответила девушка и вновь легла на подушки.

Стон Елизаветы она даже не услышала, а вот ее возмущенные крики в гостиной не позволили вновь провалиться в спасительный сон.

— Катарина, — леди Анестина вошла в спальню, — то, что сказала Элиза, это...?

Девушка устало поднялась, направилась к кувшину с водой и язвительно поинтересовалась:

— А у кого еще, по-вашему, достаточно средств и возможностей чтобы делать подобные подарки?

— Но, дитя мое, — баронесса испуганно смотрела на дочь, — почему... я не понимаю...

— Я тоже, — призналась Кати, — я тоже... Не понимаю и, наверное, никогда не пойму...

Ледяная вода и ледяное же осознание — это не было сном! Ничего не было сном...

Кати выпрямилась, глядя на себя в зеркало — бледное лицо, покрасневшие глаза, серые губы с заметными следами ее собственных зубов.

— Что с тобой? — баронесса подошла, обняла дочь за плечи.

Кати точно знала, что с ней — она дошла до предела. До точки, до грани возможного. А где-то глубоко было больно, словно сердце вырвали и осталась рана. Болезненная, кровоточащая рана...

— Мне просто больно, мама, — прошептала Катарина. — Но я выдержу и это!

* * *

Спустившись в холл, девушка безразлично осмотрела творящееся там безобразие. На этот раз все цветы были алыми. словно кровь. По сравнению с принесенными накануне белоснежными, эти розы казались вызовом, просьбой, страстью... И сотни посланий, с единственным словом «Прости». На гранатовый браслет, колье с рубинами и кольцо с огромным бриллиантом Катарина даже не взглянула.

И поднимаясь снова к себе, чтобы переодеться для посещения императорского дворца, тихо попросила Элизу:

— Не оставляй меня сегодня.

— Хорошо, — так же прошептала младшая сестра.

* * *

Лорд Анеро уверенно вошел в кабинет правителя и остановился на пороге — Хассиян выглядел неважно. Совсем. словно запавшие глаза, затравленный взгляд, изможденный вид.

— У меня препаршивое чувство, что я ее потерял, — увидев советника, произнес император.

— Исповеди не было? — спросил Анеро.

— Напротив... Информация была предоставлена исчерпывающая... — Хассиян растер лицо руками. — Бедная девочка... Пережить такое...

— Князь Арнар? — догадался сановник.

— Ты что-то знаешь о нем? — мгновенно заинтересовался повелитель Ратасса.

— Лучший друг покойного принца Генри, — отозвался Анеро. — К тому же поговаривали, что несколько раз поутру в его покоях находили погибших девушек.

— Погибших? — император нервно сглотнул, ощутив, как горло сжало спазмом.

— Истекших кровью, — подтвердил советник. — Утверждать однако я не берусь, но одну девицу я после князя видел... ее тело было покрыто шрамами. Долго малышка не прожила. Впрочем это отличительная черта дворянской молодежи Лассарана — привычка убирать тех, кто о чем-либо непозволительном осведомлен.

Хассиян простонал, и мрачно произнес:

— Катарину я не отдам! В любом случае, невзирая на ее согласие, либо несогласие!

— Об этом не может быть и речи. Учитывая наш план, мой повелитель, нам крайне не выгодно даровать наследницу Ортанона князю Арнар.

* * *

Она собиралась быстро, но надев скромное платье цвета осенних сумерек для посещения дворца, вместе с тем сложила несколько дорожных костюмов, белье, и тот самый костюм лесничего, в котором прибыла в Ратасс. Небольшое количество золотых монет, выпрошенное у отца, так же перекочевало в сумку со сменной одеждой. Все это она передала служанке, с требованием отнести к лекарю Раенеру, и оставить там. Быстро написала несколько слов на листке бумаги и взяла послание с собой.

Во дворец ехали молча, только Елизавета, словно предчувствуя что-то, постоянно держала Кати за руку.

Их остановили на въезде. Офицер личной гвардии Его Величества, вежливо попросил княгиню Арнар проследовать за ним. Кати молча подчинилась... Прощаясь, чуть сжала ладонь сестры.

Тайными переходами, и двумя скрытыми от посторонних глаз галереями княгиню Арнар провели в покои императора. Лорд Анеро склонился, приветствуя, затем сопроводил в личный кабинет Хассияна, и едва Кати вошла, закрыл за ней двери, оставшись в коридоре.

— Прости меня, — Ян сидел за скромным письменным столом, отложив при ее появлении скрепленные перевязью бумаги.

— У меня к вам будет просьба, — Катарина без тени улыбки смотрела на него.

— Я слушаю. — Хассиян не делал попытки встать и обнять ее, хоть и желал этого больше

жизни.

— Не препятствуйте желанию моего супруга воссоединить семью! — отчетливо произнесла девушка.

— Нет! — это было почти рычание.

Он ответил, и лишь затем понял, что ответ был слишком поспешным. Понял и другое — она обо всем догадалась.

— Ты уже знаешь? — стараясь быть хладнокровным, спросил Ян.

Кати усмехнулась и пояснила:

— Накануне вы сообщили, что у вас слишком мало времени. Вероятно, гаорский корабль был замечен на горизонте еще вчера. И возможно, именно этим вы желаете объяснить свое поведение, не так ли?

— В уме вам не откажешь...

Развернувшись, Катарина направилась к двери, и взявшись за ручку, не оборачиваясь, произнесла:

— Будьте верны своему слову! Вы говорили, что выбор за мной, я свой выбор сделала!

Но едва она начала открывать двери, Хассиян метнулся к девушке. Одна его рука обхватила ее талию, вторая мягко, но властно закрыла двери.

— Катарина, — его губы касались шеи, целовали завитки темных волос, — я должен был знать... Прежде чем идти на конфликт с Гаорой, прежде чем пойти на шаг, который в глазах придворных выставит меня влюбленным болваном... Я император, пойми, я должен был знать!

— Знать что? — Кати словно окаменела в его руках. — Знать меру моего падения? Теперь она вам известна. Отпустите меня!

— Катарина, — он простонал, прижав ее к себе сильнее, — это было безобразно и грубо с моей стороны, но иначе... иначе на выяснение всего у меня ушли бы недели...

— Я не животное, — Кати все же вырвалась и развернувшись гневно взглянула на него, — не Анраш, не Харан, не лошадь! Вы приручали меня, как ни тяжело это осознавать. Сначала позволяя мне ощутить свободу, а затем... Ваш план увенчался успехом. Гордитесь собой. А я... я не желаю быть еще и вашей фавориткой, не желаю и не буду! Вы дали слово принимать мой выбор, каким бы он ни был, имейте силы сдержать данное обещание!

— Кати... — он попытался вновь обнять ее.

Но Катарина стремительно отступила и решительно потребовала:

— Не прикасайтесь ко мне!

Ярость закипала, затуманивая разум, но Хассиян сдержался, и попробовал вразумить ее:

— Да послушай же ты!..

— Я не желаю ни слышать, ни видеть, ни знать вас, — несколько грубо прервала его княгиня Арнар, затем обошла, вновь взялась за дверную ручку, и едва слышно добавила: — Вы были моей ошибкой, Хассиян... последней!

— Катарина!

Распахнув двери, она покинула императора, стремительно раскрывая веер. Лицо пылало от гнева, ярости и... чувства, о котором Катарина приняла решение забыть.

* * *

Путь от покоев императора она запомнила еще в прошлый раз и сейчас сориентировавшись, шла к тронному залу, минуя два лестничных пролета и выйдя к картинной галерее, заполненной придворными, ожидающими выхода императора, поторопилась миновать его, чтобы покинуть ненавистный дворец.

Княгиня быстро шла по галерее, не обращая внимания на провожающих ее взглядами придворных, когда увидела его. Быстрый, неистовый, неудержимый и жестокий снежный барс. Прекрасный, зеленоглазый, с белоснежными волосами, собранными в хвост, в светло-серебристом, расшитом черными нитями костюме. Кати смотрела на супруга и слышала, как перешептываются восхищенные леди, спрашивая друг у друга имя столь прекрасного лорда.

Ранаверн увидел ее и тоже остановился. Они так и смотрели друг на друга через всю галерею, не в силах сделать шаг. И все же первый шаг был за ним, как и остальные. Барс вышел на охоту, но зная, что жертве некуда отступить, шел уверенно и неторопливо... Катарина невольно залюбовалась этим прекрасным хищником. Длинные белоснежные волосы и загорелая после морского путешествия, почти бронзовая кожа. Красивое лицо сурового воина, и словно сияющие изумрудные глаза истинного горца. И она любовалась прекрасным лицом, которое даже в гневе было не лишено этой суровой красоты, на сильные руки, столь выделяющиеся развитой мускулатурой воина, а не придворного хлыща... но она на себе испытала как нежность этих ладоней, так и силу их удара...

«Зверь, — отрешенно подумала Катарина, — красивый и безжалостный... как и все звери...»

А Ранаверн шел, улыбаясь и ухмыляясь одновременно, не сводя с нее пристального взгляда, и не скрывая своей ярости... Он, как и Кати, искренне любовался супругой — как не похожа была она, прекрасная белокожая кареглазая леди в золотисто-багровом наряде, на разукрашенных придворных дам. Как выгодно выделялась на их фоне нежностью, женственностью, чистотой и стройностью. Так выделяется тонконогая лань в стаде возвращающихся из леса коров.

Усмешка тронула красиво очерченные губы.

«Моя, — подумал князь Арнар, — моя несмотря ни на что!»

И он не стал отказывать себе в удовольствии, обхватив рукой ее шею, впиться болезненным поцелуем в губы той, что больше всего желал придушить! Кати молча стерпела, едва он оторвался, присела в реверансе, не скрывая иронии произнесла:

— Рада видеть вас, дорогой супруг!

— Драгоценная супруга, — поклон Ранаверна был исполнен с не меньшей язвительностью, — я бесконечно рад воссоединению нашей семьи!

Катарина вскинула голову, пристально глядя в зеленые глаза, и едва слышно, только для него произнесла:

— Нельзя воссоединить то, что никогда не было семьей, супруг мой. Ранаверн прошептал в ответ:

— Мы обсудим это, — его рука медленно коснулась фарфоровой кожи ее лица, затем спустившись ниже он провел пальцами по шее и внезапно с силой сжал, — и ты изменишь свое решение!

— Безумием было бы на это надеяться, — Кати отступила на шаг, освобождаясь от проявления его чувств, — единственное, что я готова обсуждать с вами, так это расторжение брака!

И вот эти ее слова придворные расслышали. Ранаверн стоял, чуть склонив голову к левому плечу, и взгляд его был полон ярости. Этот его взгляд Катарина уже знала. И последствия подобного ей так же были ведомы...

«И не надейся, — в ярости подумала Кати, — больше это не повториться!».

Ранаверн сделал один плавный шаг, приблизившись вплотную и чуть склонившись к супруге, прошептал:

— Никто не посмеет разрушить освященный богом брак!

Она промолчала, пристально глядя на мужа, данного богом... ей в наказание.

Внезапно послышались торопливые шаги, а после они услышали громкое:

— Князь Арнар, — к ним спешил лорд Анеро, — мы рады приветствовать вас!

— Мы продолжим... позже, — прошептал прекрасный в своем гневе барс, отступая от супруги и с выражением вежливого внимания, оборачиваясь к подошедшему советнику императора.

Далее общение протекало в соответствии с этикетом.

— Лорд Анеро, — мужчины обменялись приветственными поклонами, но едва выпрямившись Ранаверн с нескрываемым злорадством добавил, — ваша бесконечная радость по поводу моего прибытия была отмечена мною еще накануне... Когда ваши портовые офицеры, продержали мой корабль до утра, не позволяя мне высадиться на берег!

Катарина, с нескрываемым удивлением обратила взор на лорда Анеро, однако доверенный императора был занят поиском достаточно вежливых фраз, для ответа разгневанному князю.

— Прискорбно слышать подобное, — нашелся Анеро, — но мы выясним причины столь... ответственного подхода к работе наших служб охраны. Приношу свои извинения, за причиненные неудобства. И прошу вас следовать за мной, князь Арнар, император ожидает вас.

Князь готов был рвать и метать, но... не подчиниться высочайшему повелению было бы неразумно. Катарина проводила его очаровательной улыбкой, на которую Ранаверн несколько раз обернулся.

К своему искреннему удивлению, Кати заметила как вслед за князем и лордом, галерею

покинул и барон Вилленский. Вот это уже несколько удивило.

— Княгиня Арнар, — леди Днерин, неспешно подошла к девушке, — как же вы нашли в себе силы бежать от того, за кем уже готовы следовать почти все придворные дамы?

Насмешка, ирония и едва прикрытое любопытство. Катарина усмехнулась ей в лицо, идеально повторив выражение Алиссин. Леди побледнела, и невольно отступила на шаг.

Кати не собиралась удовлетворять чье бы то ни было любопытство, у нее были гораздо более далеко идущие планы. Обернувшись, она поискала глазами мать и сестру, и удивленно взглянула на вошедшего императора.

Ян, сжав губы от злости, не обращая внимания на поклоны придворных, стремительно подошел к ней и схватив за запястье прошипел:

— На пару слов, леди! — потащил упирающуюся Кати за собой.

Придворные проводили их шокированными взглядами, на матушку Катарина даже взглянуть не успела.

* * *

Хассиян протащил ее до конца галереи, и втолкнул в один из закрытых проходов. Еще несколько минут по узким лестницам и уже знакомый девушке императорский кабинет.

— А теперь сядь и послушай! — Ян силой усадил ее на кресло.

А затем начал мерить кабинет уверенными шагами. Кати, понимая, что выслушать придется, села удобнее, сложила руки на коленях, выражая готовность внимать его словам.

— Итак, у нас есть факт: Я не отдам тебя Арнару, — император остановился, пристально посмотрел на нее. — Этот выбор я тебе не предоставлю, Катарина.

— Какие громкие слова, — не удержалась от иронии Кати. Желваки на его лице заходили ходуном, но Хассиян сдержался.

— Теперь переходим к твоему выбору, — он придвинул стул, сел напротив. — У нас есть два варианта, Кати. Первый наиболее прост в исполнении, и мы будем вместе.

— Объявите меня своей фавориткой? — Кати усмехнулась. — Мой ответ — нет!

— Хорошо, — его глаза чуть сузились, выдавая ярость, но он вновь загнал эмоции под контроль. — Хорошо, Катарина! И даже если я, бесконечно обозленный твоим поведением, против данного решения, и даже если я считаю, что нужно было бы не отпускать тебя из Дартана вчера, а напоить и все же соблазнить, как и планировалось изначально... до твоей перевернувшей мой мир исповеди... Я все же принимаю твой выбор.

Он на мгновение опустил голову, тяжело вздохнул и продолжил:

— Второй вариант предложен твоим отцом. Изначально планировалось использовать Елизавету, но... она слишком наивна и легкомысленна и, к моему искреннему сожалению, на роль идола не подходит.

— Поясните? — Катарину встревожили его слова.

— Дева, — он вспомнил их разговор перед статуей, невольно протянул руку, больше всего на свете мечтая прикоснуться к нежному и любимому лицу, но сдержался. Безвольно опустил ладонь, не желая продолжать, все же заговорил. — Дева Ортанона, красивая легенда в которую так верит народ.

Император стремительно поднялся, отвернулся от Кати. «Не смей, не смей, — повторял он про себя, — стоять!» Сдержался, поражаясь собственному хладнокровию и выдержке, но повернуться боялся. Так и продолжил, стоя к Кати в пол оборота.

— Второй вариант это сделать тебя верховной жрицей забытого культа покровительницы слабых, защитницы народа, той самой Девы Ортанонской.

И все же обернулся, желая видеть ее реакцию. Кати задумчиво следила за каждым его движением, но на ее лице невозможно было прочесть, ни единой эмоции.

— Вы понимаете, о чем я? — недовольно переспросил Ян.

— Смутно, — Кати начала в задумчивости водить пальчиком по краю веера, — но мысли по данному поводу есть... Народ, возмущенный провалом противостояния Шарратаса не желает более признавать власть князей, а мой отец единственный наследник Ортанона... Попробуем развить данную мысль... Ни торговцы, ни простой люд никогда не любили барона Вилленского, предпочитая более обходительного князя Иленсо Ортанона, но сейчас в интересах Ратасса поставить во главе островного княжества свое доверенное лицо... Как занимательно... И вы с отцом решили возродить культ Девы Ортанона, той самой, которая более ста лет была запрещена, а храмы ее разрушались, дабы привлечь сердца простого народа к лону официальной церкви, я правильно вас поняла?

— Совершенно верно, — несколько замедленно ответил пораженный ее рассуждениями император.

— Но не кажется ли вам, — Кати усмехнулась и встала, — что шлюха и невинная дева как-то не сочетаются?

— Ты не шлюха!

Хассиян смотрел на нее, такую далекую и холодную, выговаривающую слова с чеканной ненавистью и... все его тело, все мышцы, каждый нерв были напряжены до предела. И ведь приручал, действительно приручал к себе, и почти получилось, но... Взять, схватить, прижать к себе такое манящее тело, с блаженным воплем овладеть, врываясь в ее, исполненное райского плена... «Стоять! Стоять, я сказал. Ты не мальчишка... Стоять! Не шевелись! Не смей...»

— Но вы правы, — Катарина, почти физически чувствуя его напряжение, отошла к двери, остановилась, распахнула веер, — это действительно идея, заслуживающая внимания... Могли ли я обсудить данный вопрос с отцом?

— Остановись, — Ян почти простонал, сжимая кулаки до боли, — послушай меня, я...

— Меня устраивает второй вариант! — и вновь в каждом слове ледяной порыв. — И возможность покинуть Ратасс также, и... принятие сана тоже!

— Катарина!

Он не удержался, подошел вплотную, замер, сцепив руки за спиной, потому что знал —

прикоснется, и она закричит, ударит, но терпеть не будет. Он перегнул палку, и отчетливо понимал это. Жаль, дать ей время успокоиться не мог, при всем своем желании.

И все же объяснить, показать что чувствует, он попытался:

— Катарина, послушай, прошу... Да я был неправ, и да я наказан. И поверь, ни одно из твоих полных язвительной издевки слов, не способно причинить больше боли, чем мое собственное сознание. Да и что в силах сравниться по издевательствам униженности с собственным, отказывающимся подчиняться телом? Рядом с тобой я как юнец, неспособный себя контролировать!

— Я вам сочувствую, — отвернувшись, прервала его исповедь Кати, — и даже могу помочь, просто покинув Ратасс.

Хассиян простонал, но следующей реакцией была ярость.

— Да услышь ты меня! — схватив за плечо, развернул, затем подчиняясь собственным желаниям, прижал к стене, наклонился, почти касаясь ее рта губами и начал говорить быстро, отрывисто, изливая свою ярость и свою боль с каждым словом. — Ты покинешь Ратасс, но там... тебе придется выслушивать больных и убогих, говорить даже с теми, кто вызывает лишь омерзение, носить не эти платья из летящих тканей, а грубое сукно, натирающие кожу одежды... — он коснулся губами ее щеки и простонал, — а у тебя такая нежная кожа, Катарина...

— Я вижу, моя кожа не дает вам покоя! — Кати не упустила возможности съязвить.

— Должен признать, этот факт и меня бесконечно тревожит! — тоже не сдержался Ян.

— Я могу с вами поделиться... кусочком, так сказать подам жалкому и убогому!

— Мне мало кусочка, Катарина, — прорычал Хассиян, — если уж ты столь милосердна, то иди до конца и подай мне всю себя. Ради подобного я готов признать себя и бедным, и убогим и даже умалишенным!

— Отпустите меня! — глядя в темные глаза императора, девушка внезапно ощутила панический ужас.

— Страх, — совершенно спокойно заметил Ян, — и снова страх... ты путаешь желание с насилием, Катарина.

— Скорее вижу истинную суть, — она попыталась оттолкнуть его. Но Хассияна подобный поворот событий не устраивал.

— Посмотри на меня, Катарина! — девушка вздрогнула и закрыла глаза. — Я сказал, смотри на меня!

Кати, закусив губу, стараясь не выдать охватившее ее отчаяние и панический страх, и распахнув ресницы, взглянула на императора.

— И что ты видишь, Катарина? — голос Яна был хриплым.

— Зверя, — едва слышно ответила девушка.

— И ты боишься? — теперь он шептал. — Да...

— Смотри на меня, Катарина, — Ян горько усмехнулся, — смотри внимательно, и запомни — так взирает не зверь, так на госпожу смотрит раб. И когда в глазах мужчины ты видишь желание, глупо испытывать страх, потому что в этот миг ты обретаешь власть, Катарина. Власть казнить или миловать, власть приказать, и приказ будет исполнен... Любой приказ!

— Тогда отпустите меня...

И он отпустил, отошел, скрестил руки на груди, с печальной насмешкой глядя на девушку. Кати внезапно ощутила пустоту и холод, какой-то странный холод, вынудивший зябко обнять плечи.

— Вас ждут, — почему-то виновато произнесла Катарина, — а вы тратите время на пустые разговоры со мной.

— Пустые... какое удачное слово ты использовала, Катарина... жаль, что не к месту... Это без тебя все разговоры пусты, как и моя жизнь... — он грустно улыбнулся и добавил. — Без тебя все пустое...

Холод в душе ознобом прошелся по коже, вот только... разве не признавался в любви Ранаверн, разве не был он нежен, разве не испытывала она желания прижаться к нему?.. Желала... Тогда ей казалось, что и она имеет право на счастье... Счастье превратилось в очередную насмешку судьбы...

«Хватит, — сама себе приказала Катарина, — с меня хватит!»

— Я не останусь здесь, — Кати, невольно сжала плечи чуть сильнее, — не буду скрывать — я планировала вернуться в Шарратас. Алиссин далеко не святая, но... я могу ей доверять, и свое слово королева Шарратаса всегда держит. Однако, ваше предложение, я, несомненно, имею в виду второй вариант, частично совпадает с моими планами, посему я с радостью приму его.

Ян отрешенно взглянул на нее, усмехнулся:

— Женщины... вы мыслите не разумом — чувствами... Катарина, попробуй на мгновение, хоть на мгновение, забыть о своем бесконечном упрямстве и обиде. И пойми одно — здесь тебя ждет жизнь в роскоши, тебя будет окружать уважение и преклонение... Катарина, у ног твоих будет сам император Ратасса и я... я готов дать клятву, что никогда не причиню тебе вреда. А там, несмотря на твои наивные ожидания, тебе придется испытать и боль, и отчаяние и... разочарование, Катарина. Разочарование в людях, в вере, в родных... Быть идиолом, родная моя, это не дар, это проклятие.

— Я свой выбор сделала, — спокойно ответила Катарина, — а мое доверие вы утратили... навсегда.

Она несколько смутилась под его пронизательным, полным грусти взглядом.

— Что бы я сейчас ни сказал, ты не слышишь меня, — медленно произнес император. — Жаль, Катарина, очень жаль... Я желал бы оградить тебя от предстоящего.

Хассиян мрачно усмехнулся и прошептал:

— Будь свободна, душа моя... Только помни, что в моих объятиях ты обрела бы свободу. Но ты... ты предпочла быть излишне гордой. Следуйте за мной... баронесса!

* * *

Катарина молчаливо шла вслед за императором, стараясь забыть его слова... Просто забыть, не думать, не чувствовать...

Они спустились в темную комнату предназначенную для заседаний доверенного совета. Здесь уже присутствовали князь Арнар, побелевший от ярости едва вслед за императором вошла Катарина, барон ассер Вилленский с надеждой взглянувший на дочь, лорд Анеро, пристально разглядывающий императора и еще семь лордов из совета.

Хассиян, не удостоивший Катарину более и взглядом, прошел и занял свое место во главе стола. Кати, несколько удивленная пафосом обстановки, повинувшись жесту отца, обошла овальный стол и села рядом с бароном. Ранаверну пришлось сесть напротив, и, судя по гневному выражению красивого лица, он уже осознал, что собрание имеет целью каким-то образом отнять у него супругу.

— Князь Арнар, — начал Хассиян, — мы рады приветствовать вас на территории империи Ратасса.

— Благодарен за предоставленную возможность, — тон Арнара был любезен, в отличие от взгляда, — однако я желал бы получить принадлежащее мне по праву, и мне несколько непонятна цель нашего... собрания.

Император усмехнулся, но не счел нужным отвечать.

Лорд Анеро поднялся, держа в руках стопку исписанных листов. Откашлявшись, взял слово:

— Нам поступило прошение барона Валентино ассер Вилленского о расторжении брака его старшей дочери Катарины ассер Вилленской и князя Гаоры Ранаверна Арнара...

— Какого демона?! — князь вскочил. — Я даже слышать этого не желаю. Брак был заключен на территории Органона, брак был консумирован, его законность вы отрицать не имеете права!

Повисшую тишину, нарушил ассер Вилленский:

— Я не дал благословения на брак, — ледяным тоном ответил барон, — это первое. И второе — ваш союз не был озарен счастьем продолжения рода. По законам княжества Органон, бездетный брак может быть расторгнут. А брак, как вы сами изволили заметить, был заключен на территории Органона!

— Союз может быть расторгнут лишь взаимном желании обоих супругов! — почти заорал Ранаверн. — Я же не желаю этого.

— Князь Арнар, — вмешался лорд Анеро, — ведите себя пристойно.

— Пристойно?! — снежный барс был бесподобен в своей ярости. — Барон, наш брак продолжался чуть более трех месяцев! А вы говорите о детях! Вы, человек, который сделал все возможное для того, чтобы Катарина не могла зачать!

Кати с удивлением взглянула на несколько смущенного отца. Проанализировав события, она пришла единственно возможным выводам и ее вопрос был скорее утверждением:

— Шамесс?

Барон лишь кивнул в ответ.

— Невероятно, — Кати усмехнулась, — видимо я столь привыкла к его вкусу в Шарратасе, что не распознала в Органоне. Но все же я благодарна... От самой страшной ошибки, вы, отец, меня уберегли.

Ранаверна передернуло от ее слов. Грань разумности, сдерживающая его бешенство, истаяла в пламени ярости:

— Шлюха! — этот крик отразился от стен, вернувшись отголосками. — Шлюха этой суки Алиссин! Довольна, да? Она умело ласкала тебя по ночам в лесу, а, Катарина? Ты стонала, да? Или ты сопротивлялась для приличия и ей тоже твердила свое излюбленное «да как вы смеее»?.. Я взял тебя, опозоренную и униженную, после того как тебя использовал едва ли не на глазах всех придворных Дариан, после того как ты спала с этой лассаранской змеей! А я взял тебя в жены!

Такого не ожидал никто, но Кати сумела сдержаться и даже ответить.

— Я не просила вас о милости! — отчеканила Катарина. — Вы молили ответить взаимностью!

Правда в данный момент была не тем, что он готов был принять.

— Сука! Безжалостная, лживая, подлая мразь! — проревел Ранаверн.

Вскочив, князь Арнар в ярости смотрел на супругу. Кати не отрывала глаз от стиснутых пальцев, едва сдерживая слезы.

— Не буду отрицать, — едва слышно ответила девушка, — видимо вы, тот единственный кто знает истину, считаете себя вправе... одаривать меня подобными эпитетами. Ваше право, князь.

Эти слова словно отрезвили его. Арнар тяжело опустился на стул, не сводя пристально взгляда с Катарини. Он видел, что все против него. Видел, понимал, отчетливо ощущал... но сдаваться не собирался. И снежный барс улыбнулся, но эта улыбка скорее напоминала оскал...

— На что ты надеешься, Катарина? — его голос теперь был нежным и добрым, звучал чуть приглушенно, словно бегущий под снегом ручей. — У тебя выбор небольшой, Кати, или я, или эта лассаранская шлюха. Ни она, ни я от тебя не откажемся... и ты знаешь, на что мы оба способны. Ты, как никто, знаешь об этом... Хочешь свободы? Я ее дам, любовь моя... на время... очень недолгое. Но когда будешь умолять о пощаде, сидя на цепи в моем замке, а таких сук как ты на цепи и следует держать... Тогда ты вспомнишь, что могла быть не подстилкой, а госпожой!

Присутствующие не могли поверить в услышанное! Не могла поверить и Катарина. Вскинув голову, она удивленно взглянула на супруга и в его глазах прочла приговор. Свой приговор! И все же...

— Ты мне угрожаешь? — скорее удивленно, чем испуганно спросила Кати.

— Угрожаю? — переспросил утративший сдержанность Ранаверн. — Я угрожаю?! Это не угроза, Катарина, это твое будущее! То самое, что ты только что предпочла статусу моей уважаемой супруги, шлюха!

Катарина вздрогнула, зная его одержимость и возможности, она понимала всю обоснованность угроз, но глаз не отвела, продолжая молча смотреть на супруга. Сказать ей было нечего. Катарина знала, что Арнар сильнее. Знала и то, что этот человек ни перед чем не остановится ради цели. Отчетливо понимала и то, что рано или поздно, она окажется у него в руках, потому что Ранаверн всегда держал свое слово. И в этой ситуации у нее действительно оставался лишь небольшой выбор — Алиссин или император Ратасса. В данный момент значительно разумнее было бы, воспользоваться защитой императора, и Кати задумчиво посмотрела на повелителя империи.

Хассиян ответил ей бесшабашной, совершенно счастливой улыбкой. Он отчетливо осознал — теперь выбора у княгини Арнар нет! Следовательно лорд Анеро оказался прав, что не могло не радовать. И указав кивком головы на Ранаверна, Ян, растягивая слова, с намеком произнес:

— А в Ортаноне ты будешь очень уязвима...

Кати заметно вздрогнула. Барон ассер Вилленский, нервно взглянув на императора, тут же вмешался:

— Катарина будет под моей защитой! После его слов, не сдержался Ранаверн:

— Да неужели, — язвительный тон Арнара, и его спокойное, — вы и себя были не в силах защитить...

Но их обмен гарантиями и намеками оставался неслышим двумя главными действующими лицами данного спектакля — Хассиян и Катарина продолжали смотреть друг на друга. Она — до конца не веря в подобный расклад, и в то, что император Ратасса вновь манипулирует ею, и он — донельзя довольный событиями.

Ян, ухмыляясь, добавил:

— Первый вариант, Катарина... Первый! Услышав подобное из уст человека, который никогда не бросает слов на ветер, а князь Арнар славится умением сдерживать данные обещания, стоит забыть обо всех сомнениях... Хотя... от идеи с ошейником, вынужден признаться, я в восторге...

Вот теперь император удостоился внимания всех присутствующих.

— И как это понимать?! — зверея, поинтересовался Арнар.

— Что именно? — тон Хассияна был полон любезности.

— Ваши намеки, Ваше Величество!

— Какие, Ваша Светлость? — искреннее изумление Хассиян продемонстрировал великолепно.

— Ваши намеки на связь с моей супругой! — Ранаверн подскочил, стул с высокой спинкой отлетел, с жалобным скрипом упал на пол.

Вежливая улыбка Хассияна сменилась выражением холодного презрения.

— Князь Арнар, — император произнес это тихо, но так... что Ранаверн мгновенно растерял всю ярость, и, поклонившись, сел на поданный слугой стул.

Хассиян величественно кивнул, затем обратился к доверенному:

— Лорд Анеро, достаточно развлечений. Данная процедура довольно неприятна для обеих сторон, посему поторопитесь завершить ее.

Лорд советник вновь поднялся, начал зачитывать заявление барона ассер Вилленского. Слушая пространные упоминания древнего свода законов Ортанона, Катарина взглянула на уже бывшего супруга. Ранаверн не сводил с нее пристального взгляда, и его ярко-зеленые глаза словно мерцали в сумрачном помещении.

— Почему, Кати? — едва слышно спросил снежный барс, но она услышала.

— Задай этот вопрос себе, Ран... — так же тихо ответила Катарина. — Потому что я до сих пор не могу на него ответить. Почему... почему ты так поступил со мной?!

Он на мгновение отвел глаза, но затем вновь посмотрел на нее.

— Ты осознаешь, что я не отступлю, Катарина? Девушка грустно улыбнулась, и так же шепотом ответила:

— В своей жизни я не совершила ничего плохого, Ран. Ничего, за что мне должно было быть совестно. Но если ты исполнишь угрозу... что ж, значит Пресветлый не ведает справедливости... Точно так же, как и ты не ведаешь жалости.

На какой-то миг ей показалось, что в зеленых глазах гордого снежного барса промелькнуло раскаяние... Но лишь на миг... В следующую секунду лорд Анеро завершил с зачитыванием решения о разводе, и Ранаверн в ярости затряс головой. Затем встал, прерывая весь этот фарс, и глядя на барона, с угрозой произнес:

— Подлость, Вилленский, вернется вам сторицей! Берегите сыновей!

Глядя вслед бывшему супругу, Катарина с болью вспоминала их первую встречу... Тогда он казался ей идеальным возлюбленным, сейчас стал идеальным врагом... Но когда из двух зол приходится выбирать меньшее — лучше зверя иметь врагом, чем господином...

Лорд Анеро все еще что-то зачитывал, затем все оставили росписи на решении Совета Лордов Ратасса, и только тогда отец протянул ей руку, помогая встать. Ее подпись не требовалась... только устное согласие.

— Катарина, дитя мое, вы хорошо себя чувствуете? — встревожился барон.

— Соответственно ситуации, — Кати поднялась, не глядя на императора, даже не желая повернуть голову в его сторону, направилась к двери.

— Баронесса ассер Вилленская, — окликнул ее лорд Анеро, — я просил бы вас задержаться.

Катарина резко обернулась, и поняла, что все лорды Совета уже покинули зал, но лорд Анеро и Хассиян не сдвинулись со своих мест.

— Могу я узнать причину вашей просьбы? — ледяным тоном осведомилась Катарина.

— Идем, Кати, — барон обнял плечи дочери и подвел к столу. Сели на этот раз значительно ближе к императору.

— Ознакомьтесь с договором, — лорд Анеро протянул ей несколько скрепленных лентой

листов.

Тех самых листов, что Хассиян читал, когда Катарину привели в его кабинет. И девушка медленно коснулась договоров, уже не ожидая ничего хорошего.

Ян же недовольно взглянул на своего доверенного, и Анеро тут же исправил его оплошность:

— И со вторым так же просьба ознакомиться!

Катарина взяла и второй договор. Первым было соглашение о принятии империей Ратасса новых территорий именуемых княжеством Ортанон, в составе двух островов — Дакоер и собственно сам Ортанон. Десятки пунктов взаимных обязательств, очень расплывчатые формулировки по обязательствам Ратасса в оказании военной поддержки. Вот теперь стали понятны визиты императора в особняк Вилленских — Хассияну не один час потребовался, чтобы заставить барона подписать столь невыгодный договор. В конце соглашения уже стояла витиеватая роспись Вилленского, затем резкая, размашистая императора, и пустое поле, где значилось имя Катарина ассер Вилленская, глава ордена Девы Ортанонской.

Девушка пристально посмотрела на императора. Ей действительно очень многое стало понятно... Слишком многое. Не будь тех двух лет бумажной работы, которой ее заставлял заниматься Дариан, она, вероятно не поняла бы ничего, но сейчас!..

Хассиян не пошевелился под ее полным ненависти взглядом. Не дрогнул ни один мускул, но напряжение в его глазах, в позе, в сомкнутых губах ощущалась.

Кати еще раз посмотрела на договор, невесело усмехнулась и не пожелала молчать:

— Я не буду это подписывать, — отчетливо произнесла Катарина. — Видимо, в империи Ратасса принято использовать своих союзников, не дав никаких гарантий в защите.

Лорд Анеро оторопело опустился на стул, не понимая как быстро, а главное точно она осознала суть обязательств империи. Ян же довольно улыбнулся, ему сообразительность уже несомненно будущей второй супруги пришлась по душе. И лишь один человек был искренне возмущен:

— Катарина... — попытался вмешаться барон.

— Отец, вы это читали? — вот теперь в сдержанном тоне промелькнула ярость.

— Мы обсудим это позже... — начал Вилленский.

— Мы обсудим это сейчас! — Кати резким движением разорвала лист с подписями, затем, уже с нескрываемым наслаждением, и все остальные.

— Баронесса ассер Вилленская! — лорд Анеро вскочил, пораженный подобным произволом.

Кати не обратила на него внимания, с непониманием и яростью глядя на собственного отца.

— Сядь, — внезапно вмешался Ян, и лорд медленно опустился на стул, — Катарина, ознакомься со вторым договором. И читай не менее внимательно.

Девушка с раздражением взяла стопку на этот раз не связанных листов. О, да, в этом соглашении учитывались и торговые интересы Ортанона, и военные, и в качестве входящих территорий был добавлен третий остров Таон, что позволяло княжеству сохранить большую

часть сельскохозяйственных угодий. Четко прописывалось, что Ортанон получает права провинции Ратасса, законодательство, налогообложение и военную защиту соответственно. Но в самом конце...

— Герцогиня Катарина тае Дартан?! — Кати ощутила, как на мгновение сердце замерло, словно обрываясь, но затем... — Да какого дьявола, Ян?

— Что вас не устраивает, баронесса ассер Вилленская? — он вежливо улыбнулся.

— Твой родовой замок носит имя Дартан!!! — она стремительно поднялась.

— Надо же, вы не только умны, но и отличаетесь великолепной памятью, баронесса... — Хассиян широко улыбнулся.

Ему было от чего быть довольным — теперь у нее не было выбора. Никакого! Впрочем, он знал об этом еще накануне, едва план Анеро был скорректирован императором и претворен в действительность. У княгини Арнар право отказаться несомненно имелось, а вот у баронессы ассер Вилленской выбора просто не было ...

Катарина чувствовала что задыхается, а ненавистный корсет, положенный по этикету для дневного туалета леди, не давал вздохнуть... Голова мгновенно закружилась, и Кати была вынуждена вцепиться в плечи отца, чтобы не упасть.

— Катарина, — Ян стремительно поднялся, встревоженный ее состоянием, — вам нехорошо?

— Мне?.. — Кати дрожащими пальцами рванула шнуровку корсета. — Ну что вы, Ваше Величество, я прекрасно себя чувствую... ощущаю правда обманутой и использованной, но чувства... — наконец тесемки поддались, и девушка сделав глубокий вдох, обессилена опустилась на подставленный императором стул. И обмахивая горящее лицо веером, уверенно произнесла. — Я не буду подписывать ни один из предложенных договоров. Первый унизителен для моей родины, второй для меня!

Но даже произнося все вышесказанное, Катарина знала — она уже ничего не может сделать! Ничего! И в этом весь ужас положения...

Впрочем, это осознавали все присутствующие, включая барона ассер Вилленского, который не понимал упрямства старшей дочери. Младшая на подобное положение дел была более чем согласна.

Хассиян очень выразительно посмотрел на барона, и вежливо потребовал:

— Вы не могли бы оставить нас наедине? Лорд Анеро, вопрос и к вам.

Противиться воли императора не посмели. Едва дверь за ними закрылась, Ян сел рядом с Кати, наклонившись, ласково поцеловал завитки волос у шеи. Обнял вздрогнувшие плечики, и тихо прошептал:

— Выбор, Катарина, он был за тобой! Я свое слово сдержал, душа моя.

Девушка мрачно посмотрела на него, затем поднялась, завязывая тесемки корсета, вежливо ответила:

— Я не могу принимать подобные решения самостоятельно, мы с отцом обсудим ваше

предложение, и...

— Сядь! — резкий приказ вынудил повиноваться.

Хассиян осторожно взял ее за подбородок, заставил смотреть на себя, и слегка наклонившись к девушке, начал говорить:

— Ты слышишь, но не слушаешь меня, Катарина. Я полюбил тебя, отрицать не имеет смысла, но... Но я не мальчик, я мужчина, бегать за тобой и просить о взаимности не буду! Далее, что касается договора. Ты превосходно понимаешь, что в первом соглашении должно было быть имя Елизаветы... и она бы подписала, но... Тут появилась ты... столь трогательная в своем желании быть сильной, и в то же время столь нежная, женственная и беззащитная. Поистине дьявольски привлекательное сочетание. И чтобы получить этот неожиданный глоток юности, я пошел на многое. Как влюбленный мужчина я могу себя оправдать, как правителю мне оправданий нет. Сейчас, ты, как причастная к заговору против империи, должна была бы гнить в одной из камер, в обществе тех самых крысок, о которых я уже говорил, повторять не буду. Или я был обязан отдать тебя супругу, владеющему тобой в соответствии с законами и традициями... Но я не отдал! Пошел на конфликт с Гаорой, но не отдал! И что касается Ортанона — ваше княжество, несомненно, гордое и прекрасное, не представляет никакой экономической ценности, Катарина! Единственная причина, по которой я был готов принять эти территории в состав Ратасса, это стремление сделать Ортанон барьером на пути военной экспансии Дариана. И да, ты все правильно поняла из договора, в случае нападения Шарратаса, никаких военных действий со стороны Ратасса не последовало бы — терять войска ради территории в двадцати днях пути по океану? Я не идиот!

Кати перехватила его руку, вынуждая отпустить ее. Затем потянулась за вторым договором, и выразительно подняв его двумя пальчиками, поинтересовалась:

— Тогда как мне понять это?

— Дочитай! — Ян усмехнулся.

Девушка вчиталась в строки, следующие за тем самым упоминанием ее предположительно нового статуса, и с губ сорвалось:

— Очаровательнейшее решение! — она отшвырнула документы, — Действительно, Ортанон входит в состав империи лишь после перехода по прямому праву наследования! И это притом, что моего отца никогда не назовут преемником, без поддержки Ратасса!

Ян широко улыбнулся, не скрывая собственного чувства превосходства. Затем произнес, резко и насмешливо:

— Душа моя, ты, как старшая дочь, по линии матери, имеешь право наследовать Ортанон. До тех пор, пока ты являлась супругой Арнара, право наследования было у Елизаветы, но сейчас...

— То есть приняв имя вашего рода, я фактически передаю вам княжество?!

— осознание накатывало волнами, грозясь лишить остатков вежливости.

— Совершенно верно, — Хассиян торжествующе ухмыльнулся, — или вы, моя дорогая баронесса, были искренне убеждены, что я исключительно из чувства благородства, сообщил Арнару о вашем местонахождении? А что касается княжества... переход его во владения Ратасса ничего не меняет, данные территории не выгодно защищать, но выгодно собирать

налоги.

— Сколь подло! — возмутилась Кати.

— Скорее разумно, — Хассиян протянул руку, касаясь ее щеки, но резко одернул, словно опасался самого себя. — Вернемся к обсуждению твоего выбора, Катарина.

— Вы мне его не предоставили!

Он тяжело вздохнул, устало посмотрел на девушку:

— Катарина-Катарина, там, за стенами моего дворца бродит разгневанный Арнар, который не привык отступать, и предугадать чем завершится твоя недолгая свобода совершенно несложно. Теперь рассмотрим выгоды твоего согласия с моим... скажем так — присутствием. Я не буду тебя принуждать ни к чему, так как у меня нет сомнений, что рано или поздно... и я уверен, что скорее рано, чем поздно, ты подаришь самой себе право на счастье.

— Но быть вашей официальной фавориткой, это унижительно! — Катарина вновь раскрыла веер. — Впрочем, осознавать, что вы столь расчетливо использовали меня не менее унижительно!

Тихий смех и сокрушенное:

— Катарина-а-а-а, ты меня слышишь, но не слушаешь... На твоём месте, душа моя, должна была быть Елизавета... Но меньше всего мне хотелось иметь в любовницах на столь длительный срок эту милую, но весьма недалекую девочку. Элиза хороша, но, боюсь, бесконечные разговоры о придворных, нарядах и драгоценностях, столь свойственные ее возрасту, вскоре превратили бы приятное времяпрепровождение в утомительнейшее занятие. Поэтому и был предложен вариант с возрождением культа Ортанонской Девы. Опять же я ничего не терял, но приобретал многое... включая массу неприятных моментов для Шарратаса.

— И когда же вы решили вернуться к первоначальному варианту?!

— Не припоминаешь? — Хассиян чуть склонил голову к плечу, с усмешкой поинтересовался. — Вы столь наивны, леди Катарина, или действительно считаете, что императоры помогают несчастным девушками исключительно из благородства?

Кати невольно кивнула.

— Да-а-а, — протянул Ян, — действительно святая наивность... Катарина, вы привлекли меня еще в нашу первую встречу, когда столь растерянно блуждали по моему городу с вашим серым четвероногим другом. Именно поэтому остальные стражи, помимо многострадально лейтенанта, не помешали вам сбежать с места, скажем так, событий. И я мог бы обладать испуганной девушкой уже тогда, да даже в темном проулке, когда вы рыдали над раненым животным, но я не насильник. Я сопровождал вас к Раенеру, отдал под его покровительство, прекрасно понимая, что вам некуда идти. К тому же старик привязался к вам, а ваши умения позволили бы вам стать его помощницей и преемницей. Но, увы, вы оказались баронессой ассер Вилленской, которая так стремилась воссоединиться с семьей. Должен признать, узнав о вашем исчезновении из дома лекаря, я отдал приказ разыскать прекрасную девушку с волком, но как оказалось, совершенно напрасно. Ну, а после нашей примечательной встречи в доме ваших родителей, я решил вернуться к первоначальному плану, ведь теперь я мог совместить приятное с полезным.

— Похвальное стремление, — однако, в ее ответе, показной за показной язвительностью скрывалась грусть.

Катарина действительно понимала, что, несмотря на гордость и нежелание, ей придется принять предложение императора Ратасса. Это было гораздо менее рискованное предприятие, чем возрождение давно забытого культа, с целью обрести над народом духовную власть и уже на ее основании строить светскую.

Она украдкой взглянула на Яна, и проницательному императору уже даже слов не требовалось, он лишь подстегнул ее решение:

— Прогулки по ночному городу, вечера вдвоем, и неизменность выбора за тобой, Катарина. Принуждать я не буду — пожелаешь после прогулки спать в своей постели, значит, будет именно так.

Она кивнула, и осведомилась:

— Достаточно лишь моей подписи?

— Это первый этап, — стараясь говорить спокойно, ответил Ян, — предстоит официальное представление ко двору, принятие нашего культа Пресветлой, и соответственно переход в мой род... Фактически ты станешь моей второй супругой, в давние времена имевшей почти равные с императрицей права...

— Вторая жена, — задумчиво произнесла Кати, — кто бы мог подумать.

— Ваш отец, — подсказал Ян.

— Да, действительно... — и как ни хотелось разорвать и эти бумаги, — пришлось взять себя в руки, и с полным осознанием происходящего, согласиться на ту видимость «выбора», что ей предоставили.

А он сидел, с ласковой улыбкой наблюдая за тем, как Катарина вновь берет договор, прочитывая его повторно, и сдерживал растущее в себе настороженное ощущение счастья... Она будет рядом! Тревожно-мучительное ощущение безграничного счастья! И очередной приказ самому себе: «Сидеть! Никаких резких движений!». Хассияну казалось, что сейчас каждая мышца натянута до предела, в стремлении вновь испытать прикосновение к ее телу.

«Рано... рано, не сейчас...»

И он следил, напряженный и собранный как хищник на охоте, следил за тем, как Катарина ставит изящную роспись, признавая за ним право владеть собой... И как сложно было не воспользоваться этим правом прямо сейчас, немедля ни мгновения, с рычанием хищника дорвавшегося до желанной добычи.

— Теперь я свободна? — Катарина положила на стол подписанное соглашение, недовольно посмотрела на императора и замерла, пораженная его взглядом.

— Свободна?.. — невольно повторил Ян, возвращаясь к жестокой реальности, где лавина чувств и желаний была абсолютно лишней... — Да, несомненно, — он не сдержал полной торжества усмешки, — до вечера, любовь моя... а едва стемнеет, я покажу тебе старый город в катакомбах.

Кати сдержалась с трудом. Затем, вспомнив о его словах про ее право решать, решилась на подлость:

— К моему искреннему сожалению, — ложь про сожаление была очевидна, — я откажусь от вечерней прогулки!

— Сомнева-а-а-аюсь, — ослепительная улыбка и насмешливое, — за тобой выбор по поводу... скажем так удовлетворения или неудовлетворения моих желаний, но став моей официальной фавориткой, и даже больше, моей фактически младшей супругой, вы, герцогиня, взяли на себя обязательства скрашивать императорский досуг... Следовательно...

Хассиян неожиданно для себя умолк. Он даже не ожидал, что сама мысль о том, что Катарина признала его право владеть собой, столь сильно повлияет на его ощущения. Нет, тела этой женщины он желал и ранее, но сейчас, когда он имел полное право владеть ею, желание стало почти невыносимым. И оказалось слишком трудным связно выражать мысли, представляя собеседницу без одежды и в весьма приглашающем к откровенным действиям положении. И Ян сдерживал себя с трудом, уже детально представляя совместное времяпрепровождение, и напряжение стало невыносимым.

«Еще рано... Слишком рано... не...»

Он не сумел выдержать этой сладкой пытки...

Резкое движение и Ян прорвался к полураскрытым от испуга губам, но опасаясь причинить вред, аккуратно подхватил за талию, опрокинул на стол...

Касание к ее щеке, скулам, и мучительно-возбуждающее к нежным губам... легкое, быстрое, почти невесомое... И с рычанием упереться руками в стол, страхась дать им волю... И целовать... нежно, бережно, стараясь вложить в каждый поцелуй нечто большее, чем просто страсть... Но видеть лишь страх в ответ! Безотчетный, панический страх и слабые, вызывающие умиление, попытки оттолкнуть его...

«Все, остановись... ты пугаешь ее! Стоять! Слишком рано, слишком быстро, слишком много неумной страсти!»

И замереть, разглядывая дрожащую девушку, лаская взглядом каждую черточку ее лица и сжимая зубы пытаться взять эмоции под контроль... Смог, сдержал почти болезненное желание овладеть, и невольно улыбнулся, заметив ее прикушенную губу и зажмуренные от страха глаза.

Тихо рассмеявшись, император осторожно подул на ее испуганное личико, затем наклонившись, поцеловал в аккуратный носик и прошептал:

— Это маленькая месть, за то, что так долго думала над моим предложением.

Огромные карие глаза распахнулись мгновенно, и страх сменился яростью. Катарина была напугана происходящим, но в то же время поверить не могла в то, что Ян просто отступил и не продолжил начатое. Дариан никогда не останавливался, даже если она просила об этом... Ранаверн откровенно наслаждался ее сопротивлением, а правитель Ратасса не пожелал использовать ни свое право, ни свою силу.

Поднявшись, Кати так и осталась сидеть на том самом столе, с удивлением глядя на того, кто отныне был ее полноправным повелителем.

Хассиян, посмеиваясь, протянул руку, помогая встать, и улыбка стала лишь шире, когда Кати гневно проигнорировала его жест. Довольный собой и ее реакцией, император вольготно устроился на стуле, мысленно поздравив себя с победой над страстями и страхами. Страсти целиком и полностью принадлежали ему, страх его милой второй супруге. И Ян отчетливо понимал: отступив — он победил, абсолютно и безоговорочно. И ее гнев являлся прямым свидетельством того, что страх был вытеснен гордостью.

А дальше...

«Осталось лишь убедить ее в том, что власть надо мной принадлежит Катарине, — Ян невольно улыбнулся, — этот прием сработал даже с опытной тридцати четырех летней императрицей Ратасса, и нет сомнений, что нежная наивная Кати просто не устоит.»

Но Катарина видела лишь неприкрытое самодовольство и полагала, что причины были совсем иные.

— Значит месть? — корсет вновь стал серьезной помехой для дыхания.

Кати смотрела на его самодовольную ухмылку и злость туманом застилала все вокруг... Ее разум не стал исключением...

«Дариан притворяться долго не смог, — в ярости подумала девушка, — посмотрим, на сколько хватит вас, драгоценный повелитель Ратасса и... Органона!».

Медленно подойдя к Хассияну, Катарина склонилась к его губам и неожиданно страстно даже для самой себя поцеловала. И произошло то, что никогда не происходило ни с королем Шарратаса, ни даже с князем Гаоры... Это упоительное чувство наслаждения от поцелуя, Катарина испытала лишь раз в жизни... в карете с Алиссин. Тепло, нежное, приятное, возбуждающее пробежало по бедрам, затопив все ее существо желанием прижаться, раствориться в нем... В следующее мгновение веер порхающей бабочкой упал на пол, а Кати обхватив лицо императора, продолжала его целовать, казалось, позабыв обо всем на свете... Ее пальцы скользнули по темным волосам, и Ян подался к ней всем телом, обнял тонкую талию, прижимая к себе, запрокинул голову, словно стремясь подняться навстречу ее поцелую... Чтобы в следующую секунду замереть, услышав тихое:

— И это тоже была месть!

Катарина нагнулась, подняла веер, эффектным жестом распахнула и, обмахивая покрасневшее после произошедшего личико, неспешно направилась к двери.

Она забыла, что в такие игры можно играть на равных!

Хассиян настиг ее прежде, чем Кати успела прикоснуться к дверной ручке, развернул, прижал спиной к стене и уже не сдерживаясь, впился страстным поцелуем, во все еще самодовольно улыбающиеся губы.

И отслеживать каждое движение, каждый жест, каждый судорожный вздох, чтобы вызвать ответное желание, заставить играть по его правилам в самую бесконечную из игр, что существуют между мужчиной и желанной им женщиной... И снова упираться ладонями в стену, пытаясь одновременно и унять дикий жар, и дать ей почувствовать себя контролирующей ситуацию... Сумел, заставил, и вместо страха тихий, полный осознания своей власти смех... «Наивная Катарина, — он едва сдержал усмешку, — сладкая, нежная, наивная Катарина».

Оторвался от ее губ, произнес с деланным спокойствием:

— А это была месть за попытку меня соблазнить в спальне леди Мертеи...

Катарина нервно кусала покрасневшие от поцелуев губы, но в то же время... соблазн заставить его стонать от желания, а затем насмешливо оставить ни с чем, оказался слишком велик...

Белоснежная рука метнулась к сильной шее, обняв и притянув его снова. Она потянулась и сама, закрывая глаза и позволяя превратить поцелуй в нечто большее...

В этот поистине упоительный миг Ян был безмерно благодарен женской привычке закрывать во время поцелуя глаза, потому что даже с его железной выдержкой скрыть торжествующую ухмылку он был бы не в силах.

И он уже знал, что следующим ее действием, будет очередная проверка собственной власти над ним.

— Остановитесь, — весьма предсказуемо потребовала Катарина, и едва повинувшись ее требованию, император отошел, нагло добавила, — а это была месть за... бессонную ночь! И ваши издевательские дары!

Откинув голову Хассиян расхохотался, чрезвычайно довольный и ее поведением и ее словами, тем, что уже знал — эту игру даже сейчас можно довести до логического, в его понимании, конца. Но весьма увлекательное развлечение прервал лорд Анеро, спешно вошедший в зал за документами и даже не подозревающий о том, что прервал монаршьи любовные игры. Анеро вздрогнув едва заметил исполненный бешенства взгляд императора и мгновенно ретировался. Но поздно! Катарина, внезапно осознавшая возможные последствия их «отмщений», поторопилась покинуть помещение.

— До вечера, моя дорогая, — произнес ей вслед император.

Катарина распахнула двери, повернулась и с вежливой улыбкой ответила:

— Если я этого пожелаю!

* * *

Последующие события слились для Катарины в нескончаемую череду поздравлений ее с новым статусом, откровенно завистливых взглядов и льстиво-приторных улыбок.

Но, воистину, всю гамму чувств придворных она познала, едва прозвучал ее новый титул — герцогиня Катарина тае Дартан... Ярость, изумленные взгляды на подчеркнуто невозмутимого императора и снова — ярость! Она знала, что будет тяжело, но... даже при дворе Шарратаса к ней относились с большим сочувствием, чем здесь.

Возвращаясь домой, Кати невольно подтянула ноги к подбородку, и, обняв колени руками просидела до самого особняка Вилленских. Ни родители, ни необычайно бледная Элиза не сказали и слова о ее недостойном поведении. Для всех Вилленских произошедшее было и шоком, и теми самыми сбывшимися надеждами, ради которых наследники Ортанона прибыли в Ратасс.

И едва вошли в дом, Елизавета тихо спросила:

— Побывать с тобой?

Катарина кивнула, и слезы проложили блестящие дорожки по бледным щекам.

Они так и просидели с Элизой до наступления тьмы, болтая о придворных и порядках при дворе императора. Элиза рассказывала многое, но внезапно тихо спросила:

— Кати, а ты... его любишь?

— Нет, — ответила девушка не задумываясь, — и любить не буду.

— Почему? — удивилась Елизавета.

Катарина, лежащая на постели в ночной сорочке, села, невольно обняв плечи, грустно ответила:

— Матушка всегда учила видеть в людях хорошее, видеть светлые стороны, потому что истинные леди всегда... светлы душой и телом. И я старалась, я очень хотела быть истинной леди, только... Это очень больно, потому что потом приходит разочарование... А мужчины, Элиза, они лишь в начале кажутся добрыми и ласковыми, но они... все они звери. Они не ведают жалости, сострадания или...

— Но император любит тебя! — воскликнула юная баронесса.

— Ты не ведаешь, о чем говоришь, — Кати печально улыбнулась, — мне сложно понять, чего в его любви больше — страсти, желания, любопытства или... политической выгоды. А любви, Елизавета, той любви, о которой мы так мечтали, той где нежность и забота идут рука об руку до самой старости... ее нет, Элиза... ее просто нет!

— Нельзя так говорить, — возмутилась девушка, — Его Величество дал тебе титул, он ввел тебя в свой род и теперь ваши дети могут претендовать на престол и когда императрица умрет, а она старая, ты станешь императрицей! — и завистливо добавила, — Он любит тебя, Кати.

— Ты не понимаешь, — Катарина вновь легла, подтянув одеяло, укрылась до подбородка, — Хассиян сделал это не из любви... это даже произносить смешно, все дело в Ортаноне... Наше происхождение, Элиза... наш статус и наше положение дают так много, но отбирают значительно больше...

Елизавета не понимала ее и не скрывала своего непонимания. Девушка сидела на краю постели, закутавшись в плед и изумленно смотрела на сестру.

— Но теперь, — Элиза оставила непонятную тему и перешла к более интересующим ее вопросам, — что будет теперь?

— Не знаю, — Катарина грустно улыбнулась, — направляясь в Ратасс, я желала завершить одно... дело, а затем... Знаешь, мне всегда хотелось помогать бедным, заботиться о брошенных детях, помогать тем, кто остался без поддержки родных, а сейчас... Я не могу представить, что будет даже завтра, Элиза... Я как щепка что плывет по волнам, не ведая, куда несет ее ветер...

На улице послышался шум, затем стук в ворота. Спустя несколько минут, запыхавшаяся служанка принесла послание, перевитое алой лентой. Развернув, Кати с удивлением прочитала:

«Сегодня я занят. Ян».

— Это возмутительно, — вскрикнула Элиза, прочитавшая послание вслед за сестрой.

— Это восхитительно, — ответила Катарина вскакивая с постели и торопливо направляющаяся к гардеробу.

— Ты... ты же устала! — Елизавета не могла понять поведение Кати.

— Я очень устала для встречи с Его Величеством, но я совсем не устала для посещения моего драгоценного лекаря.

И не обращая внимания на увещевания сестры, а затем и матери, Кати быстро переоделась, собрала волосы и завязывая ворот плаща сбежала по ступеням вниз.

— Катарина, это неразумно! — выкрикнула бегущая следом Элиза.

И Кати остановилась, задумавшись над словами сестры. Нет, она не опасалась Яна, который позволил ей ощутить пусть и призрачную, но все же власть над собой, ее пугала угроза Ранаверна.

Но решение проблемы открыло двери и вошло, хмуро на нее поглядывая.

— Расвер, — Кати поторопилась к брату, — будь столь любезен, сопроводить меня к мьене Раенеру.

— Да, герцогиня, — брат отвесил полный издевательства поклон, — а... ваш любовник осведомлен, что он у вас не единственный?

Кати гневно взглянула на него, и подойдя ближе, едва слышно прошептала:

— Вы просто не осознаете, дорогой брат, что выбор был не большим — или я, или Элиза. Ратасс желал Ортанон, Ратасс его получил! Имею я любовников или нет, не имеет значение — я старшая дочь Вилленских, вот и все! А с вашими обвинениями, ступайте к отцу!

И выходя, она громко хлопнула дверью.

Ярко освещенные улицы встретили обычной вечерней суетой, спешащих по домам горожан, и глядя на их лица, Катарина с грустью думала о том, что ей судьба не дала дома, куда бы она стремилась возвратиться.

* * *

Раенер встретил ее округлившимися от удивления глазами, но ему хватило лишь одного взгляда на девушку, чтобы протянуть ей белый передник.

— В приемной девочка лет восьми, — перевязывая сломанную руку стонущего от боли посетителя, произнес лекарь, — займитесь ребенком, мьене Катарина.

— Сию минуту, — и повязав передник, Кати вышла в приемный зал.

Среди больных и раненных, которых к ее удивлению действительно было немало, девушка увидела бедно одетую женщину, которая прижимала к себе бледного ребенка.

Подойдя, Кати обратилась к женщине:

— Мьене, идемте со мной, лекарь примет вас вне очереди.

— О, как это великодушно, — женщина поднялась, не отпуская девочку с рук.

Проведя их в кабинет, Катарина указала женщине на стул у двери, а сама с трудом взяв ребенка на руки, перенесла и усадила на стол для осмотра.

Через несколько минут, вынесла первоначальный диагноз:

— У малышки лихорадка, я дам настойку для снижения жара?

— Да, конечно, мьене Катарина, — отозвался все еще занятый больным Раенер, — и сразу тот отвар, который вы давали вашему четвероногому зверю, нужно снять воспаление.

Девушка улыбнулась, и поторопилась за настойками. Выполнив веление лекаря, она передала две бутылочки матери, затем долго и терпеливо объясняла женщине, как давать лекарства. И неожиданно для всех, маленькая девочка произнесла:

— Вы святая... как дева Ортанона...

— Ну что ты, — Катарина потрепала светлую макушку ребенка, — просто тебе полегче сейчас, а мысли все еще путаются.

— Нет, — убежденно произнесла девочка, — вы как та статуя... Но она каменная, а вы живая... И глаза добрые, вы святая дева Ортанона...

Катарина улыбнулась, наклонилась к девочке и прошептала:

— Это будет наш секрет, и ты никому не рассказывай, хорошо?

Малышка кивнула, и когда мама уносила ее по коридору, все махала и махала маленькой ладошкой.

И весь долгий вечер, в бесконечной помощи больным, Кати невольно улыбалась, польщенная сравнением ребенка... После стольких лет презрения, было так приятно видеть хоть в чьих-то глазах восхищение.

Едва прием был закончен, Раенер, вытирая руки, с каким-то странным выражением произнес:

— Моя дорогая... Катарина, а... Ян осведомлен о вашем месте нахождения?

— Почему вы об этом спрашиваете? — Кати складывала инструменты лекаря в овальную железную миску.

— Учитывая изменения в вашем положении...

— О, мне бесконечно любопытно как о данных изменениях стало известно вам?

Старик хитро улыбнулся, и, выходя, произнес:

— Это было ясно как божий день, едва он привел вас сюда.

— Что «это»? — несколько гневно поинтересовалась девушка.

— Что он не отпустит вас, — Раенер пожал плечами, — говоря откровенно вы первая девушка, о которой Ян попросил позаботиться. И вы единственная, на кого он смотрел так, словно разом нашел отгадку на все вопросы мироздания. А сегодня, узнав о появлении некой герцогини Катарини тае Дартан, мне не составило труда сделать определенные выводы. Более того, я уже не был удивлен. Удивление вызвало лишь ваше появление здесь. Но все же вернемся к нашему вопросу — Ян знает где вы?

— А если ответ «нет», что тогда? — раздраженно спросила Кати.

— Тогда вас ожидает не слишком приятный разговор, — лекарь невинно улыбнулся, — так как Харан уже здесь, караулит у двери, следовательно, Ян появится с минуты на минуту.

Осторожно положив миску в раковину, Катарина тщательно вымыла руки и поторопилась к выходу, где ей навстречу бросился обрадованный встречей зверь, пугая тех немногих больных, что еще оставались в приемной.

Не дожидаясь встречи с хозяином зверя, Катарина набросила плащ и шагнула в ночь. В этой части города освещение было слабым, и людей в столь позднее время уже не было. Харан, поначалу крутившийся у ее ног, вскоре вырвался вперед и убежал, и девушка ускорила шаг, стремясь скорее пройти темный участок дороги.

Каблучки черных туфель глухо стучали по каменным плитам, и почему-то этот звук пугал, несмотря на то что два неизменных охранника шли следом. Внезапно на пути Катарини появилась темная фигура, в черном, столь же недорогом, как и у нее плаще.

Девушка испуганно вскрикнула, прижав руки к груди, но уже в следующее мгновение с облегчением выдохнула. Нетрудно было догадаться кто это, учитывая, что Харан убежал.

— Ян, вы напугали меня, — Кати гневно посмотрела на мужчину, пытаясь понять, кажется ей, или Хассиян немного ниже ростом стал, — в любом случае, я прошу вас сегодня оставить меня в покое.

Реакцией на ее слова было угрожающее молчание. Катарина невозмутимо пожала плечами и попыталась обойти свое нежданное препятствие.

Все так же молча, мужчина вновь преградил дорогу, и едва она попыталась снова обойти его, повторил маневр.

— Что происходит? — возмутилась разгневанная девушка. — Вы забыли о своем обещании? У меня сегодня был сложный день, прошу вас, позвольте мне вернуться домой!

Мужчина в ответ неопределенно хмыкнул, а в следующее мгновение, схватив ее за плечо, потащил в неосвещенный переулок. Ошарашенная подобной наглостью, Катарина вцепилась в его руку, стремясь разжать пальцы и... замерла. Она знала эти руки! Эти пальцы, которые могли быть нежными и жестокими, и эти мускулы, которые казались твердыми подобно камню...

— Ранаверн... — прошептала испуганная девушка. В ответ лишь тихий, полный грусти смех. Следом послышался приказ:

— Охранников не убивать, они подтвердят, что это был император!

Кати не видела тех, кто выполнил повеление хозяина, но в том что их было больше чем ее охранников, уже не сомневалась.

А князь крепко обнял девушку, словно пытался вжать в себя...

— Катарина, — этот полный отчаяния стон, казалось, отразился от стен тихим «Кати», — Катарина, ты же моя жена! Моя, Катарина, перед богом и людьми! Ты давала мне клятвы верности, ты обещала всегда быть рядом... Почему ты не вернулась? Почему не отошла от лагеря, я мог бы спасти тебя? Почему, Кати?

— Я думала о возвращении, — прошептала Катарина. — Несмотря ни на что, я думала о возвращении из чувства долга... но... ты дал понять, что после произошедшего я стала лишь позором.

Ранаверн разжал объятия, схватив за плечи, несильно встряхнул и удивленно переспросил:

— Что?

Катарина грустно улыбнулась, понимая, что он все равно теперь убьет ее, честно ответила:

— Я провела ночь с Дарианом... всего одну, но она была, Ранаверн! А Алиссин, та Алиссин которую ты так ненавидишь и... и есть за что, она не прикоснулась ко мне, потому что я этого не хотела. Но ты никогда ничего не прощаешь и не забываешь, и та стрела показала, что для меня нет пути обратно.

— Какая стрела? — снежный барс тряхнул ее снова. — Какая стрела, Катарина?

— Твоя, — спокойно ответила девушка, — твоя с черным оперением! Та, что лишь волей случая не убила меня!

— О чем ты? — Ран опустил руки. — Я никогда не стрелял в тебя, Катарина! И когда я стреляю, стрела всегда попадает в цель! Я не промахиваюсь, Кати, об этом знает каждый!

Кати не могла видеть его глаз в темноте, не могла и поверить в сказанное...

— Ран, это была твоя стрела... их невозможно спутать ни с одной из других. Я столько раз помогала тебе снимать колчан, я... не могла ошибиться... И...

— И что, Катарина? — князь простонал, подойдя к стене, прислонился спиной, простонал вновь. — Алиссин... тварь!

Кати не могла понять его... и Алиссин. Она не солгала бывшему супругу — после того, как Дариан рассказал что мамы и Элизы больше нет в Шарратасе, она действительно думала о возвращении. Да и что еще могла предпринять она, княгиня Арнар, кроме как вернуться. Но та стрела, которая лишь чудом не попала в нее, положила конец любым сомнениям. Медленно Кати подошла ближе, и Ран нежно обнял ее, нагнувшись, вдохнул запах ее волос, и едва слышно произнес:

— Каждый день, просыпаясь утром, я говорил себе: «Сегодня я буду нежным и добрым с моей Катариной»... И я старался, я очень старался... Мне хотелось, чтобы ты смотрела на меня как раньше, чтобы твои глаза светились от счастья, а ты... угасала как затухающее пламя с каждым днем. И я знаю, что виноват сам, но, Катарина... это сильнее меня. Ты хочешь нежности, а я страсти. Ты ждешь признаний в любви, я подчинения и выполнения своих

желаний... Но ты не желаешь понять, что должна делать мужа счастливым!

Кати чуть отстранилась и тихо спросила:

— Неужели для того, чтобы быть счастливым, ты должен был делать несчастной меня? Ты упрекал за то, в чем не было моей вины! Ты требовал того, на что я... не могла согласиться... Ты насильовал, но не любил. Долг жены повиноваться мужу, но разве не долг супруга любить и оберегать жену?

— Но я люблю тебя, Катарина, — Ран подался вперед, обхватил ее лицо ладонями, — я люблю тебя, больше жизни, милая!

— Любишь настолько, что считаешь себя вправе казнить или миловать?

— Я не стрелял в тебя, Катарина, — прорычал Ранаверн.

— Вспомни свои слова, Ран, — прошептала Кати, — и ту ночь, после которой я не могла встать больше недели! Ведь ты улыбался, Ранаверн, ты был доволен, вбивая в меня свое право, и для тебя не имело значения, что я кричу от боли!

Он вздрогнул и отпустил ее, с ужасом вспоминая содеянное...

— Катарина, — резко схватив, вновь обнял, прижал к себе так, что не было возможности вдохнуть, — все изменится, Кати. Мы вернемся в Гаору, у тебя будет своя спальня, как ты и хотела, и право запереть двери, если ты не пожелаешь выполнить супружеский долг. И я буду нежен, Кати, я буду самым нежным из мужей, милая.

— Как долго? — она вытерла непрошенные слезы, чуть отстранившись от Арнара, — Как долго, Ранаверн? День, два, возможно чуть дольше, а дальше? Снова упреки? Снова боль и твоё наслаждение? И твоё право мужа на жизнь жены? Ты не изменишься, Ран! Ты никогда не изменишься, ты зверь! И чужая боль твоё самое сладкое удовольствие! Возможно, ты любишь меня, но я не в силах... даже представить себя вновь в родовом замке Арнар...

— Катарина, я не в силах представить жизнь без тебя...

— Ран, а я не в силах быть с тобой... Я верила тебе, я искала твоей защиты, ради тебя я нарушила приказ отца, а ты... Ты убил во мне веру в счастье. — она вытерла слезы вновь, — Я так хотела быть счастливой, быть матерью, быть уважаемой супругой... а ты обращался со мной хуже Дариана, изводя упреками и причиняя боль, на которую имел право!

— Отныне все будет иначе!

— Нет, Ран. — Кати оттолкнула его и отошла. — Если желаешь, убей меня, сопротивляться и звать на помощь я не буду, но я не вернусь в Гаору, я не буду твоей женой... не о подобном я мечтала, не подобное грезилось мне перед алтарем, не думала я, что брак обернется унижением и болью... Ты растоптал мои чувства, Ранаверн.

— А были ли они... эти чувства? — князь с грустью взирал на хрупкую девушку. — Когда-то мне казалось, что ты любишь меня, Кати, а сейчас я понимаю... не любила. Ни единой минуты. Даже в ту первую нашу с тобой ночь...

Он рассмеялся, злым, неестественным, горьким смехом и так же резко прервал его.

А после:

— Катарина, я не буду тебя убивать, — печально произнес Арнар, — но и отпустить не в силах...

— Я не пойду с тобой, Ран, — тихо ответила девушка.

— Я осознал это, — Ранаверн вновь набросил капюшон, скрывая белоснежные волосы, — и просить более не буду...

— И... ты уйдешь? — недоверчиво спросила Кати.

— Да, Катарина, — он стремительно приблизился и нежно поцеловал, — я уйду, — ласково погладил ее щеку, — но с тобой!

И он ударил ее... вновь... На этот раз резким, рубящим ударом по шее. А едва девушка в его руках обмякла, потеряв сознание, Ранаверн легко подхватил ее, перекинул через плечо и неспешно направился по темному проулку. За поворотом к нему присоединилось еще четверо мужчин, в молчании они покинули город.

* * *

Вода... Капли воды, вызывая странное раздражение и во сне, со звоном падали где-то рядом. Катарина потянулась, пытаясь встать, и вскрикнула — ее шею плотно обхватывал ошейник! Девушка судорожно обхватила руками толстый ремень, с ужасом обнаружила пристегнутую к ошейнику цепь, и со стоном вновь легла на жесткую постель. От страха тряслись руки, а мысли судорожно металась, вспоминая разговор в темном проулке...

— О, пресветлый, — простионала Катарина, — за какие прегрешения ты столь жесток со мной?

Внезапно послышались шаги, и Кати заметила отдаленное пятно света в кромешной мгле. Ее мучитель неторопливо приближался, и девушка устало закрыла глаза, понимая, что бесполезно просить о пощаде.

Сиротливо скрипнула решетка, вынуждая все же взглянуть на вошедшего. Но его лица Катарина не увидела, а свечу мужчина положил на узкий стол, и теперь, девушка различала лишь силуэт в темном плаще.

Она хотела сказать многое, но... спазм сдавил горло сильнее ошейника, слезы, застыли в глазах, словно осознавая собственное бессилие что-либо изменить... и Кати отвернулась к стене, не желая видеть некогда любимого человека, ставшего просто еще одним зверем.

Мужчина остановился возле нее, натужно заскрипела кровать, принимая дополнительный вес, холод прошелся по ногам, освобожденным от покрыва юбок.

Кати всхлипнула, и все же произнесла:

— Я буду ненавидеть тебя всю жизнь!

Мужская рука ласково погладила ее ноги, затем поднялась вверх, нежно коснулась свободной от чулок кожи... Катарина вздрогнула! Это не были изнеженные внешне, но столь сильные руки князя Арнара! Теплые, широкие ладони, чуть шершавые, и такие ласковые... И девушка с удивлением выдохнула:

— Ян!

— Где? — мгновенно отозвался император, а в следующее мгновение она ощутила его губы там, где до этого была рука.

Он осторожно и нежно покрывал поцелуями ее обнаженное бедро, совершенно не смущаясь ни обстановкой, ни тем, что инкогнито было раскрыто.

— Отпустите меня немедленно! — возмутилась Катарина, уже забыв о страхе.

Тихий смех, и язвительное:

— Вариант с «ненавидеть всю жизнь» в данный момент меня привлекает больше.

— Вы, вы... — Кати вскочила, отбежала от кровати и только сейчас поняла, что цепь не закреплена, и ее конец свободно болтается у ног. — Вы!..

Император хмыкнул, и повалился на постель, оглашая хохотом подземелье. Катарина, уже осознавшая, чей это был розыгрыш, поспешно обследовала ошейник вновь и, найдя застежку, торопливо отцепила украшение, явно доставшееся ей по наследству от Харана... запах зверюги она определенно различила.

— Я тебя убью! — крик взбешенной Катарина перекрыл его до неприличия громкий смех.

Но криком девушка не ограничилась и набросилась на продолжающего хохотать Яна, с явной целью придушить. Он позволил ей обхватить свою шею руками, даже позволил немного пожимать, но затем, резко потянув, уложил ее на себя. Кати, с ее миниатюрным ростом, так органично уместилась на нем, что Хассиян весьма довольно усмехнулся, осознав какую свободу для действий заполучил в подобном ее положении, обнял девушку, и, продолжая посмеиваться, поинтересовался:

— И как в вашу прелестную головку, леди Катарина, забралась столь крамольная мысль о том, что я могу позволить всяким... князьям, вас у меня отнять?

Она нахмурилась, и, не удержавшись, Ян поцеловал обиженную девушку, дождался, пока обида сменится вновь гневом, теперь по поводу затянувшегося поцелуя и продолжил уже серьезно:

— Тебе следовало дожидаться меня у Раенера, Катарина. Но если уж говорить откровенно — не следовало покидать особняк Вилленских! Это было невероятной глупостью с твоей стороны, особенно учитывая угрозы Арнара!

Кати тяжело вздохнула, виновато посмотрела на императора, и едва слышно ответила:

— Мне хотелось... у лекаря...

— Разве с моей стороны прозвучало хоть слово против? — уже несколько раздраженно спросил Хассиян. — Но покинуть его дом, сбежав от меня... верх глупости!

Чуть смутившись, Катарина честно ответила:

— Мне не хотелось вас... видеть.

Его руки медленно, но уверенно переместились с талии чуть ниже. Кати вздрогнула, и подняв виноватые глаза на императора, возмущенно спросила:

— Что вы... делаете?

Вместо ответа Хассиян чуть-чуть сжал ладони. В отличие от Катарины он был возбужден, еще с того самого подписания договоров. И сдерживать себя становилось все более болезненно-мучительно. Знать, что ты имеешь право, и не сметь им воспользоваться — истинная пытка для влюбленного мужчины. Для влюбленного до безумия зрелого мужчины, так и не пожелавшего овладеть иной женщиной, с того волнующего приключения с маской в алом платье. Что ему другие, если только с ней упоительное чувство наслаждения, заставляет сердце замирать от восторга? И сейчас, лежа на жесткой постели, Ян смотрел на возмущенное личико Катарины, той самой, что наивно уверовала в свою власть над ним, и понимал, что это будет сейчас и с ней, либо чуть позже и с любой другой, что подвернется в замке. Но он желал только Катарину, и никого больше...

И оставался лишь вопрос «Как?». Как сделать так, чтобы получить желаемое здесь и сейчас...

— Мы в Дартане, — взвешивая каждое слово, произнес Хассиян.

Он желал сказать, что здесь их не потревожат, но понимал — Кати воспримет это как угрозу. Да и любое его действие сейчас, вызовет в ней лишь страх и стремление сбежать...

— Я... напугал тебя? — он вновь начал поглаживать ее спину, бедра, ноги, пристально глядя в огромные карие глаза.

— Прекратите! — потребовала Катарина.

— Прекратить что? — пальцы осторожно потянули ткань, приподнимая ее юбки, но совершая столь возмутительные действия, Ян продолжал пристально смотреть в глаза Кати, с честным выражением на лице.

— Что вы делаете? — возмутилась девушка и попыталась встать.

Его левая рука мгновенно обняла крепче, правая продолжала приподнимать ее юбку, и вскоре скользнула по обнаженной коже, на бедро, чтобы начать осторожно — успокаивающие касания.

— А что я делаю? — уже несколько хриплым, но все таким же честным голосом спросил Ян.

— Вы... — начала Катарина, но тут его пальцы осторожно скользнули между ее ног, едва коснувшись того, что неожиданно отозвалось сладкой волной истомы.

И Хассиян улыбнулся. Пока еще едва заметно, но уже предвкушающее.

— Не... — начала девушка, и он прикоснулся снова, на сей раз, чуть-чуть усилив нажим, и Кати задохнулась от нахлынувших ощущений, а в следующую секунду его рука вновь лишь поглаживала ее бедра.

Катарина смотрела на императора огромными, чуть испуганными глазами, не понимая, что происходит с ней, с ее телом, с ее чувствами. А совсем рядом, так близко мерцали темные глаза Хассияна, с искорками веселья, с завораживающей тайной, которую, казалось, знал только он.

— Так что я делаю? — чуть хрипло спросил Ян.

От его словно вибрирующего голоса, по телу пробежало какое-то странное ощущение... предвкушения. Катарина вздрогнула, продолжая все так же неотрывно смотреть на него.

— Я делаю так? — сильные пальцы вновь осторожно коснулись того, что было скрыто лишь бельем, и чуть надавив, погладили...

Катарина задержала дыхание.

— Или я делаю так? — два пальца осторожно скользнули за край белья, пробежались по завиткам волос и вновь коснулись запретного места, на сей раз не прикрытого тканью и в темной камере подземелья раздался стон, который Кати не сумела ни сдержать, ни заглушить.

— А я еще могу сделать так, — прошептал Хассиян, и под ткань белья скользнула уже вся его рука, накрывая осторожно, и вместе с тем немного властно.

От осознания происходящего Катарина вздрогнула, вновь попыталась встать, но Ян удержал, и тихо рассмеявшись, продолжая все так же смотреть в ее невероятные глаза, прошептал:

— У замка Дартан потрясающая история, одна из любимейших для меня...

Девушка замерла, не понимая, чего он добивается. Потому что едва начав рассказ, император прекратил всякие движения рукой, но одно только ощущение его большой теплой руки там, вызывало странное чувство томительного и вместе с тем такого сладкого ожидания. А Хассиян, в отличие от Катаринины прекрасно ведавший, что он делает и зачем, продолжил рассказ, намеренно говоря тихим, чуть приглушенным голосом, зная, что от этого тембра будет вибрировать и тело девушки, лежащей на нем.

— Прислушайся, — посоветовал он, — и ты услышишь грохот волн, разбивающихся о скалы. Дартан защищен смертоносными скалами с трех сторон... — его средний палец осторожно проник между густыми волосками и коснулся так, что Кати вздрогнула всем телом. А Ян прошептал: — Проникнуть к крепости можно лишь с материка, — он медленно провел вдоль, и стремительно вернулся к месту, одно прикосновение к которому заставляло Катарину испытывать новую волну острого удовольствия, — но кто сказал, что проникнув вглубь, — и его палец осторожно это проделал, — противник не встретит сопротивления.

Катарина, в этот момент как раз собирающаяся возмутится, так возмущением и задохнулась, потому что, оказавшись в ней, Ян не собирался бездействовать.

— Крепкие стены, — прошептал он, осторожно поглаживая ее внутри, — узкий вход, — его палец двинулся глубже, — и уже не хватает людей для дальнейшего наступления... Подкрепление просто необходимо.

И вслед за его словами, к первому пальцу присоединился второй. Катарина внезапно осознала, что дрожит, и эта дрожь не связана ни со страхом, ни с негодованием. И при всем при этом, Хассиян продолжал все так же пристально и завораживающе смотреть в ее глаза, и как замороженная она молча ждала продолжения.

Он улыбнулся, и продолжил.

— Есть крепости, — не покидая завоеванной территории, Ян вернулся к чувственным, вызывающим то озноб, то прилив жара прикосновениям, — которые невозможно завоевать. И тогда, остается лишь один способ...

Его левая рука соскользнула с ее талии, чуть сжала, а затем он осторожно сдвинул девушку выше, и Кати сквозь грохот собственного сердца, услышала, как звякнула пряжка расстегиваемого ремня... но принять какие-либо меры Хассиян ей не позволил.

— Знаешь, какой способ? — прошептал он, возвращая ее на прежнее место.

— Не... — начала Кати, и осеклась, ощутив как осторожно, едва касаясь, он притронулся к ней совсем иной частью тела, нежели рука.

— Нужно бесшумно, едва заметно подобраться к крепости, — и все это он проделывал одновременно с произнесением, — сорвать покровы, — ее белье с едва слышным треском рвалось под его пальцами, — и очень осторожно, — левая рука вновь легла на ее талию, чуть опуская девушку вдоль сильного, натянутого как струна тела, — совершить невероятное...

И пальцы уступили место тому, что так жаждало овладеть ее телом, но приникнув к ее телу, Ян остался на входе, не стремясь ворваться единым сильным порывом.

— Вы... — прошептала Кати, пытаясь вернуть способность говорить и в то же время задыхаясь от нахлынувших чувств, вы...

Он улыбнулся, едва заметно, и продолжил:

— Нужно совершить невероятное, Катарина... — осторожно входя в ее тело, прошептал Ян, — нужно сдаться этой самой крепости... — и он фактически усадил ее на себя, заполняя до основания.

Кати едва дышала... и от осознания происходящего, и от ощущений, и от возмущения, и самое невероятное — от того, что слившись с ее телом, Хассиян более не предпринимал никаких действий. Был он, наполненный желанием в ней, были его руки, лежащие на ее бедрах, и был его чуть затуманенный страстью взгляд, а еще улыбка — невероятная, чуть радостная, и такая лукавая... но действий никаких не было. Он даже не шевелился.

И некоторое время в темной камере слышался лишь треск свечи, да те самые бушующие волны, грохочущие где-то там, вдалеке. Кати тяжело дышала, напряженно глядя на того, кто ждал ее реакции.

— Нравится? — его голос, казалось, проникал в ее сердце.

— Я... — она сбилась, не зная, что сказать.

— Сверху, — прошептал Хассиян, приподняв, вновь опустил ее на себя.

Это было так ярко, так остро-упоительно, так чувственно и вместе с тем невероятно.

— Попробуй сама, — мягко посоветовал Ян, одну руку оставив на ее бедре, а вот второй, проник под юбки вновь осторожно касаясь ее наиболее чувствительного места.

Катарина изогнулась, застонала, сначала почти мучительно, сквозь сжатые зубы, но вскоре это уже были исполненные наслаждения стоны, которые она не могла, и не желала сдерживать...

— Вверх, — Ян осторожно направил ее, — вот так. Тебе нравится?

Ответа он не ждал, да ответ и не требовался — Хассияну отвечало ее тело, ее приоткрытые губы, ее сбивающееся дыхание, ее прикрытые от наслаждения глаза...

Но глядя на свою прелестную наездницу, он вдруг с удивлением осознал невероятное — ее удовольствие, ее наслаждение, ее чувства, почему-то оказались значительно важнее, чем его собственные. Сейчас необходимость сдерживаться причиняла фактически боль, но один ее стон, и Хассиян был готов и дальше подавлять растущее возбуждение, уже настойчиво требующее разрядки...

— Ян, — ее полусшепот, полустон и он начинает ласкать ее чуть быстрее, ощущая, как сжимаются мышцы находящейся на грани девушки. — Ян... Ян...

— Ты так божественно произносишь мое имя, — прошептал Хассиян.

Улыбка тронула нежные губы, а следующее мгновение Катарина изогнулась, ее тело напряглось и восторженный, исполненный наслаждения крик «Ян» огласил все подземелье и только тогда он дал себе волю, стремительно и резко раз за разом врываясь в ее тело, чтобы последовать за ней в ту грань мироздания, что позволяет влюбленным и любящим воспарить над миром...

Обессиленная Катарина лежала на собственном повелителе, прислушиваясь к биению его сердца. Истома, сладкая и теплая охватывала все ее тело, и уже не хотелось думать ни о чем совершенно ну разве что о крепости.

— Ян?

— Мм?

— Это... то, что ты делал, это...

— Тебе понравилось?

— Да.

— К чему тогда моральные терзания? — он чуть приподнял голову, осторожно поцеловал склоненную на его грудь головку и добавил. — Думаю, нам стоит покинуть это мрачное подземелье.

Не дождавшись ее ответа, Ян поднялся и протянул руку, помогая встать и Катарине. Все так же держа за руку, император провел ее по лестницам и переходам, и следующая лестница показалась Катарине смутно знакомой.

— Мы действительно в Дартане? — спросила Катарина.

— Да, дорогая, — Ян толкнул окованную железом дверь, пропуская Кати в гостиную с яркопылающим камином, — мы в твоём замке.

— Он не мой...

— Твой, — невозмутимо отозвался император, — твой по праву и перейдет к твоим детям, по праву наследования.

— У нас будут дети? — резко остановившись, переспросила Катарина.

— Будут, — уверенно ответил Ян, — пожалуй... трое, или четверо... Возможно... и я более чем

уверен, что один из наших сыновей будет править в Ратассе.

Кати так и замерла. Несмотря на произошедшее только что, даже подумать о детях, ей было страшно...

— Что не так? — от Хассияна не укрылось ни ее возмущение, ни напряжение.

— Дети... — она нервно сглотнула. — Я... могу забеременеть?

Он рассмеялся, и обняв ее за плечи, склонился к аккуратному ушку, чтобы прошептать:

— Я даже рассчитываю на это.

Катарина вздрогнула, стремительно вырвалась, возмущенно взирая на него.

— Об этом не было упомянуто в договоре, — с раздражением, произнесла девушка.

Пожав плечами, Ян прошел и сел в кресло у камина. Ее слова, как и ее реакция неожиданно оказались крайне неприятными. Но он сдержался.

Задумчиво глядя на огонь, произнес:

— Если желаешь вернуться домой, выход вон за той дверью.

Катарина подошла к указанной двери, но, уже прикоснувшись к ручке, остановилась. Повернувшись, глядя на гордого императора, который продолжал смотреть на огонь, словно не замечая ее ухода... Только руки, такие нежные и сильные одновременно, были сжаты в кулак, чуть вздрагивающий от напряжения.

И бывшая баронесса ассер Вилленская тяжело вздохнула, сняла плащ и вернулась к нему. Остановилась рядом, как и Ян несколько минут смотрела на огонь.

— Мне страшно даже подумать о детях, — Кати и сама не могла понять, почему оправдывается. — После всего, что пришлось испытать мне, страшно представить, что может произойти с незащищенным ребенком, в этом жестоком мире. Дело не в вас, Ян...

Он улыбнулся, едва заметно, лишь уголками губ, потянувшись, обхватил за талию, без труда усадил на колени и, прижав к себе, все так же продолжал смотреть на огонь.

— Тревожно-мучительное счастье, — вдруг произнес Хассиян.

— Как это? — удивилась девушка, и сев удобнее, положила голову на широкое плечо.

— Как сейчас, — он поцеловал ее волосы, — тревожно-мучительное счастье...

Его пальцы скользнули по ее рукам, развернув ее ладонь, он нежно погладил, вызывая невольную улыбку Катарины, лишь после этого он тихо спросил:

— Останешься?

И она не смогла ответить отказом.

Счастливую улыбку императора, Катарина не увидела, а он... он и не сомневался в ее ответе. Но команду «Сидеть, еще рано», продолжал мысленно отдавать своему телу, загоняя желание

под жесткий контроль разума. И справившись с внутренним зверем, провел пальцами по ее руке вверх, умело зажигая огонь ее желания — ему было мало.

— Ян, — Катарина вздрогнула от его движения, — разве у вас нет детей от других... любовниц?

— Нет, — его пальцы переместились к тесемкам корсета, умело развязали узелки, — так лучше?

Кати, несколько возмущенная его действиями, после этих слов невольно улыбнулась, глубоко вздохнула и едва слышно ответила:

— Да, благодарю, дышать определенно легче.

— Наш разговор коснулся моих прежних связей... — его рука скользнула в вырез платья, но едва Катарина попыталась возмутиться, император продолжил. — Я не желал иметь незаконнорожденных детей. Мой младший брат незаконнорожденный, и я достаточно видел его мучения в детстве, да и в дальнейшем, чтобы не усвоить одну истину — дети, рожденные вне брака, обречены на... весьма мучительное существование. Посему все мои женщины, вольно или не вольно, принимали шамесс... К моему искреннему сожалению, чаще всего — невольно.

Катарина, до глубины души пораженная его откровением, не сразу поняла, что теперь рука императора вольготно поглаживает то, что ранее скрывал корсет, но ее возмущение вновь было прервано его рассказом:

— Ранее я не задумывался о собственных детях. Всегда был Хилайор, и я относился к нему как к родному сыну, не размышляя о сути вопроса. А сейчас... — он склонился и прикоснулся губами к тому, чем столь незаметно завладела его рука. — Сейчас я понимаю, что хочу своих сыновей и дочерей, хочу растить собственное продолжение, и ты, та единственная, кого бы я желал видеть матерью моих детей.

И его губы мягко накрыли ее рот, не позволяя произнести ни слова, словно затягивая в сладкий плен, из которого уже не было выхода. Катарина не сопротивлялась, отдаваясь во власть нежных прикосновений, но ощущая растущее желание, с грустной улыбкой, подумала о шамессе... Он был сложен в приготовлении, но... что такое трудности в ее положении и при ее знаниях... И позволяя Яну лишать ее покровов одежды, Кати уже думала о том, где достанет нужные ингредиенты, потому что дети были совсем не тем, что она была готова отдать императору.

«Дети не должны нести ответственность за ошибки своих родителей» — в этом Катарина была убеждена.

Внезапно Ян замер, отстранился, внимательно посмотрел в карие, чуть задумчивые глаза, и усмехнулся. Его широкая ладонь в последний раз провела от нежной шеи, по пленительным изгибам и до бедра, а затем, император поднялся и, пересадив ее в кресло, и склонившись к ее губам, прошептал:

— Что тебя не устраивает?!

— Ваши планы на наше будущее, — предельно честно ответила Катарина.

И на сей раз Хассиян просто не сдержался. Стремительно выпрямившись, он окинул удивленную его реакцией девушку, а затем молча развернулся и ушел.

Она так и осталась сидеть перед камином, слушая вначале его удаляющиеся шаги, а затем приказ охраны открывать ворота, и удаляющийся перестук копыт...

Вошли две служанки, склонившись, вежливо спросили, не желает ли госпожа герцогиня отдыхать, или предварительно следует подать ужин.

— Спать, — задумчиво ответила Катарина, все еще не в силах поверить, что он действительно оставил ее одну.

* * *

Она спала в гордом одиночестве, на огромной постели в огромном замке, под шепот волн и неясный гул океанского ветра. Вот только сны были тревожными, как и мысли о будущем. Слишком страшным оказалось для нее желание Хассияна иметь детей, и более того — сместить наследника престола. Будь Катарина той, наивной юной баронессой, что с восторженным трепетом взидала на приближении королевской галеры, мысль, что именно ей предстоит стать матерью наследника, несомненно, обрадовала бы, но сейчас...

В очередной раз проснувшись от того, что во сне у нее отнимали дитя, Кати села на постели, обняла колени руками, и так и просидела до самого рассвета, глядя в занавешенное окно. Ей было страшно, бесконечно ужасающе страшно за еще нерожденных детей, потому что прожившая при дворе Шарратаса Катарина знала, как быстро и мучительно гибнут те младенцы, что неуютны влиятельным особам мира сего.

Она забылась сном лишь на рассвете, сжавшись на огромной постели и обняв одну из многочисленных подушек.

* * *

Проснувшись, девушка обнаружила утреннее платье, видимо привезенное из особняка ассер Вилленских, и невольно улыбнулась, подумав, что это утро ей не испортят ни обидные слова Расвера, ни молчаливое неодобрение отца. Однако спустившись к завтраку, девушка с изумлением увидела и второй прибор за столом.

— Его Величество скоро прибудет, ваша светлость, — юная служанка низко поклонилась.

Ян появился, когда Кати допивала шоколад. Он ворвался как утренний ветер, мгновенно наполнив собой чинно-благопристойное пространство столовой. Снимая и отбрасывая на ходу перчатки, плащ, шляпу, словно вихрь прошел к восхищенной столь неординарным появлением Катарине. И как будто в танце, потянув ее за руку, поднял, прижал к себе, и страстно поцеловав, прошептал:

— С добрым утром, моя Катарина!

Затем, отпустив, совершенно спокойно сел за стол. Но при этом Катарина почему-то ощущала его внутреннее напряжение...

А Ян шутил со служанкой, наливающей ему чай, весело потребовал булочек, вместо политых шоколадным сиропом блинов и уже более серьезно переговорил с главой стражи, который сообщил, что возле замка ночью видели подозрительных людей.

Озадаченная его поведением, Катарина, медленно опустилась на стул, сделала глоток, уже не чувствуя вкуса шоколада и потянулась за хрустящим печеньем. Ян проследил за ее

движением, и отвернулся, едва она заметила его взгляд.

Булочки императору принесли, как и топленное в печи кислое молоко, и невольно наблюдая за тем как он с аппетитом ест, Катарина искренне досадовала, что не потребовала себе того же.

— Могу поделиться, — Ян лучезарно улыбнулся, — как-никак, я теперь обязан делиться с тобой абсолютно всем, так почему бы не начать с завтрака?

Катарина вежливо ответила:

— Благодарю вас, не стоит.

— И как вам спалось? — подхватил ее любезно-светский тон император.

— Великолепно, — Катарина старательно улыбнулась, — люблю спать в одиночестве...

— Вот как, — Хассиян пристально смотрел на нее, — надеюсь, вскоре, вы возненавидите одинокие ночи.

— Сомневаюсь, — Кати ответила ему очаровательной улыбкой, — но определенные преимущества в жизни вашей фаворитки нельзя не заметить.

— И какие же? — Хассиян изучающее взирал на нее.

— Жизнь вдали от осуждающих взглядов отца и брата, — Катарина грустно улыбнулась, но уже в следующее мгновение подумала о том, чем планировала заняться. — Надеюсь, вы не откажете мне в такой малости, как открытие приюта для детей, и... столовой для бедных.

— Святая дева Ортанона... — Ян усмехнулся, — Раенер мне рассказал о забавном случае с девочкой. И все же любопытно, для чего вам возня с благотворительностью, Катарина?

Чуть заметно пожав плечами, девушка тихо ответила:

— Это то единственное, что доставляло мне радость в Шарратасе, и то небольшое, чем я могу заниматься. Увы, если вы планировали что как ваша фаворитка...

— Вторая жена, — поправил Хассиян.

— Что как ваша вторая жена я буду вести светский образ жизни, я вынуждена вас разочаровать, так как предпочитаю избегать дворцовых увеселений и тратить свое время на заботу о нуждающихся.

К ее удивлению Хассиян отреагировал едва слышным «хм», а после, чуть кивнув, задумчиво произнес:

— Что ж, идея мне нравится. Ответ дам в ближайшее время. Желаете что-то еще?

Под его пристальным взглядом, Катарина смутилась и прошептала:

— Вы, — Кати тяжело вздохнула, — не сообщили мне о судьбе князя Арнара, как впрочем, и о событиях, вследствие которых я очнулась... — в ее глазах промелькнул гнев, — в ошейнике!

Ян медленно перебирая пальцами по столу, с усмешкой ответил:

— Ваш... весьма примечательный разговор я оценил, — Катарина побледнела, — и ваше стремление обнять нелюбимого супруга тоже, — бледность сменилась пунцовым румянцем, — а его абсолютная уверенность в возможности вывезти вас из Ратасса и вовсе рассмешила.

Ее руки нервно искали возможности схватить веер, но вспомнив, что оставила его в спальне, Кати сцепила пальцы и судорожно вздохнула.

— Мне следовало бы понять, что вы близко — Харан сбежал с поспешностью обрадованной появлением хозяина собачки.

— Вам следовало бы понять множество иных вещей, — Хассиян улыбаясь, смотрел на нее, — но вернемся к вашим просьбам. Итак — благотворительность, — император поднялся, — я пришлю к вам лорда Анеро, он лично представит вам лорда Вейсера, казначея империи. Вы довольны?

— Вы намекаете на благодарность? — не поднимаясь, лукаво поинтересовалась Катарина.

— Ну что вы, — император наклонился, упираясь одной рукой в край стола, а второй на спинку ее стула, — вы и благодарность... по моему опыту несовместимы! — Хассиян поймал ее не сопротивляющиеся губы своими, несколько мгновений целовал, но добившись ее невольного стога, резко отошел. Уже у дверей, напомнил. — У нас сегодня великий день, дорогая, поторопитесь, нас ждут во дворце!

* * *

Алиссин медленно прогуливалась по дворцовому парку. Позади держась на приличном расстоянии, молча следовали фрейлины, боясь привлечь внимание Ее Величества — королева была не в духе. Вторая беременность протекала значительно хуже первой, и вынужденная расставаться с едой по нескольку раз в день Алиссин, больше походила на злобную фурию, чем на доброго ангела.

Внезапно в кустах затрещали ветки, и серая тень бросилась под ноги. В отличие от фрейлин, Алиссин радостно улыбнулась, мгновенно угадав в звере единственного верного друга.

— Анраш! — королева опустилась на колени и обняла зверя, — Анраш, ты вернулся... А это что?

Ошейник на волке выглядел более чем несуразно, но осматривая кожаное творение руки неизвестного мастера, Алиссин обнаружила пришитый к внутренней стороне мешочек. Вынув кинжал, королева стремительно вскрыла его и в ее белоснежную ручку упала маленькая бутылочка с мутным содержимым, а следом сложенное в миниатюрный конверт послание. Королева вчиталась в ровные строки на маленьком листке бумаги, и отчаяние сменилось надеждой.

— Катарина, — с восторженной улыбкой произнесла королева, — маленькая отважная Катарина, ты все же добила желаемого.

Еще месяц назад Алиссин получила сведения о том, что ее агентурная сеть раскрыта, а противоядие достать не удалось. И все это время прекрасная королева Шарратаса тщетно, теряя надежду, искала иные способы получить спасение своей жизни... И вот противоядие в ее руках. Алиссин сжала ладонь, и на мгновение закрыла глаза... Жизнь, ее жизнь вновь принадлежала только ей и надежды на будущее обрели крылья.

Бывшая принцесса Лассрана поднялась, гордо взглянула на королевский дворец, и в ее торжествующей улыбке отразилось все ее отношение к Шарратасу, который отныне, без сомнений принадлежал только ей.

— Дариан, ты сдохнешь, — едва слышно прошептала готовая мстить королева.

* * *

Хассиян был доволен и счастлив — двор воспринял его вторую супругу с пониманием, народ с ликованием. Да и невозможно было не полюбить эту хрупкую девушку с огромными карими и такими добрыми глазами, особенно если учесть, что наряд для церемонии был выбран с умыслом.

— Дева Ортанона, — шептался народ, — она святая.

— Наследница Ортанона, — поговаривали придворные, — очень выгодный политический брак.

Анеро, глядя на ухмылку императора, не менее довольного произнес:

— Осталось лишь подарить короне наследника.

— С этим пока сложности, но мы решим и эту проблему, — Ян погладил сидящего у его ног Харана.

Чуть нахмурившись, Анеро все же имел наглость спросить:

— В чем же возникли трудности?

— В принципах нашей пресвятой Девы Ортанонской, — Ян отложил вино, которое налил себе сам. Впрочем, это вино он всегда наливал себе сам — оно было особым.

Император и его доверенный советник сидели в личном кабинете правителя Ратасса и торжествовали. Накануне на высочайшем уровне прошло представление второй супруги герцогини тае Дартан как двору, так и народу. Затем был торжественный обед, после бал и роскошнейший фейерверк. Катарина была безупречна — мила, элегантна, сдержанная и прекрасна. Свадебный наряд, призванный подчеркнуть ее сходство со статуей Пресвятой Девы Ортанонской, со своей задачей справился отлично. Единственное, что несколько омрачало радость Хассияна — императрица Анестин и наследник империи Хилайор демонстративно не явились ни на бракосочетания, ни на сопутствующие ему торжества.

— Катарина опасается за судьбу своих детей, потому и против, — вернулся к разговору Ян.

— В вашей власти настоять, — Анеро подленько улыбнулся. В ответ Хассиян лишь грустно улыбнулся и тихо произнес:

— В моей власти... да. Но есть одно «но», Анеро, — и тяжело вздохнув, Ян добавил, — я люблю ее.

— В этом ни у кого сомнений не возникло, — поддел советник.

— Ты не понимаешь, — поднявшись, император подошел к окну. — Это не просто влюбленность, я действительно люблю ее... даже больше чем Ратасс, больше чем себя. Это странно, нелогично, и наверное, неправильно, но... Принуждать ее я не могу и не буду. Если Кати захочет, она подарит мне наследника, а если нет...

Он замолчал, услышав, как тихо скрипнула дверь, но советник этого не услышал...

— Это даже не смешно! — возразил Анеро. — Ваше величество, вы женились, чтобы у империи был здоровый наследник! Здоровый и нормальный, а не этот...

Тихий стук каблучков и полный ярости голос императрицы:

— Этот?! Кто «этот»? Вы посмели...

Хассиян прервал начинающийся скандал требовательным:

— Анеро, выйди! На сегодня вы свободны!

И только после этого повернулся к первой супруге, чуть склонил голову и поприветствовал ее:

— Моя императрица.

* * *

«Как ты могла подписать подобное соглашение?! Святая наивность, жизнь тебя совершенно ничему не учит!»

Катарина перечитала эти строки в третий раз, нахмурилась, но стоически вернулась к прочтению.

«Зачем ты это сделала, Кати? Зачем?! Или Хассиян столь хорош в постели?»

Чуть поджав губы, Катарина невольно взглянула на постель... Да, хорош, даже слишком, и он добился того, что герцогиня тае Дартан с замиранием сердца ожидает каждой ночи... но проводить их ей все так же приходилось в одиночестве. И понять, было ли это следствием его обиды, или же очередным этапом соблазнения, Катарина не могла.

«Катарина, душа моя, Катарина, твоя влюбленность в Ранаверна была следствием лаандана, но объясни мне, какой из порошков использовал этот укротитель диких животных, чтобы привязать к себе твое сердце? Остановись. Пока не поздно, пусть объявит своей женой Елизавету, твоей сестре подобный статус будет только в радость. И возвращайся, Кати... возвращайся ко мне, дни нашего большого мальчика уже сочтены. Он болен, а врачи «не могут» ему помочь. Возвращайся, прошу тебя».

Послание доставили на рассвете. Одна из служанок, словно нечаянно обронила запечатанный конверт, который упал в ладонь спящей Катарины, а девушка удалилась, оставив утреннее платье для герцогини.

В результате Кати отказавшись от завтрака, вновь и вновь перечитывала написанные уверенной рукой строки, в которых была благодарность и вместе с тем негодование, выраженное лишь одним предложением: «Я же просила, только не он!».

Руки новоиспеченной герцогини дрогнули, но письмо она удержала.

«Вернись в Шарратас, Катарина! Вернись сама и сейчас. Я не потерплю Хассияна, Кати. Кто угодно, только не он. В день, когда ты получишь это письмо, на закате у замка тебя будет ждать карета, с изображением орла в орнаменте. Ты выйдешь из замка и сядешь в эту карету, Кати. Ты сделаешь это! Не заставляй меня угрожать».

Она еще долго сидела у окна, вновь и вновь вчитываясь в эти строки. Вот только поводов для возвращения у Катарина не было. Как и желания покинуть Ратасс.

Во внутреннем дворике послышался шум открываемых ворот, цокот копыт по брусчатке, а после и голос раннего гостя — судя по тону, Хассиян был не в духе.

Катарина стремительно поднялась, торопливо спрятала послание в шкатулку с драгоценностями, заперла, вернула медальон, который и открывал резной сундучок, обратно. Застегивающей цепочку и застал ее император, без стука вошедший в спальню второй супруги. И Кати вздрогнула, увидев нечто невероятное — Ян был пьян. Абсолютно и совершенно. Едва на ногах держался. А еще... Хассиян был зол, практически в ярости. Но напугало герцогиню иное — его глаза...

— О Пресветлый! — воскликнула Кати, которая не могла и пошевелиться от ужаса.

— Ты! — сорвался на крик император. — Исчадие ада, сжигающее меня изнутри!

Она не слушала. Ни этого, ни остальных эпитетов... Подбежав к мужчине, встала на носочки, обняла его лицо и чуть потянув на себя, взгляделась в его глаза... И вскрикнула, осознав что предположение было верным — Хассияна отравили.

— Не смей ко мне прикасаться! — заорал он.

В ответ Кати прижалась к нему, обнимая так крепко, как только могла, и он едва расслышал ее шепот:

— О, Пресветлый, спасибо, что привел его ко мне.

— Я сам пришел, — грубовато ответил Ян, и вдруг голос его охрип, а слова вырвались не те, что желал произнести. — Мне плохо, Кати...

В следующую секунду, она отступила, вышла из спальни и потребовала как служанок, так и помощи стражников.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной! — ревел позади нее император Ратасса.

«Яд морской рыбы. Расширенный зрачок, учащенное дыхание, приступ гнева, — шептала про себя Катарина, — противоядия нет... нет... никакого. Нужно избавиться от яда!».

— СТРАЖА!!! — ее крик казалось, расколол небо надвое.

Ее небо! Ее личное небо, в котором прежде была значима лишь ее семья, а сейчас вдруг обрел важность Хассиян и его жизнь.

На ее зов, прогромыхав по лестнице башни, явилось шестеро закованных в латы воинов, позади них толпились служанки.

— Император Хассиян отравлен! — каким-то чужим, не своим голосом, возвестила Катарина.

А в мыслях пронеслось «Ты так божественно произносишь мое имя» — и сердце сжалось... но на слезы времени не было.

— У меня только один шанс его спасти, — продолжила она. — И потребуеться ваша помощь. Помните, в случае отказа я, как вторая супруга императора, обвиню вас в измене. И еще —

любые слова его величества сейчас будут сказаны им под влиянием яда. — А затем к служанкам. — Воды, много! Сменные простыни! Быстро! Воины, за мной!

Хассиян, слушавший и слышавший ее слова, презрительно искривил губы и нагло спросил:

— И что ты задумала?

Кати не ответила ему ничего, не глядя на стражников, она отдала приказ:

— Связать!

И почему-то ей возразить не сумели.

Ян рычал и сопротивлялся, как зверь разбрасывая набросившихся на него стражников. Услышав крики императора, со двора прибежал Харан, но Кати удержала зверя, а после вывела из спальни. К ее возвращению разгневанный, сыплющий проклятиями и обещаниями кровавой расправы мужчина лежал связанным на полу, рядом толпились растерянные стражники.

— На постель, — приказала Катарина, — уложите на живот, голова чтобы свешивалась с кровати.

И на сей раз ей не посмели возражать.

Служанки принесли воду и тазы, один из них Кати стремительно пододвинула ложу, затем села рядом с извивающимся императором и прошептала лишь:

— Не откуси мне пальцы, пожалуйста.

Не откусил, хотя избавиться пытался. Когда рвать Яну уже было нечем, Кати приказала:

— На спину!

Из стражи с ней осталось лишь двое — начальник гарнизона крепости Джеро и начальник личной охраны императора Нардаэ. Оба не одобряли ее действий, но подчинились неукоснительно.

— Мне потребуется еще раз промыть его желудок, — уверенно произнесла девушка. — А возможно и не раз. Офицер Нардаэ, распорядитесь: Лорда Анеро сюда, а так же лекаря Раенера.

— Ему что-то передать? — выполняя первый приказ и укладывая императора, спросил стражник.

— Да, я напишу, какие потребуются травы. Сейчас держите его! — и уже служанкам. — Воду.

Хассиян уже практически не сопротивлялся процедурам. Сейчас, именно сейчас факт его отравления уже никто не подвергал сомнению, и оба стражника с уважением смотрели на хрупкую девушку, которая, срывала голос до хрипоты, требуя от служанок быстрых и необходимых действий.

А Кати... вытирая бледное лицо Хассияна, думала лишь об одном:

«О, Дариан, как же я благодарна тебе!»

Именно при дворе Шарратаса, Катарина видела, как король отравил одного из сановников, именно там ей пришлось наблюдать и агонию несчастного. Но нечеловеческая жестокость Дариана, здесь и сейчас позволила предотвратить смерть императора Ратасса, и потому Кати была благодарна. Действительно благодарна...

— Все, вода чистая. Уже все... — после четвертого промывания, прошептала Кати. За затем, повысив голос: — Джеро, помогите. Его нужно переложить на кресло.

Когда сменили, перестелив чистым бельем, Катарина приказала уложить бледного и уже бредящего Хассияна, затем начала стремительно раздевать его. Наготы она не стеснялась, на стеснение не было времени.

— Где Раенер? — вот единственный волнующий ее вопрос.

— Уже поднимается, — отозвался Нардаэ.

Когда прибыл встревоженный советник Анеро, он застиг невероятную картину — покрасневший и бессознательный император лежал в ванне, наполненной отваром трав, служанки уставшие и измотанные кто носил воду, кто вновь перестилал постель, кто убирал остатки учиненного безобразия. А над всем этим Кати — бледная, растрепанная, испуганная, но решительная и быстрая.

— Уже все, — заметив вошедшего, отозвалась девушка. — Он будет жить, глаза не мутные.

— Что? — совершенно не понял ее Анеро.

Кати лишь досадливо махнула рукой и вновь склонилась к императору. Лорд с удивлением смотрел, как она осторожно касается супруга, губами ко лбу, затем пальцами к шее, и словно прислушивается к чему-то.

— Нет, — Катрина посмотрела на Раенера, — больше нельзя. Сердце бьется слишком быстро.

— Я бы еще подержал, — отозвался лекарь.

— Нет! — Кати выпрямилась. — Нардаэ, Джеро, переносите его на постель.

И только после того, как император был уложен, ею самолично вытерт насухо и укрыт, Катарина вернулась к прерванному с Анеро разговору.

— Что он сегодня пил? — требовательно начала девушка. — С кем встречался! Кто вообще мог решиться отравить императора? Кому это выгодно?!

«Да-а-а, — подумал советник, — девочка не из робких...» Откашлявшись, он осторожно полюбопытствовал:

— Ваша светлость, я прошу прощения за вопрос, но почему вы так убеждены в наличии яда?

Катарина нахмурилась. Слишком хорошо знала, что времени на объяснения нет, а потому, решительно повернувшись к лорду Нардаэ, отдала приказ:

— Возвращайтесь во дворец. Выясните, чем занимался его величество до приезда ко мне. И конкретно — что пил. Яд черной морской рыбы горький, просто отвратительный на вкус, поэтому с едой он попасть в организм императора не мог. Это напиток, вероятнее всего вино.

И тут Анеро ощутил, как неприятный холодок пробежался по спине, заставляя цепенеть все тело. Советник уже понял, практически все понял. И мрачно выругавшись, даже не постеснявшись.

— Императрица, — произнес Анеро. — Полынное вино, вот чем он был отравлен. Лорд Нардаэ, запечатать кабинет императора, созывайте совет, это необходимо обнаружить!

Но его распоряжение прервало тихое:

— Нет.

Лорд стремительно повернулся к девушке, чтобы услышать:

— Никто ни о чем не должен знать. Император только что женился и вполне имеет право медовый месяц с молодой супругой, вот и все что вы сообщите двору! Негоже, чтобы кто-либо знал о том, что правитель Ратасса уязвим! Что касается императрицы, это решать самому Хассияну и только ему.

Анеро, привычно подавил свое чувство справедливости, так как понимал — Катарина права. Однако кое в чем возражения имелись:

— Но я должен принять меры, для того чтобы предъявить его величеству необходимые доказательства.

— Действуйте, — устало согласилась Кати. — Раенер, отвар готов?

— Да, Катарина, — отозвался лекарь. — Кстати, все хотел спросить, откуда вы знаете этот рецепт.

— Видимо, случайности не случайны, — девушка грустно улыбнулась, — этому меня научила княгиня Надия Арнар, так что мне есть, за что быть благодарной Ранаверну.

На закате одинокая карета подъехала к замку Дартан и простояла до самого рассвета... но Катарина не покинула своего императора.

* * *

Хассиян с трудом открыл глаза. Мир странно покачивался, где-то вдалеке шумели волны, но его разбудило не это — а ощущение тепла от ее прикосновений. То, что его обнимает Кати он знал, запах ее тела, нежность ее рук не возможно было ни забыть, ни перепутать. Понять император Ратасса не мог иное — что он здесь делает? И как вышло, что рассвет он встречает с той, кого самому себе пообещал не касаться до тех пор, пока Кати не поумнеет. Хоть немного. Или просто осознает, что лишь ее тела ему мало.

И все же — как он здесь оказался?

Ян нахмурился, пытаясь восстановить события минувшего дня... Визит его давнего друга посла Геттони, разговор с императрицей... Неприятный разговор, и снова о милой его сердцу Катарине. Анестина была в ярости от того, что он посмел взять вторую жену. Хассиян понимал и ее ярость и ее чувства, но он, женившийся из чувства долга и жалости, не считал себя обязанным отчитываться перед супругой, что так и не подарила ему его детей.

«Вы знаете, что Хилайор болен», — вот то единственное, что он сказал императрице, но

слушать она не желала.

И после ее ухода, он привычно потянулся к бокалу крепчайшего полынного вина, что пил для успокоения. Пил, чтобы ощутив неприятную горечь, осознать как сладка жизнь. Сладка и прекрасна, несмотря ни на что. А выпив, захотел увидеть ту единственную, что подарила ему чувство влюбленности, радости и света. Он поехал к Кати...

Невольно улыбнувшись, Хассиян осторожно погладил плечико, лежащей рядом девушки и замер. Замер, вспомнив «как» он к ней приехал. И что он ей сказал!

Глухой, полный раскаяния стон раздался в сумрачной спальне.

Катарина проснулась мгновенно. Стремительно села на постели, вглядываясь в силуэт лежащего мужчины, вздрогнула, увидев, что он смотрит на нее, но тут же потянулась к нему, осторожно прикоснулась губами к его лбу и встревожено спросила:

— Ян, как вы?

Он удивленно моргнул. В ее голосе было столько неподдельного участия, столько нежности и заботы. Горло сжало спазмом, а глаза всегда сдержанного мужчины заблестели, но большего, он себе не позволил.

— Ян, — Кати прикоснулась к его щеке, — вы должны разговаривать! Мы успели промыть желудок до того, как яд полностью попал в кровь.

Яд? Он поверить не мог! Яд... но как?

Рывком поднявшись, Хассиян встал с постели и голова закружилась. Устоял он с трудом. Покачиваясь, подошел к окну, распахнул створки, с наслаждением вдохнул соленый морской ветер, и только тогда нашел в себе силы спросить:

— Яд?

Катарина осторожно встала. В отличие от императора, ее несколько смущал тот факт, что мужчина был полностью обнажен, впрочем, раздевала она его сама... правда помогали стражники, удерживающие невменяемого императора. Кати невольно улыбнулась — она никогда не думала, что умеет так кричать и приказывать. Но стражники, несмотря на протестующего императора, выполнили все ее требования... Собственно, привязав повелителя к постели.

Взяв одну из простыней, что стопкой были сложены у постели, она подошла к Хассияну, и попыталась скрыть, то, что ее так смущало.

— Что ты делаешь? — не совсем понял ее намерения Ян.

— Уже почти ничего, — обернув простынь вокруг его бедер, ответила Кати.

А в следующее мгновение, просто обняла, прижавшись к его спине, так и замерла, еще не до конца веря, что спасла. Действительно спасла и он рядом, он здесь, он с ней.

В двери осторожно постучали. Отпрянув от Хассияна, Кати торопливо вернулась к постели, надела халат и вскоре уже впускала столь раннего посетителя.

Изумленный повелитель Ратасса оторопело уставился на мужчину со свечой в руке, в котором

узнал лорда Анеро.

— Как он? — шепотом спросил преданный советник.

— Очнулся, — радостно выдохнула счастливая Катарина. — Разговаривает. Да входите, он уже даже встал с постели.

Анеро не заставил просить себя дважды и торопливо вошел. Пламя его свечи заколебалось от ветра из раскрытого окна, сам советник несколько смутился внешним видом повелителя. Впрочем, его смущение длилось меньше, чем откровенное непонимание ситуации Хассияном.

— Мой император, — Анеро передав свечу Катарине, низко поклонился, лишь после этого позволил себе подойти ближе, — как вы себя чувствуете?

— Сносно, — Ян все больше удивлялся происходящему, — а... почему вы спрашиваете?

В этот момент Катарина начала зажигать свечи в спальне и Хассиян отметил, что ковров тут больше нет, части мебели так же, на спинке кровати висят разрезанные веревки, у самой постели несколько тазов с водой, а еще помещение было наполнено запахом трав.

Заметив его удивленный и почти шокированный взгляд, Кати с улыбкой пояснила:

— Вы находились в беспомощности девять дней.

Ян медленно опустился на подоконник, вдруг осознав, что ноги не держат.

— Вас отравили, — внес свою лепту в повествование лорд Анеро. — Да, как это не удивительно, мой господин, но известная вам леди использовала яд, который...

— К счастью, вы приехали ко мне, — Катарина не удержалась, подошла и взяла его руку обоими ладонями, чуть погладила, — к моему величайшему счастью я этот яд знаю, благодаря Дариану, он использовал подобный. И моя вечная благодарность княгине Надие Арнар, которая научила, что нужно делать, при отравлениях.

Лорд Анеро улыбнулся, глядя на Хассияна и стоящую рядом с ним Катарину. Невероятный факт заключался в том, что не будь ее, сейчас империя находилась бы в трауре по безвременно ушедшему. Анеро знал это отчетливо — врачи Ратасса, даже Раенер, помочь не сумели бы. И проблема в том, что Хассияна и членов его семьи отравить было в принципе невозможно, секрет рода был известен лишь посвященным, и Анестина входила в круг доверенных. Но больше всего советник был поражен поведением этой хрупкой, робкой и застенчивой девушки, которая перед лицом смерти любимого, превратилась в разъяренную тигрицу. Заставить офицеров стражи связать собственного императора — неслыханное дело. А она заставила.

Как заставила удерживать его после, когда раз за разом вызывала рвоту, а после насильно вливала в глотку повелителя Ратасса воду, сначала обычную, затем с настоями трав. И ведь ее словам по поводу отравления даже не верили, но Катарину это не волновало — жизнь Хассияна была ее единственной заботой.

— Яд находился в вашем настоянном на полыни вине, — произнес Анеро. — Это уже установлено достоверно. Трое из пяти осужденных на казнь, которым была дана доза вдвое меньше той, что выпили вы, скончались в течение суток. Один на второй день, последний спустя еще сутки, будучи при этом совершенно невменяем.

Хассиян медленно повернул голову к Катарине, судорожно сглотнул, осознавая случившееся.

— Все хорошо, — Кати продолжала держать его за руку, — все действительно замечательно. Вы живы, остальное не имеет значения.

И отпустив его ладонь, девушка покинула спальню, чтобы распорядиться о завтраке.

Хассиян посмотрел на Анеро и задал только один вопрос:

— Где она?

— Императрица? — почти шепотом ответил советник.

— Никто другой не мог! Меня в принципе невозможно убить!

Ян чувствовал, как злость закипает где-то внутри, ярким синим пламенем сжигая чувства к той, что он хранил и оберегал вопреки всему... даже когда стало известно, что Хилайор никогда не войдет в силу рода. «Если бы не Катарина!» — эта мысль стучала в висках, в сердце, бежала по венам.

— В данный момент императрица под охраной во дворце, — сообщил лорд Анеро. — Нам удалось скрыть случившееся, все убеждены, что вы развлекаетесь с молодой женой. К сожалению, ваш наследник... Кронпринц сбежал.

— Куда? — Ян все еще не мог поверить в случившееся.

— Лассаран, — прошептал Анеро.

* * *

Император покинул ее в тот же день, ушел, не оглядываясь и пряча виноватые глаза. При Анеро Катарина не решилась расспросить о случившемся, а Ян явно не желал даже просто поговорить.

Лишь спустя три дня Катарина услышала стук копыт во дворе, а затем и повелительный глас императора.

Отложив расческу, Кати поторопилась встретить долгожданного гостя, но Ян опередил, и дверь распахнулась прежде, чем девушка успела взяться за ручку.

— Есть разговор, — начал он без предисловий. — Важный и серьезный! Катарина удивленно взглянула на супруга, и лишь кивнула в ответ.

— Уверена? — тут же спросил Ян.

— Наверное, — Катарина была удивлена его поведением.

— Учти, ты можешь отказаться! — темные глаза смотрели с каким-то странным, почти завораживающим мерцанием, и Кати не уловила суть намека.

— Мне есть смысл отказываться? — удивление все возрастало.

— Ты имеешь на это право, — тихо ответил Хассиян.

— Вы желаете, чтобы я отказалась? — осторожно спросила девушка.

— Я мечтаю, чтобы ты согласилась, — тихо ответил Ян.

— Тогда я согласна, — Кати улыбнулась.

Хитрая улыбка мелькнула на смуглом лице, и Ян коварно прошептал:

— Вот и помни... о своей согласии.

В следующую секунду, ничего не подозревающая девушка была схвачена, переброшена через плечо и довольно посвистывающий император понес ее прочь. Сначала из спальни, а после и из замка. Отпустил лишь во дворе, и то, исключительно для того, чтобы посадить на лошадь, на которую следом запрыгнул и сам.

— Не сопровождать! — его единственный приказ стражникам, и даже Харану. — Сидеть, ждать.

У Катарини не было слов, чтобы выразить свое удивление, Хассиян так же молчал, направляя коня к скалам, что венчали побережье.

Дорога заняла около часа. Некоторое время они пробирались между скалами, а затем Ян спрыгнул с лошади, стащил и Кати, после чего сняв упряжь с коня, попросту отпустил его.

— У меня... появились вопросы, — пробормотала девушка.

— Ты согласилась, — ответил ей как никогда довольный император. — Назад дороги нет.

— Конечно, — она тяжело вздохнула, — вы же только что отпустили лошадь.

Ян улыбнулся, подхватил ее на руки и в сгущающихся сумерках, понес вперед, осторожно ступая по земле, усеянной осколками скал.

Они миновали светлый участок и вступили в сумрак грота, когда Хассиян задал вопрос:

— Кати, насколько ты... веришь в Пресветлого?

— Это... интересный вопрос, для того кто является защитником всех верующих в империи.

— Ты не ответила, — он перепрыгнул бегущий из глубины пещеры ручей, — так все же, насколько ты веришь в культ Пресветлого Огитана.

— Господь наш всемогущий, — ответила заинтригованная событиями девушка.

— Мм, а если бы я сказал, что когда-то давно существовали иные боги.

— Например, Пресветлая Дева Ортанона?

— Например, Хранительница Острова, — он остановился, но в темноте не было видно ее лица, что несколько испортило момент.

— Хассиян, — Кати поежилась, — я предприняла все необходимые меры, яд не мог подействовать на ваш разум...

— Глупышка, — он нежно поцеловал ее, а затем продолжил путешествие по известной с детства тропе, — моя маленькая глупышка, которая на самом деле умнее всех на свете. Катарина... вероятно ты никогда не поймешь, как много значишь для меня, и иногда я рад этому.

Кати промолчала, крепче обнимая его за шею и подумывая о том, что какой бы ни был сильный мужчина, но так долго нести ее это испытание даже для очень сильного.

— Ян, вам не тяжело? — осторожно спросила Катарина.

— Нет, — и его спокойное дыхание было тому подтверждением. — Не беспокойся, еще недолго.

А вскоре непроницаемая мгла сменилась голубоватым мерцанием. Катарина заинтересованно вглядывалась в свет, и он становился все ярче, по мере их приближения. Еще пол сотни шагов и Ян отпустил ее, разворачивая к овальному подземному храму, в центре которого горел яркий синий огонь.

— Вечное пламя, — прошептал император, обнимая ее плечи. — Вечное пламя, вечная скорбь об утраченных драконах.

— Драконах? — переспросила пораженная как увиденным, так и услышанным. — О чем вы.

— Кати, — взяв ее за руку, он повел девушку вниз по витой лестнице, — что ты ведаешь о королевстве Айшеран?

Придерживая юбки, она задумчиво ответила:

— Когда-то давно, в прежние времена, Шарратас, Ратасс и окружающие государства входили в состав единого королевства Айшеран.

— Именно.

— Но это известно всем, — Кати усмехнулась. — Да и сложно скрыть подобное — единый язык, единая вера, единый стиль даже строений.

— Именно, — он обернулся, обнял ее за талию и проникновенно поинтересовался. — А скажи, жена моя, как по-твоему могла быть так, что два государства разделенные морем, когда-то могли быть единым целым.

— Мм?

— Более двадцати дней пути по морю, Катарина. Это значительная проблема для единения государства, не так ли?

— Ну... да.

— И возникает вопрос — на чем передвигались наши предки, что обгоняли корабли?

— На чем? — переспросила заинтригованная Катарина. Хассиян потянулся к ее губам, ласково поцеловал и прошептал:

— На драконах!

И он вновь повел ее за собой. Вниз по лестнице, что шла по кругу всего храма, словно лиана

оббивая его. Когда они вступили на черный камень, устилающий пол, огонь вспыхнул ярче. Катарина испуганно вскрикнула, но Ян лишь сжал ее ладонь, и повел дальше. Туда, где в центральной чаше бесшумно пылало яркое синее пламя.

— Хорошо, — Кати постаралась успокоиться, — и что же вы желали мне поведать о драконах?

Он продолжал молча вести ее к огню, но только дойдя, Кати увидела широкую постель, покрытую чешуйчатой шкурой. Кожа древнего ящера была черной, чуть мерцающей и совершенно матовой.

— О, Пресветлый... — прошептала испуганная девушка.

Руки Хассияна легли на ее плечи, мягко провели вниз, дойдя до дрожащих ладоней и снова вверх, чтобы начать осторожно расшнуровывать ее платье.

— Что вы делаете?

— Расслабься, — прошептал он склонившись к ее шее и нежно покусывая сладкую кожу, — и доверься мне, Катарина. Я не прошу о многом, просто доверься.

Он осторожно потянул расшнурованное платье вниз, оголяя ее плечи и грудь, а Кати дрожала всем телом, не ведая чего можно ожидать от всей этой ситуации.

— Доверься мне, Кати, — его поцелуи спустились на спину, а платье Ян продолжал стягивать.

— И все же, — она прикрыла обнажившуюся грудь руками, — что же вы собираетесь сделать?

— Я? — он тихо рассмеялся. — Я собираюсь выпустить зверя, Катарина. И показать его тебе.

Девушка вздрогнула.

— Тебе холодно? — он развернул ее, взгляделся в побледневшее лицо.

А Катарина вдруг вспомнила другой храм, в котором горел теплый огонь свечей, и слова другого мужчины «Я согрею тебя, моя Катарина».

— Нет, — простонала девушка, — не надо... Давайте уйдем отсюда, я...

Ян стянул ее платье. Молча и решительно снял и нижнее белье и нижние юбки. И едва Катарина осталась совершенно обнаженной, подхватил на руки и отнес к ложу, покрытому несомненно шкурой дракона.

— Посмотри на меня, — потребовал император, нависая над перепуганной девушкой, — просто смотри на меня. Это я! Я никогда не причиню тебе вред. Я не сделаю тебе больно. И я буду с тобой, всегда, Катарина. А то, что произойдет сейчас это высшая степень моего доверия к тебе, это дар моей любви... Доверься мне.

Но Катарина дрожала, несмотря даже на то, что шкура дракона оказалась на удивление теплой и мягкой, и все же...

— Так не пойдет, — Ян склонил голову к плечу, — так совсем никуда не годиться. Ты боишься, а это неправильно, Кати.

— Отпустите меня! — она едва дышала. — Если вы так желаете соития, моя спальня всегда

открыта для вас, но...

В черных глазах мелькнуло лукавое выражение. Чуть склонив голову набок, Ян загадочно прошептал:

— Спорим, пройдет совсем немного времени, и ты будешь умолять не останавливаться. Более того, ты будешь умолять войти в тебя... как можно глубже и двигаться все стремительнее. Ты будешь просить меня об это, милая.

— Я?! — Катарина покраснела под его многозначительным взглядом. — Я никогда не буду!

— Никогда не говори никогда, — он склонился к ее груди, мягко обвел языком, и добавил, — особенно, когда дело касается любви.

И вот тут Кати не выдержала. Резко оттолкнув от себя Хассияна, девушка вскочила.

— Знаете что! — крик разнесся по пещере, отдаваясь глухим эхом. — С меня хватит! Я...

Ян просто расхохотался. Его смех в этом храме, казался кощунственным и в то же время властным и самоуверенным. Но отсмеявшись, он не менее весело ответил:

— Знаю, Кати, знаю. Знаю даже то, чего ты еще не ведаешь, — и проникновенным шепотом добавил, — тебе понравится...

В следующее мгновение Ян поймал попытавшуюся сбежать Катарину, подхватил на руки и вновь уложил на ложе, и не успела Кати даже предпринять еще попытку к бегству, как сильные руки властно легли на ее бедра, раздвигая и открывая доступ к наиболее уязвимой части ее тела.

— Так вот что я знаю, — к ее удивлению Ян не стремился немедленно наброситься, и не смотря на то, что держал ее крепко, начал осторожно целовать вздрагивающий животик, — я точно знаю, — завораживающим, чуть рокочущим голосом произнес он, — что ты меня желаешь, Кати.

Она дернулась, но это не помешало ему целовать все ниже.

— И еще я знаю, — губы коснулись треугольника волос, — что ты очень страстная женщина, милая. В подземелье, ты это продемонстрировала наглядно.

Кати покраснела вся и мгновенно, сначала от осознания его слов, а после... ощутив его поцелуй там, где в тот раз танец страсти выплясывали его сильные пальцы.

— Что? — выдохнула смущенная девушка. — Что вы делаете?

— То же, — он вновь прошелся языком, усилив нажим, от чего все ее тело пронзило невероятное ощущение, — что уже делал... Вот только на этот раз я заставлю тебя много раз шептать мое имя, — он вскинул голову, посмотрел в ее глаза и добавил. — Ты так божественно его произносишь...

К ее невероятному удивлению, одних этих слов произнесенных его чуть хриплым голосом было достаточно, чтобы сломить все ее сопротивление, но сегодня Хассиян желал значительно большего, чем разовое обладание телом молодой жены, и потому вернулся к ласкам, которые самой Катарине касались кощунственными.

— Не надо, — простонала девушка, пытаясь сжать бедра.

Он хмыкнул и тихо рассмеявшись, продолжил нежные, чувственные, пока еще весьма легкие касания.

— Не... — она ощутила, как там, где ощущались его губы и язык, все сильнее разгорается пламя странного, томительного тепла. — Ян...

— Мм? — ответил он, не останавливаясь ни на мгновение.

— Что ты делаешь?

— Ласкаю свою любимую жену, — он усмехнулся, еще раз провел языком и поинтересовался, — а разве ей не нравится?

Блаженный стон стал ее ответом, но на этом Катарина не успокоилась:

— А вы не слишком... извращенным способом ласкаете жену? Знаете, мне подобное не кажется допустимым и...

Его пальцы осторожно проникли в нее, а ласк губами и языком он не прекращал ни на мгновение, и когда речь Кати прервалась невольным стоном, насмешливо поинтересовался:

— Нет?

— Нет...

— Ну-ну, — его пальцы начали свою отдельную игру, в то время как губы ласкали все настойчивее. — Все еще «нет»?

Его ласки казались волнами, одна за другой накрывая ее, заставляя тело стать продолжением этого океана нежности. Катарина выгибалась раз за разом, и сбившееся дыхание, как и стоны, не позволяли ей ответить.

— И сейчас «нет»? — он накрыл разгоряченное им же место ладонью, и слегка нажал.

Катарина выгнулась, попыталась ответить и услышала:

— Просто скажи «да»...

Но гордость, несмотря на вожделение еще не дремала, и Кати нашла в себе силы ответить:

— Нет!

— Накажу, — восторженно и почему-то очень довольно сообщил Ян.

— Овладеете мной? — выгибаясь вновь от невыразимого чувства наслаждения, простонала Катарина.

— Мм, даже не знаю, — он потянулся к ее губам, властно поцеловал и мстительно добавил, — нет!

— Что значит «нет»? — девушка удивленно посмотрела на того, кого уже желала всем телом.

— Я же сказал — накажу... — он вновь поцеловал ее, но на сей раз возобновил ласки рукой, и дождавшись очередного стога, прошептал, — и наказание будет до-о-олгим.

И он вновь вернулся к нескромным ласкам, вот только теперь, когда ее тело было разгоряченным и влажным, Катарина уже не смогла даже предпринять попытки к сопротивлению.

В огромной темной пещере слышались лишь стоны, то пронзительные, то хриплые, то едва различимые и сменяющиеся шепотом доведенной до вершин наслаждения девушки. Вновь и вновь ее тело сотрясалось волнами наслаждения, но желанного упоения страстью не наступало. И Катарина даже не сразу поняла, что Ян намеренно доводит почти до пика, и останавливается, чтобы продолжить ласки едва ее дыхание выравнивается. И когда он в очередной раз почти свел ее с ума, Кати не выдержала:

— Пожалуйста... — сорванный голос звучал так хрипло.

— Что? — насмешливо поинтересовался император, плавно поднявшись и начав расстегивать камзол.

— Ты... — Катарина простонала. Все ее тело казалось натянутой струной, разум был отринут охватившим ее возбуждением, — ты не можешь меня оставить вот так...

Он рассмеялся, низким, почти гортанным смехом, одним движением снял камзол, затем рубашку и начал расстегивать ремень брюк.

— Знаешь, что самое забавное в этой ситуации? — и, не дожидаясь ее ответа, продолжил. — Ты даже не понимаешь, что оставить тебя такой, охваченной желанием и страстью, я просто не в силах, Кати.

— Да? — Катарина приподнялась, внезапно осознав, что нагота ее сейчас совершенно не смущает. — Тогда как мне все это называть?

— Прелюдия, — он снял брюки и совершенно обнаженный шагнул к ней. — Но... раз ты все еще способна разговаривать, значит, я со своей задачей не справился. Будем исправлять!

И он приступил к исполнению.

Катарина утратила счет времени. Ее голос был сорван, тело совершенно лишено сил, а говорить она уже не смогла бы при всем своем желании, лишь обессилено шептала его имя, когда он снова и снова доводил до грани, чтобы безжалостно отступить.

— О, нет! — не сдержалась Кати, едва он вновь прекратил ласки, едва ее тело начало дрожать.

— Все еще говоришь? — Ян рассмеялся, — Сильная девочка.

— Я-а-а, больше не могу, — простонала Катарина.

— Ты просто плохо себя знаешь, — он навис над ней, ласково поцеловал и задал провокационный вопрос: — Продолжим?

— Не...

Он вошел в нее неожиданно, резко и стремительно, и блаженный стон испуганной девушки разнесся под сводами пещеры. Но войдя, Ян все так же не принес желанного завершения. Он

двигался в ней осторожно, играясь, и несмотря на то, что сам уже едва сдерживался, прекращать не желал... а дальше...

В какой-то миг Катарине показалось, что грани реальности и яви сместились и вот над ней не мужчина, а огромный черный дракон, что взирает на нее темными, такими знакомыми глазами и облизывает пасть раздвоенным языком... Но ей уже было все равно, все тело горело в неистовом пламени желания и каждое прикосновение, каждое касание его тела было желанно и приятно... И как то совсем странно прозвучал хриплый гортанный, почти нечеловеческий вопрос:

— Ты боишься меня?

Катарина при всем своем желании не сумела бы ответить, не способная думать, но практически умоляющая о завершении. Но вместо этого новый вопрос:

— Ты станешь матерью моих детей?

Она смогла лишь выгнуться навстречу его осторожному движению в ней, и странное видение дракона улыбнулось и вспыхнуло огнем. Ярким, синим пламенем далеких звезд. И все вокруг горело в этом невероятном пламени, сжигая все тревоги, недоверие, страхи и сомнения. А Катарина, закрыв глаза, взлетала над всем миром, чувствуя, как наполняется блаженством и легкостью каждая частичка ее тела. И паря над всем светом, Кати услышала отдаленный рев, и ей показалось, что синее пламя пронзило пламя красно-желтого цвета, горячее, почти обжигающее, и оно замерло в ней... где-то там, глубоко... под сердцем.

— Я люблю тебя... — отдаленный шепот и такое ласковое касание, но у нее не было сил, даже открыть глаза, и только слабая улыбка скользнула по искусанным губам.

Она так и заснула, чувствуя его легкие поцелуи.

Ее разбудили ласковые поглаживания по плечам, спине, и даже сокровенные места он умудрялся ласково погладить, но так, словно невзначай, и рука снова возвращались к ее бедрам, спине, плечам. Кати открыла глаза и улыбнулась, заметив его счастливую улыбку. Хассиян лежал на боку, подперев голову рукой, и улыбаясь, смотрел на нее. Катарина сладко потянулась, выгибаясь словно кошка...

— Не делай так, — напряженно попросил Ян.

— Почему? — прошептала Катарина, говорить она была не в силах.

— Сделаешь так снова, и ответ придется продемонстрировать, — Хассиян переместил руку с ее бедра на грудь, начал осторожно гладить.

И странное дело, казалось во всем ее теле не осталось ни капли силы, но вот его пальцы сжимают холмик ее груди, и пожар, казалось полностью потушенный ливнем его страсти, вновь начал загораться.

— Не-е-ет, — простонала девушка, — второй раз я не выдержу... Я просто умру, но это будет счастливейшая из всех смертей.

Ян рассмеялся, но это был добрый и радостный смех, а затем одним плавным движением оказавшись на ней, прижал ее запястья к их странной постели, и целуя распухшие и

покрасневшие губы, тихо спросил:

— Я не испугал тебя?

— Немного... в начале...

Катарина потянулась к его губам, но отодвинувшись, Ян несколько напряженно спросил:

— А... в конце?

— Ах, Ян, — Кати облизнула губы, — я была уже в столь невменяемом состоянии, что мне даже привиделось, что мною обладаешь не ты, а огромный черный дракон с истинно твоим взглядом... — девушка покраснела и прошептала, — вероятно, причина в том, что ты огромный.

— Дракон? — несколько удивленно спросил на удивление задумчивый Хассиян.

— Мужчина, — Кати обвила его шею подрагивающими от усталости руками, — ты огромный, но нежный, ласковый и самый чудесный мужчина.

— Да? — к ее удивлению он был несколько обескуражен ее словами. — А дракон?

— Да-да, — раздраженно ответила Катарина, — я леди, страдающая извращенным воображением, раз оно выдало картину моего сокоупления с драконом... Но я не могу нести за это ответственность... ты творишь со мной невероятные вещи и... я хочу еще.

У императора, по мере ее слов глаза все увеличивались, но стоило ему услышать последние слова:

— Со всем вышесказанным мы разберемся потом... как-нибудь, а пока я просто обязан выполнить просьбу моей драгоценной леди.

Последующее пробуждение произошло почему-то в ее спальне, в ее собственной постели и единственными свидетельствами того, что ночное путешествие ей не привиделось, были приятная усталость во всем теле, да мужчина, обнимавший ее даже во сне. И глядя на то, как мерно вздымается его грудь, как улыбка блуждает по четко очерченным губам, Катарина отчетливо поняла, что любит... больше всего на свете. А еще верит, и пожалуй даже больше чем себе, а еще...

— Я хочу сына, — едва слышно прошептала Катарина, — и чтобы он был похож на тебя...

Улыбка сонного мужчины стала шире, и Ян хриплым после сна голосом, спокойно ответил:

— Уже исполнено, любовь моя.

— Да? — она удивленно смотрела на него.

— Желаешь закрепить успех по превращению тебя в мать моих детей? — черные глаза распахнулись. — Ну, я не из тех глупцов, что отказываются от подобных предложений.

* * *

Из личной переписки герцогини Катарины тае Дартан:

7 изода.

«Мой белокурый демон, вот и миновали девять самых жутких дней в моей жизни... а после них два самых прекрасных. Знаете, мне всегда казалось, что нет ничего страшнее боли и унижения, что пришлось пережить. Я ошиблась. Поистине ужасает лишь страх за жизнь близкого человека. И сердце замирает, стоит сбиться его дыханию, и холодеют руки, едва у него снова поднимается жар. Но проводя ночи у его ложа, я неизменно возвращалась к единственной мысли — все испытания, столь щедро отмеренные мне Пресветлым, действительно имели цель. Только благодаря Дариану и Ранаверну, тем что почти искалечили мою душу, я смогла спасти того единственного, кого действительно полюбила. Я люблю его, всем сердцем, всей душой, и даже всем телом, и понимаю, что его дыхание важнее моего собственного... У меня было девять дней, девять бесконечных дней и ночей, чтобы переосмыслить собственную жизнь. И я благодарна случившемуся... Всему, что случилось. Потому что, только пройдя суровые испытания, мы начинаем ценить то, что имеем.

За сим прошу понять и простить меня, но я не вернусь в Шарратас. Я не вернусь к вам, и останусь здесь, где я нужна, любима, и где мое место. А мое место рядом с ним.

Данное письмо будет передано той самой служанке, что принесла его. Однако я не отказываюсь от переписки с вами, более того, если я могу помочь вам в борьбе с тем, кто враг нам обеим, я с радостью поделюсь знаниями, опытом, советами».

21 изода.

«Кати, Кати, святая наивность, ты все никак не желаешь понять — мужчины не умеют любить, Катарина. Подчинять, властвовать, использовать, но никак не любить. Он использует тебя, причем весьма умело. И твое сердце вновь будет растоптано, а что потом? Что ж, я подожду, а я умею ждать, Катарина.

За сим заканчиваю лирическую часть, и перехожу к менее важным вопросам. Потому что ты для меня важнее всего, радость моя. Итак, нам стало известно о твоём новом статусе... Наш большой мальчик отреагировал весьма бурно, после чего скатился к банальной пьянке. Он осознал, что отныне ты недоступна для его постели. Должна признать за его падением я наблюдала со злорадной ухмылкой на лице — приятно видеть, как твои враги рыдают от бессильной злобы. Знаешь, а ведь он любит тебя. Странной, ненормальной и извращенной любовью, но любит. Ты была всем для него — его силой, его решительностью, его стержнем. И сейчас наш большой мальчик просто бесхребетный слизняк... склонный к злоупотреблению вином. Но мне его совершенно не жаль, каждый имеет то, что заслуживает.

Я же с радостью воспользуюсь твоей помощью, моя святая наивность. И дорогая, мы были слишком близки, для того, чтобы ты до сих пор обращалась ко мне на «вы».

35 изода.

«Мой белокурый демон, ты говоришь о том, что мужчины не умеют любить, но вот он входит, его взгляд отыскивает меня в помещении и глаза начинают светиться любовью. И я понимаю, что в его глазах я — весь мир, как и он в моих. Это невероятное, сильное, и такое волнительное чувство, и когда мы вместе, кажется, что нет ничего, что способно разлучить нас, а пламя в

моем сердце никогда не погаснет. Он моя сила, он мое дыхание, он моя жизнь... Он. И каждое прикосновение, каждая нежность, что он дарит, как очередное признание в любви. Мне постоянно кажется, что я прошла сквозь зеркало и очутилась в каком-то другом, совершенно ином мире. Там, позади, осталась боль утрат, страх потерь, серость и отчаяние, а здесь все цветет яркими красками надежды, радости и... наслаждения. О, сколько наслаждения дарит любовь... Ты говорила мне об этом так часто, но нечто подобное я испытывала лишь дважды — с тобой в той карете, и с яростным гепардом в ночь побега. И оба раза всплеск чувств был под влиянием дурмана. А с ним и сейчас это не всплеск, это взрыв подобный фейерверку. Это океан чувств что он пробуждает во мне, это шторм, неистовый и неуправляемый... А после остается море нежности и счастья, от того что я с ним, что я его, а он мой. И теперь я понимаю — все, что ты говорила о любви, каждое слово, оказалось невероятной, непостижимой, но правдой. Я счастлива, я действительно счастлива, и исполненная нежности улыбка играет на моих губах, когда пишу тебе об этом. И уже не имеет значения междоусобная война, что грозит империи. Мы вместе, а значит, мы справимся, в этом сомнений у меня нет.

Нашего большого мальчика мне не жаль! Совсем. Теперь, когда я понимаю как это может быть, в отношении к ночам проведенным в его постели, остаются лишь только горечь и непонимание.

А теперь важное. В его спальне, обратите внимание на статуэтку Пресвятой Девы Органонской. В ней скрыт ключ от маленькой резной шкатулки, которая венчает камин. Вы неоднократно видели это вырезанное из камня чудо, но, как и все несведущие никогда не догадывались о том, что это не просто камень. Замочная скважина находится сзади, скрыта от глаз. В самой шкатулке рычаг, позволяющий открыть секретную панель. Удачи, Мой Белокурый Демон».

5 раз.

«Любовь моя, никогда не испытывала мук ревности... до самого твоего письма!

Святая моя наивность, надежда заполучить тебя становится все более призрачной, но... Но что-то внутри меня очень радуется твоему счастью, Катарина.

Что касается твоего милого подарка мне — он оказался больше и значительнее, чем я могла предположить. Это ускорит мою победу года на три, как минимум. Моя благодарность тебе и несколько советов, для тебя. Старая карга готовит заговор. Да, моя святая наивность, у меня есть глаза и уши повсюду. Сейчас для нее, я про каргу, крайне важно устранить того, кто, чтоб его демоны обласкали, кто тебе так дорог. Из имеющихся у меня сведений, нападение произойдет у небезызвестного тебе лекаря, вероятнее всего на третий день после получения тобой данного письма. Понимаю, что сейчас твои нежные ручки начнут дрожать, а трепетное сердечко сжиматься от страха. Мой совет — убирай старую каргу, она вам спокойно жить не даст. Идеальный вариант кара небесная. Если пожелаешь, отправляйся вечером этого дня на пристань, найди корабль «Дитя бури» и передай капитану только одно: «Пусть свершится правосудие». Он поймет, и исполнит.

С любовью к тебе».

19 раз.

«Мой Белокурый Демон, с прискорбием сообщаю, что известная нам высокопоставленная леди скоропостижно скончалась. Кара небесная настигла ее на входе в храм Пресветлого Огитана, упавшей с храма статуей. Я же, следующая за ней, остановилась, дабы выслушать просьбу трех женщин с окраинных селений, что прибыли в качестве паломниц. В народе распространяются слухи, что моя доброта была вознаграждена Пресветлым. Так же активно распространяются слухи, что мои прикосновения способны излечить от болезней... Дартан окружен толпой страждущих, однако в нашем нынешнем положении, это не так уж плохо. Что касается события, о котором ты предупредила — несмотря на предпринятые мною меры, заговорщики едва не ранили мое дыхание. А Харан пострадал, и лезвие оказалось отравленным, но спасти зверя удалось. И потому нет у меня жалости к погибшей леди! Хотя я лгу, и, наверное, самой себе. Это ужасно! Это все просто ужасно. И стоило бы возрадоваться тому, что нет более опасности, а мне страшно и тревожно...».

33 раз.

«Кати, святая наивность, а не беременна ли ты, любовь моя? Что-то мне подсказывает, что предположение верно. Опять же малыш толкается, подтверждая ударами ножки, или ручки. Ох, радость материнства это не то, что приносит мне радость.

Что касается гибели известной нам старой карги, никакая она не леди, наивность моя. Леди не поступают так с теми, кто имел благородство взять их в жены, несмотря на возраст и наличие в утробе чужого дитя. Но как говорится — совершил благое дело, готовься к расплате, и эта истина подтверждается веками. Не печалься о ней и ее судьбе, благодаря твоему возлюбленному она прожила жизнь всеми почитаемой императрицы, а не всеми забытой монахини на острове Печали. И подлостью с ее стороны было отплатить за добро, ну да кто ей виноват. Не грусти, тебе сейчас не желательно.

Радость моя, а сообщи мне, есть ли слабые места у лорда Съене? Сей индивид несколько излишне рьян в исполнении наложенных на него обязанностей.»

* * *

— Почему строительство еще не завершено? — Катарина, в скромном черном платье, гневно смотрела на трех подрядчиков. — Вам был назван предельный срок, и вы взяли на себя обязательства, так почему же сейчас я слышу лишь жалкие оправдания?

Мужчины стояли, опустив головы. Оправдания были, но в действительности и вина за сорванные работы имелась.

А Ян, вальяжно сидящий в кресле у окна, с наслаждением любовался собственной женой. Уже единственной. Впрочем, он подозревал, что единственной для него она стала с первого взгляда. И сейчас он любовался тем, как преобразилась его нежная девочка. В глазах более не было затравленного страха, спина прямая, чуть вздернутый подбородок и уверенность в своих силах. Но перемены императора не беспокоили, беспокоили лишь письма, которые Катарина неизменно получала, и столь же неизменно писала ответные.

— Я ожидаю видимых результатов, — ледяным тоном проговорила Катарина, — в противном случае я приму меры, для предотвращения вашей строительной деятельности!

Мъене Ахисе, мъене Лерна и мъене Сайро, низко кланяясь, покинули скромный кабинет в приюте святой Ниламины.

— Это невероятно, — разгневанная Катарина обернулась к императору, — мужчины Ратасса столь щедры в своих обещаниях, но столь же скупы в их исполнении.

— Грозная Катарина, — Хассиян рассмеялся, — все дело в том, что ранее они не воспринимали твои указания всерьез.

— Почему? — девушка развернулась, обиженно посмотрела на него.

— Хорошенькие женщины редко бывают требовательными управляющими, и ранее они считали большинство твоих требований лишь капризом.

— Ах так! — Катарина гневно прошлась по полупустому кабинету. — В таком случае мне придется говорить с ними иначе!

— Например? — весело поинтересовался Ян.

— В случае невыполнения указанных работ в срок, я... я посажу их в темницу, на хлеб и воду! Они должны отдавать себе отчет в том, что взятые обязательства необходимо выполнять!

Усмешка исчезла с его лица, Ян плавно поднялся и, подойдя к Катарине, внимательно посмотрел в огромные карие глаза, его вопрос был обманчиво нежен:

— Любовь моя, а ты готова понести ответственность за написание и получение секретных посланий?

И он уловил! Этот быстрый взгляд на, казалось, монолитную стену! Усмехнулся, ласково поцеловал, а затем стремительно направился к тайнику.

Кати замерла, глядя, как деловито император прощупывает камни, и застонала, едва он с торжественным: «Нашел!» открыл секретную панель. Взяв письма, Ян подмигнул ей, и подойдя к окну, вновь устроился в столь любимшемся ему кресле.

— Читать чужие письма, не слишком благородно! — скрестив руки на груди, заметила Катарина.

— Неблагородно, это скрывать от меня любовную переписку, — невозмутимо ответил Ян, разворачивая сложенную бумагу.

— Она не любовная! — возмутилась девушка. Насмешливая ухмылка и лукавое:

— У тебя есть способ отвлечь меня от чтения... воспользуйся им... — но развернув и пробежавшись глазами по строкам, Ян изменил свое мнение, — Катарина, письмо писала женщина, это, несомненно, но почему обращением к тебе служит «Любовь моя»?

— Вы ведь уже догадались от кого эти письма, — Кати подошла ближе, и он привычным жестом усадил ее на колени, обняв одной рукой, а второй держа столь заинтересовавшее его послание.

— Видимо ты предполагала, что я могу их прочесть, раз не сожгла, — между делом заметил Хассиян.

— Причина не в этом, — Катарина устроила голову на его плече, — я часто их перечитываю.

— Неудивительно... — он усмехнулся и зачитал вслух. — «Старая карга готовит заговор. Да, моя святая наивность, у меня есть глаза и уши повсюду. Сейчас для нее, я про каргу, крайне

важно устранить того, кто, чтоб его демоны обласкали, кто тебе так дорог. Из имеющихся у меня сведений, нападение произойдет у небезызвестного тебе лекаря, вероятнее всего на третий день после получения тобой данного письма».

Рука императора дрогнула. Тяжело вздохнув, он медленно произнес:

— Ты знала о нападении! И потому пыталась не пустить к Раенеру!

Катарина опустила голову, потом подняла на него взгляд испуганных карих глаз, и прошептала:

— Я не могу потерять тебя, Ян. Но и признаться, откуда сведения так же не могла. И я сделала все, чтобы это предотвратить.

Он отложил письма, развернул ее осторожно взял за подбородок и задал вопрос, который терзал его достаточно долго:

— Катарина, ты меня любишь?

Пунцовый румянец на ее щеках был красноречивее любых слов.

Но взгляд императора оставался напряжен, так как имелся еще один вопрос:

— После всего, что я сделал? И что... наговорил тебе? И после...

— Ян, — она потянулась к его губам, нежно поцеловала и с лукавой улыбкой спросила, — ты же такой умный мужчина, а задаешь такие глупые вопросы.

И вот теперь он улыбнулся, продолжая пристально смотреть на нее.

— Ты мое счастье, — прошептал император.

Но затем вновь подхватил письма, вчитался, и вскоре вынес вердикт:

— Умнейшая женщина... бесконечно жаль, что извращенка, но... воистину Алиссин умна и общение с ней пойдет тебе на пользу, — Ян внимательно посмотрел на Катарину, и ласково попросил, — Мне хотелось бы почитать и послание, что ты готовила для отправки сегодня.

Кати нехотя поднялась, из ящика стола достала письмо, протянула его Яну, и он принялся читать, снова вслух, что невероятно раздражало Катарину:

— «Мой Белокурый Демон, — Ян одарил смутившуюся девушку насмешливо-ироничной ухмылкой и продолжил чтение, — тебе нужна поддержка армии. Дворянство это великолепно, но сила Шарратаса в его воинах. Сейчас офицеры без сомнения на стороне Дариана, его уважают и ценят, и он добивался этого с юности, но в армии есть люди с большим авторитетом, чем у короля. Капитан Шамbero, генерал Оверс, и, как это ни удивительно, лорд Ферли. Если они будут на твоей стороне — армия будет твоя. Так же прикладываю список княжеств, которые были преданы королю Ранамиру, но не Дариану...»

Вот теперь в глазах императора было нескрываемое уважение, и все же насмешка промелькнула в словах:

— Катарина, что я вижу? Две женщины объединились в единой жажде мести? Но переворот, Катарина... впрочем, уже прочитанное мною, дает повод поверить в успех вашего заговора...

И он продолжил чтение:

— «Ты спрашивала о маркизе Съене. Преданность Съене королю действительно безоговорочная и обросла массой легенд, но мало кто знает, что у маркиза есть внебрачный сын в школе Маитиса.»

— Ха-ха, — громкий смех огласил скромный кабинет, — Катарина, как страшно оказаться вашим врагом! Приятная неожиданность, любовь моя.

— Я не желала становиться его врагом, — хмуро ответила девушка. Он улыбнулся, и молча передал ей недописанное послание.

— Благодарю, — девушка поднялась, положила листок на стол, обернувшись, гневно посмотрела на императора.

Хассиян ответил ей очаровательнейшей улыбкой и невозмутимым:

— Сообщите Ее Величеству, что на мою поддержку, в том числе военную, она может рассчитывать.

— При условии? — мгновенно насторожилась Катарина.

— При условии признания территориальных приобретений Ратасса, естественно, — Ян поднялся, вернул Катарине все письма и, накидывая плащ на плечи, добавил, — только в этом случае мне будет выгодно иметь столь... разрываемого внутренними противоречиями союзника.

— Вы полагаете, что Алиссин не сумеет подчинить королевство?

— Алиссин женщина, Кати, — император подошел к ней и ласково поцеловал, — а женщине, пусть даже самой умной и сильной, в мужском мире крайне... непросто. Алиссин сможет встать во главе королевства лишь как регент, то есть временно, и то, в случае рождения наследника мужского пола, либо, опять же временно, быть марионеткой на троне.

— Поверьте, Алиссин вас еще удивит, — Катарина вернулась к любимому.

— Поверь, — Ян нежно прикоснулся к ее груди, — если кто и удивит, так это ее брат Аллес.

— Почему?

Кати нагнулась, чтобы поднять оброненные им письма от Алиссин и не сразу заметила цепкий взгляд, коим Хассиян уцепился за верхнюю строку: «Кати, святая наивность, а не беременна ли ты, любовь моя? Что-то мне подсказывает, что предположение верно».

Вернувшись к тайнику, девушка вернула наместо и письма, и секретную панель, и лишь обернувшись, заметила странности в поведении императора. Хассиян просто смотрел на нее. Но так... восторженно, нежно и словно она стала величайшим чудом.

— Что? — удивленно спросила Катарина.

Ян устало покачал головой, рассмеялся и резко поднявшись подошел к жене. Осторожно, словно боясь причинить хоть малейший вред, он тихо спросил:

— Кати, душа моя, а я говорил, как сильно тебя люблю?

— Да нет, вы как-то все больше это показывали, и слова были уже совершенно излишни, — весело ответила девушка.

— Люблю тебя, — прошептал он, подхватывая Катарину на руки. — Как же сильно я тебя люблю! — усмехнулся, и, прижав ее, лукаво поинтересовался. — Хочешь, покажу как?

* * *

Конь хрипел и сбивался с шага, но еще один удар и несчастное животное, жалобно заржав, вновь ускоряется. Позади мчался второй, сменный конь, но и он уже почти падал.

— Ваше величество, нам требуется отдых, — лорд Налас, попытался привлечь его внимание.

Аллес не слушал. Не желал, и очередной удар заставил коня вновь перейти на галоп. Быстрее, быстрее, быстрее... Сквозь ночной лес, мокрый и сырой в дымке осеннего тумана, через скрипящие переправы, по пустынным в столь поздний час дорогам... К ней! К ее голубым глазам в чьем сиянии он таял, к ее нежным рукам, которые ласкали так, как не мог больше никто, к облаку ее золотых волос, в котором он чувствовал себя счастливым. Его сестра, его возлюбленная, его единственная...

Его ожидали у ворот столицы королевства, и спрыгивая с коня, юный король Лассарана ожидал попасть в родные объятия, но...

— Ее величество ожидает вас во дворце, — леди Раина низко поклонилась.

«Фрейлины те же, — задумчиво отметил Аллес. — И кажется... при оружии».

Он стремительно подошел к женщине, привычным жестом сжал, и его опасения подтвердились — леди была вооружена.

— Что происходит? — Аллес ожидал ответа.

Но и его не последовало. Фрейлина лишь жестом попросила его следовать за собой.

Стражники пропустили скрытых плащами гостей без слов, едва леди продемонстрировала кольцо с изображением оскалившегося льва.

«Алиссин обзавелась сторонниками, — отметил король Лассарана, проходя мимо охраны».

Так же беспрепятственно они вошли во дворец — кольцо словно делало их невидимыми. Но дальше произошло нечто странное. Сначала Аллес увидел два стройных силуэта, направляющихся к ним, а после услышал встревоженный голос леди Генеры:

— Его величество неожиданно решил навестить супругу. Аллес удивленно произнес:

— Но... сестра ожидает дитя!

Вторая фрейлина сняла капюшон, неловко сделала реверанс, а затем леди Арай прошептала:

— Король пьян.

Правитель Лассарана оттолкнул пытающуюся задержать его леди Генеру и бросился в покои королевы. Путь он знал, Алиссин выслала ему план дворца еще год назад. Не скрывала она и того, что вторая беременность ослабила ее. И прорываясь практически с боем к родной сестре,

Аллес уподобился демону — яростному и непобедимому, расшвыривая стражников с пути. Он знал, он чувствовал, что Дариан не оставит без внимания его приезд. Вот только король Шарратаса ожидал короля Лассарана утром, но ни как ни в начале ночи.

Он был уже совсем близко, когда услышал крик. Женский! И в том, чей это крик сомнений не оставалось.

Аллес выбежал из галереи и замер, глядя на ничего не подозревающих дворян, что охраняли покои королевы от ее же собственных стражников.

Последние, были рассеяны по полу, и судя по кровавым лужам, уже не принадлежали к миру живых.

— Как мило, — с трудом выдавил из себя Аллес, перехватывая удобнее меч.

Он был высок, но по-юношески строен, мягкие золотистые кудри обрамляли нежное лицо, губы чуть припухлые, почти девичьи, и только глаза, голубые как летнее небо, говорили о том, что перед сподвижниками Дариана не ангел во плоти, а разъяренный демон.

— Я дам вам шанс уйти живыми, — медленно проговорил юноша, — я не буду запоминать ваших лиц и не укажу на вас сестре. Уходите.

Их было девять — лучших друзей когда-то наследного принца, а ныне короля Шарратаса. Девять подонков, как и их король склонных к жестокости и насилию, девять верных сподвижников и преданных друзей, что шли за правителем в огонь и в воду. И глядя на внешне хрупкого юношу, в котором несложно было узнать правителя Лассарана и брата королевы Алиссин, дворяне переглянулись.

— Посольству Лассарана удалось избежать засады в лесу... Повезло, — насмешливо произнес лорд Дака. — Но его величество имел глупость, заявится во дворец неофициально... не повезло. Ваш труп, сир, будет найден в лесу. Думаю после этого, король Дариан очень огорчится и разбойникам всех мастей придется нелегко.

Они набросились на него одновременно. Аллес улыбнулся и выхватил второй клинок.

К моменту, как все фрейлины королевы успели добежать до покоев ее величества, все было кончено.

— О, мой король, — леди Генера испуганно оглядела трупы.

— Уберите здесь все! — ледяным тоном отрезал Аллес, и толкнув двери королевских покоев, стремительно вошел.

* * *

«Он сумасшедший!» — у нарастающим ужасом думала Алиссин, глядя на медленно крадущегося к ней супруга.

В одной руке королева Шарратаса сжимала шпагу, другой придерживала живот. Боль, сильная, почти режущая, заставляла едва не рыдать в голос, но она молчала. Первый удар в живот, сильный, почти убийственный Алиссин пропустила, но второго допускать не планировала.

— Думала отравить меня и править, лассаранская шлюха?! — прошипел Дариан. — По-твоему,

я глупец? Или я ослеп настолько, что не замечаю происходящего?

«Да, Дарри, ты ослеп и ничего не замечаешь, — Алиссин крепче перехватила шпагу, — но сейчас меня больше интересует, какая тварь заставила тебя открыть глаза!».

— Дариан, — она почти простонала, всхлипнула, — пожалуйста... я не знаю кто и что сказал вам, но это клевета...

— Сука, — смачно выразил свое мнение обо всех ее оправданиях король.

Алиссин пристально следила за каждым его движением и продолжала искать ответ на вопрос «Кто?!». Кто оказался настолько глуп, что предал ее?! Кто рассказал вечно пьяному Дариану обо всем. Ведь Дариан пил, постоянно! Едва стало известно о том, где и с кем Катарина. Последним ударом стало известие о новом статусе Кати — герцогиня тае Дартан, вторая супруга императора Хассияна. И Дариан запил. Турниры, увеселения, жестокие развлечения и оргии, на которых вино лилось рекой. Алиссин этому не препятствовала, напротив старательно подталкивала супруга к продолжению веселья, не желая ни утешить, ни поддержать. У нее больше не было жалости к Дариану! Ни капли жалости! Ни единой!

И ненависть отразилась в голубых глазах королевы, которая не ожидала подобной подлости, но и сдаваться собиралась.

— Дарри, глупышка Дарри, — растягивая гласные, произнесла королева, — если ты еще не знаешь, то должна поведать — вся дворцовая стража давно состоит из тех, кто служит лишь мне!

В этот миг Алиссин увидела, как приоткрылась дверь, затем в ее спальню шагнул тот, кого она с таким нетерпением ждала. И королева опустила шпагу, стараясь смотреть теперь исключительно на супруга.

— Это твоя предсмертная улыбка! — мрачно сообщил король, вытаскивая из ножен метательный кинжал.

В следующую секунду Дариан упал. Алиссин же с радостной улыбкой смотрела на брата, не в силах ни перестать улыбаться, ни заговорить. И просто смотрела как хрупкий внешне юноша, осторожно укладывает бессознательного короля на пол, а затем ловко связывает его.

— Лис, тебе желательно сесть, — отозвался Аллес, всовывая в царственный рот королевский же платок, которому выпала честь служить кляпом. — Охрана у твоих покоев перебита.

И вот после этого Алиссин выронила шпагу и пошатнулась. Живот вновь пронзала резкая боль.

— Что с тобой? — король Лассарана вскинул голову, встревожено вглядываясь.

— Дариан ворвался в мою спальню, и сразу, не объясняя ничего, ударил в живот, — пояснила Алиссин, осторожно отходя к постели.

Аллес на мгновение замер, а затем со всей силы, не сдерживая ярости, ударил ногой лежащего без сознания Дариана. Глухой стон и Дариан пришел в себя, чтобы получить второй столь же сокрушительный удар.

— Осторожнее, — Алиссин дошла до постели, с трудом села и начала заваливаться на бок, не в силах выдержать очередной приступ боли.

Брат метнулся к ней прежде, чем девушка упала, осторожно придержал, после подхватил на руки и уложил на постель, затем поправил подушки. Замер, на мгновение, разглядывая лежащую горделивую львицу, а затем, медленно наклонившись, коснулся ее губ. Сначала осторожно, нежно, словно еще не веря, что она рядом и так близко, а затем страстно и стремительно, словно пытался в этот поцелуй вложить все свои чувства — как тосковал, как ждал, как рад видеть.

— Аллес, — простонала королева, обнимая ладонями его лицо.

На полу глухо мычал король Шарратаса, пытаюсь освободиться и встать, но на его попытки никто не обращал внимания.

— Я тосковал, — прошептал Аллес, прервав затянувшийся поцелуй. — Я так тосковал по тебе, любимая.

Ответом Алиссин был глухой стон и судорога вновь пронизавшей боли.

— Удар был сильным, — прошептал он. — Ты можешь потерять ребенка. Она и сама это понимала, вот только:

— Это будет крахом, — прошептала Алиссин, поворачиваясь на бок. — Мне нужен лекарь.

Аллес мрачно кивнул, наклонился и осторожно поцеловал ее, ее руки, ласково погладил едва округлившийся животик.

— Отдыхай, — приказал король Лассарана, — я позабочусь обо всем.

Подойдя к Дариану, он без особого труда взвалил монарха на плечо и понес прочь. Алиссин только улыбнулась, глядя на ошарашенного происходящим правителя, потому как в отличие от супруга, прекрасно знала, насколько силен внешне хрупкий брат.

Спустя мгновение вбежали фрейлины, и торопливо начали наводить порядок, убирая битое стекло, изломанную мебель, следы сражения между монаршей четой. Затем пришел лекарь. Результат осмотра был сообщен не встревоженной королеве, а мрачному Аллесу.

Когда король Лассарана подошел к ее ложу, Алиссин уже знала ответ:

— Он убил моего ребенка.

— Еще нет, но к утру... — Аллес сел рядом, взял бледную ладонь сестры, сжал похолодевшие пальчики и прошептал только для нее. — Это не имеет значения, Лис, родишь от меня.

— Кровосмешение, — прошептала расстроенная девушка.

— Что плохого в том, что наше дитя возьмет от родителей все лучшее? — он поцеловал ее пальчики и задал вопрос, который действительно тревожил. — Как ты это допустила?

— Кто-то открыл Дариану глаза на происходящее, — прошептала Алиссин, вздрагивая от усиливающейся боли.

Брат смотрел на нее с жалостью, и понимал, что дальше будет хуже. Как и сказал лекарь, удар вызвал произвольные роды... Спасти дитя не представлялось возможным, и все же Аллес не желал сдаваться и в отличие от сестры обратился за помощью к той единственной, что могла помочь.

— Кто там? — простонала Алиссин, заметив входящую женщину.

— Королева Еитара и две монахини из приюта, — Аллес погладил ее вздрагивающие пальчики. — Если есть шанс спасти наследника, они сделают все возможное.

По прекрасному лицу потекли слезы.

— Не плачь, — мягко попросил он. — Я буду рядом.

— Мне нужен наследник, Аллес! — простонала Алиссин.

Брат кивнул каким-то своим мыслям, а затем, глядя в голубые и заплаканные глаза, убежденно произнес:

— Значит, у тебя будет наследник. Возьми себя в руки и думай о своем ребенке!

На рассвете королева Алиссин родила недоношенное дитя. Вопреки прогнозам повитухи и лекарей, мальчик, окруженный заботой Еитары, выжил. Глядя на счастливую бабушку, Алиссин совершила первый добрый поступок в отношении вдовствующей королевы:

— Ранамир, — прошептала она.

Еитара недоверчиво посмотрела на невестку, и королева повторила:

— В честь погибшего короля, который снискал славу добрыми и благородными поступками. Надеюсь, мой сын будет достоин этого славного имени.

И все же Еитара не могла поверить в услышанное, но рискнула попросить:

— Вы позволите...

— Да, — Алиссин откинулась на подушки. — Позаботьтесь о нем, матушка.

Аллес, не отпускающий руку сестры во время родов, но покинувший сразу после оных, входя вновь в спальню, услышал ее фразу и одобрительно кивнул. Младенца унесла счастливая Еитара, служанки стремительно убрали в королевских покоях, переделали обессиленную Алиссин, а затем удалились. И сразу после этого в спальню вошли все фрейлины ее величества.

— Что происходит? — удивленно спросила королева Шарратаса.

Брат не ответил. Вынув шпагу из ножен, он встал перед пятью девушками, что последовали за Алиссин из Лассарана и мрачно произнес:

— Вчера, одна из вас предала свою королеву!

Фрейлины испуганно переглянулись. Страх их был оправдан — Алиссин боялись, она была быстра на расправу и весьма жестока, но Аллес приводил в ужас лишь в одном случае, если кто-то или что-то угрожало его сестре.

— Кто из вас совершил это? — ледяным тоном спросил король Лассарана.

Алиссин приподнялась на подушках, заинтересованно ожидая ответа. О том, что это кто-то из своих она уже догадалась, но фрейлин почему-то из круга подозреваемых исключила. Видимо

зря.

— Молчите, — констатировал факт его величество. — Что ж, поступим иначе, раздевайтесь!

Девушки вздрогнули под его испытующим немигающим взглядом.

— Братец, люблю оргии, но не сразу после процесса приобщения к радости материнства. Аллес, чего ты добиваешься?

Он оглянулся, послав ей одну из своих чарующих улыбок, а затем ледяным голосом, который так не вязался с его ангельским образом, пояснил:

— Одна из твоих фрейлин вчера переспала с королем. Видимо в процессе у нее развязались не только нижние юбки, но и язык.

— Как ты узнал? — осипшим голосом спросила королева.

Аллес не ответил. Но по тому, как потемнели его глаза, Алиссин поняла — допрашиваемые не выжили.

— Раздевайтесь, — повторил он приказ.

Фрейлины не посмели ослушаться, слишком хорошо зная, что от разъяренного короля Лассарана их не спасет даже его возлюбленная сестра.

Падали снимаемые одеяния, щелкали застежки, шуршали пояса. Леди Генера, Раина, Линен, Араи и Тайрис, рожденные в Лассаране и сопровождающие свою королеву, раздевались, опустив головы и сдерживая слезы. И вскоре пять обнаженных придворных дам стояли, скромно прикрываясь ладошками под цепким, пристальным, неприязненным взглядом Аллеса.

— Леди Генера, — произнес он, подойдя к широкоплечей, мускулистой брюнетке, чьи предки населяли побережье, добывая пропитание рыбалкой и не гнушаясь пиратством. — Подними голову. Так. Убери руки от груди. Повернись. Наклонись. Нет, не ты, можешь одеться.

Затем последовала:

— Леди Араи, — он взял ее за подбородок, взгляделся в испуганные глаза и мягко произнес. — И не ты, уж слишком предана королеве. Одевайся.

Отойдя от рыжеволосой уроженки Итарской долины, Аллес подошел к третьей девушке:

— Леди Тайрис, — девушка вздрогнула, услышав ледяной тон, с которым было произнесено ее имя. — Посмотри на меня. Теперь подними обе руки вверх и повернись.

Фрейлина исполнила все в точности и услышала:

— И не ты. У вас, леди Тайрис, и мужчины еще не было, одни только женщины, не так ли? Одевайтесь.

Он даже не обратил внимания на то, как мгновенно и всем телом покраснела несчастная, потому как взгляд наткнулся на едва заметный засос у основания шеи следующей жертвы досмотра.

— Леди Линен, — чуть растягивая слова, произнес Аллес, — леди Линен.

Его шпага метнулась к испуганной девушке, и острие замерло у того самого засоса, что уютно расположился на бледнеющей коже. Фрейлина вздрогнула, когда шпага, оставляя кровавый след, двинулась ниже... к груди, на которой заметным синяком отпечатались пальцы излишне жестокого со своими любовницами Дариана. В следующую секунду Линен закричала, потому что острие шпаги больше не царапало — резало нежную кожу, спускаясь ниже, туда, где на бедрах так же отпечатались следы сильных пальцев короля Шарратаса.

— Ваше величество, — взмолилась девушка, когда по ее телу потекла кровь.

Острое оружие, вспарывая кожу от бедер неумолимо двинулось к треугольнику курчавых темных волос.

— Нет! — она дернулась, пытаясь спастись.

И он убрал шпагу, скрыв окровавленное лезвие в ножнах. Затем единым плавным и стремительным движением подошел к дрожащей от боли и ужаса фрейлине, схватил за подбородок и заставил смотреть на себя. Линен боялась даже кричать, понимая, что спасения нет, и не будет.

— Наказание за предательство — смерть, — нежно, почти влюблено улыбаясь, произнес прекрасный ангел, склоняясь к ее лицу. — Но прежде, чем я вырву твое сердце, ответь мне, милая, осознавала ли ты последствия своих действий?

Белокожая и светловолосая девушка, с глазами цвета фиалок, вздрогнула и глаза опустила.

— Вот и ответ, — уже иным, ледяным и полным ненависти голосом произнес прекрасный ангел.

Затем последовал удар в живот. Удар такой силы, что треск ломаемых костей был слышен каждой из присутствующих.

— Аллес! — воскликнула королева.

— Не вмешивайся, — ответил жестокий демон, подходя к воющей от боли жертве, затем схватил ее за волосы, поднял и нанес следующий удар.

Он остановился, лишь когда окровавленное месиво, бывшее когда-то фрейлиной, перестало подавать признаки жизни. К этому моменту Алиссин уже только стонала, закрыв лицо руками и не желая смотреть на расправу, остальные себе подобного позволить не могли и дрожащие, полуодетые с ужасом смотрели, как на их глазах убивают, жестоко и безжалостно.

Когда окровавленный труп унесли, а фрейлины торопливо покинули королевскую спальню, Аллес подошел к постели, нежно улыбнулся сестре и ласково посоветовал:

— Спи, тебе следует отдохнуть.

Откинувшись на подушки, Алиссин как-то обреченно покачала головой и невольно вспомнила слова Катарины.

— Иногда ты бываешь неоправданно жесток! — не скрывая неодобрения прошептала она.

— Каждый, кто причинил тебе вред, лишает себя права на жизнь, — спокойно ответил Аллес, присаживаясь на край ее постели.

— И все же... слишком жестоко.

Снисходительно улыбнувшись, он неожиданно жестко произнес:

— Есть только ты и я, Алиссин! Весь остальной мир может катиться к демонам!

Она невольно улыбнулась, протянула руку, коснувшись его окровавленных пальцев, и мечтательно добавила:

— Еще есть Катарина...

— Моя племянница?

— Нет, — улыбка королевы Шарратаса стала еще мечтательнее, — маленькая, нежная, наивная Катарина...

Чуть нахмурившись, Аллес задал крайне неприятный для него вопрос:

— Фаворитка Дариана?

Едва заметно кивнув, Алиссин прошептала:

— Она тебе понравится... Моя Кати... Больше всего на свете, я бы хотела сейчас обнять ее... — и уже засыпая, королева вдруг вспомнила о важном.

— Аллес, а Дариан?

— Спи, — отозвался брат, нежно касаясь ее щеки, — просто спи. Я обо всем позабочусь... Включая твою Кати.

* * *

Мрачное подземелье, шесть ярко пылающих свечей в едином подсвечнике и висящий на цепях обнаженный мужчина.

Он не пошевелился когда слышались шаги, едва заметно вздрогнул, едва одинокий посетитель с протяжным скрипом открыл дверь, и вскинул, голову вглядываясь в визитера.

— Как самочувствие, ваше величество? — насмешливо поинтересовался Аллес, размещая принесенный факел у стены.

Дариан не ответил, продолжая пристально следить за вошедшим.

— Есть хорошая новость, — светловолосый ангел с жестокой ухмылкой встал напротив пленника, — у вас родился сын, ваше величество. Его именовали именем вашего отца. Поздравляю.

Не отреагировал пленник и на эти слова, и тогда Аллес продолжил:

— А теперь очень хорошая новость — сегодня вас оскопят. Дариан дернулся, и хрипло произнес:

— Вы не посмеете! Я — король Шарратаса! Скрыть подобное преступление невозможно?

Рассмеявшись, Аллес спокойно переспросил:

— Король?! Ты король?! Пожалуй, вы единственный в Шарратасе, кто помнит об этом. Придворные уже давно осознали, кто является фактическим правителем, в то время как правитель номинальный пьет и предается кровавым оргиям. А народ... Народ, ваше величество, чтит свою благочестивую королеву, добрую, прекрасную и справедливую! Ту, что родила наследника и назвала его в честь всеми обожаемого короля Ранамира. И теперь он, долгожданный младенец, всеми признанный король Шарратаса.

Захрипев, Дариан яростно дернулся, чем вызвал очередную усмешку Аллеса.

— Знаешь, — произнес король Лассарана, отходя к длинному столу у стены и доставая из внутреннего кармана небольшой сверток, — мы не планировали тебя убивать. Алиссин вполне устраивало, что ее супруг фактически отошел от дел, меня более чем устраивало, что король более не посещает спальню своей королевы.

Порошок серебристой стружкой высыпался в бокал, следом Аллес налил красное вино. Собственным пальцем небрежно размешал.

— Но ты совершил одну непоправимую ошибку, Дариан, — подхватив бокал, юноша неторопливо направился к жертве, — ты посмел ударить мою сестру.

Аллес подошел, быстрым движением ухватил его за волосы, заставил запрокинуть голову и невзирая на яростное сопротивление, начал вливать содержимое в глотку поверженного короля. Некоторое время в мрачном подземелье слышались лишь хрипы, рычание и падение капель на каменный пол.

Завершив, Аллес издевательски потрепал короля по щеке и произнес:

— Это порошок эллатра, он вызывает помутнение рассудка. Сейчас я влил основную дозу, после тебе ежедневно будут давать его вместе с лекарствами. И знаешь, каков будет итог?

Дариан с ненавистью смотрел на него. Но его реакция лишь рассмешила Аллеса.

— У Шарратаса будет добрая королева и безумный король, — прошептал юноша. — Но ты пока останешься жить, малыш Дарри. Год, или чуть больше, ровно до тех пор, пока мы не будем точно уверены, что наследный принц Ранаверн выживет. А если нет, — улыбка короля Лассарана стала шире, — тогда Алиссин родит другого.

Дариан продолжал молча взирать на Аллеса, ровно до тех пор, пока тот не добавил:

— Родит от меня!

Когда довольный и торжествующий правитель Лассарана покидал подземелье, вслед ему неслись проклятия и оскорбления, но король лишь хитро улыбался, слушая, как яростно изливает свой гнев уже побежденный противник.

* * *

Спустя двадцать дней, королева Шарратаса смогла встать с постели и лекари уже не опасались за ее здоровье. Ее царственный брат, с нетерпением ожидал выздоровления сестры, находясь при дворе Шарратаса, и лишь немногие ведали истинное положение вещей — король Дариан сходит с ума в собственной спальне, а Аллес, волею своей сестры, стремительно меняет власти

на местах, а так же убирает сторонников короля из совета. И как-то совсем испуганно шептались о каре господней, что поразила знать Шарратаса... Падения с лестниц, гибель на охоте, неожиданно разгулявшиеся разбойники, что начали нападать даже на замки, правда, лишь неугодных Аллесу дворян.

Алиссин обо всем узнала случайно. Прекрасная королева, едва получила возможность покинуть опостылевшую спальню, под присмотром четырех оставшихся у нее фрейлин, поторопилась в королевский сад. Там, среди лишившихся листвы деревьев, Белокурый демон раскинула руки, закружилась, радуясь долгожданной свободе, и ее крик разнесся над всем парком:

— Анраш!

Волк примчался к ней, словно ждал зова все это время, но едва Алиссин обняла зверя, как услышала:

— Тебе разрешили покинуть постель, но никак не выйти в сад!

Фрейлины разом вздрогнули и сделали несколько испуганных шагов назад. Аллеса они опасались всегда, но после случившегося это был уже какой-то другой, панический страх.

— Братец, — почесывая волка за ухом, Алиссин вскинула голову и улыбнулась, заметив его взгляд, — с каких пор ты у нас столь обеспокоен моим самочувствием.

Король Лассарана плавно подошел к ней, обхватив предплечье заставил встать, а затем подхватил на руки и молча понес обратно ко дворцу.

— Аллес, — королева невольно поежилась, глядя на его холодное, почти бесстрастное лицо. — Аллес, что с тобой? Где тот робкий и влюбленный в меня юноша, что был так нежен и мил.

Ледяной взгляд прекрасных голубых глаз и не менее ледяной тон:

— Я вырос, Алиссин. Стал мужчиной.

— Ну как ты стал мужчиной я никогда не забуду, и это произошло давно, — кокетливо поддела она.

— Я не был мужчиной, — с невероятной злобой произнес Аллес, заставив ее вздрогнуть. — Я был слабым юнцом, не способным предотвратить твой брак с этим ничтожеством!

— Аллес, — испуганно выдохнула королева.

— Хватит, — он без труда взбежал по лестницам, даже не изменив дыхания, несмотря на свою ношу.

Королева Шарратаса молча ожидала, пока брат, игнорируя вытянувшиеся лица придворных и страж внесет ее в королевские покои, но едва он, уложив ее на постель, запер двери, Алиссин не выдержала:

— Что происходит?! — требовательно спросила молодая женщина.

Он медленно подошел к ней, опустился на постель и осторожно, словно касался чего-то столь хрупкого и бесценного, взял ее ножку. С тем же трепетом и заботой, Аллес снял одну туфельку, затем и вторую, уложив обе ножки на свои колени. Алессин продолжала молча

наблюдать за ним, позволяя ответить на поставленный вопрос.

— Помнишь, в Лассаране, в охотничьем домике? — он начал ласково поглаживать ее ножки. — Ты и Генри, вы напились, и ты заснула прямо за столом.

— Мне было двенадцать, — вспомнила Алиссин.

— Это произошло в ту ночь, — ровным безэмоциональным голосом произнес прекрасный ангел, — я... и Генри.

— Их столько было, этих попок и этих домиком, мы весело проводили юность.

— Но не в тот вечер.

— Нет! — Алиссин резко поднялась, стоя на коленях на постели, обняла брата, — нет, он не мог узнать! Нет, Аллес, мы были осторожны! Нет!

Ледяной, словно каменный Аллес спокойно повторил:

— Это произошло в ту ночь. Он требовал и настаивал, я отказался. Он видел нас, нас с тобой.

Алиссин удивленно смотрела на него.

— И тогда Генри позвал своих друзей... — голос короля Лассарана дрогнул.

— Мне было все равно, что будет со мной, Лис. Действительно все равно, пока Ранаверн не начал расстегивать твою рубашку!

С некоторым удивлением, Алиссин отметила, как напряглось его тело при этих словах.

— Генри был уже пьян и ничего не соображал, ты спала, я остался один против всех! — и все тем же спокойным голосом. — Я победил.

— То есть ты обманул меня, рассказав, что брат приставал к тебе!

— Тогда, без тебя я бы не сумел справиться.

— Шикарно! — Алиссин села, скрестила руки. — То есть только что, я узнала, что отправила старшего брата в преисподнюю по ложному обвинению!

— Прекрати, мы все равно сделали бы это, мне нужен был трон Лассарана! Кивнув, королева Шарратаса задала главный вопрос:

— Что ты пытаешься мне сказать?

Аллес поднялся, рывком снял камзол, столь же быстро, через голову стянул рубашку. Затем скинул сапоги и направился к возлюбленной. Алиссин наблюдала за ним молча, с удивлением отметив что почему-то прежних чувств уже не испытывает и это не осталось незамеченным.

— Ты любишь ее? — спросил Аллес, опрокидывая королеву на простыни.

— Наверное, — она спокойно проследила за тем, как ловкие пальцы расшнуровывают ее корсет.

— Больше чем меня? — он завершил с тесемочками и теперь развязывал шейный платок.

— Это что-то другое, — тихо ответила Алиссин, — что-то чистое и светлое, что делает меня лучше.

— Ты любишь ее? — несколько жестко повторил он вопрос.

— Да, — Алиссин брата никогда не боялась, ни первого, ни второго.

— Хорошо, — он осторожно опустился сверху, придавив ее к постели, — тогда нас будет трое, ты, я и Катарина.

Увернувшись от требовательных губ, Алиссин чуть насмешливо поинтересовалась:

— Откуда столько уверенности, любимый?

Он не ответил, приняв к ее устам, требовательно целуя шею и плечи, Аллес словно брал свое, то, что у него отняли и то, что он с таким трудом вернул.

Лишь когда схлынула страсть, Алиссин прижалась к его телу, устроила голову на плече и, водя пальчиком по мускулистой груди, задумчиво произнесла:

— Ты изменился.

— Тебя это пугает? — он ласково поглаживал шелковую кожу.

— Если быть откровенной, то да.

— С каких это пор гордую лассаранскую львицу что-то пугает? Пожав плечами, Алиссин грустно ответила:

— Вероятно, я тоже изменилась, Аллес.

— Я вижу.

— Ты не доволен этим?

Повернувшись на бок и подперев голову рукой, Аллес пристально смотрел на нее. Смотрел долго почти не мигая.

— Ты похож на ангела, — Алиссин протянула руку, коснулась мягких золотых кудрей, провела по щеке, обрисовала губы. — Вот только глаза... злые!

— Вероятно, это происходит потому, что я зол!

— И почему же ты зол? — опрокинув его, королева забралась сверху, ни секунды не стесняясь наготы, и потребовала ответа: — Ну же!

На красиво очерченных губах промелькнула грустная улыбка и вместо ответа, король Лассарана произнес:

— Знаешь, моя ошибка в том, что я никогда не думал о возможности потерять тебя...

Алиссин молча ждала продолжения.

— Мне казалось, — его руки легли на ее полную после недавних родов грудь, — что необходимость прятаться и скрывать наши чувства, лишь временная.

— Но милый...

— Помолчи. И вот когда я стоял и смотрел, как проклятая карета увозит тебя в другую страну, в постель к другому мужчине, от которого ты будешь вынуждена рожать ублюдков...

— Аллес!

— Я сказал — заткнись! И вот тогда, сестричка, я осознал, что, несмотря на единую кровь, я не имею на тебя никаких прав!

Нахмурившись, Алиссин смотрела на брата и никак не могла понять к чему этот разговор. Аллес улыбнулся, сел, обняв ее и удержав на себе, и прошептал, касаясь ее губ:

— Ты даже не представляешь, что чувствовал я по ночам! Зная, что в это самое время ты отдаешься другому! Что другой касается твоей пленительной груди, целует эти сладкие губы, видит тебя обнаженной и бесстыдной! Ведь ты моя, Алиссин! Моя по праву рождения! Моя! Вся! И ты должна быть со мной, не урывками и скрываясь ото всех, а как моя жена, как мать моих детей!

— У-у-у. — Алиссин не скрыла издевательских ноток. — Ты, братец, забыл о такой ма-а-аленькой детали, как наше с тобой кровное родство!

Она улыбнулась... но улыбка померкла под его пристальным, немигающим взглядом и в теплоту их объятий ледяным змеем закрался страх.

— Аллес, — девушка обняла его лицо, — Аллес, это невозможно, понимаешь? Мы брат и сестра, родные, рожденные одной матерью и от одного отца! Ни одна религия не позволит подобного!

— Значит к демонам религию, Лис, мы станем основателями новой религии.

— Это кровосмешение! — воскликнула королева.

— Рождение новой династии и сохранение чистоты крови.

— Нет, Аллес, — она попыталась встать, но он не позволил, — я потеряю Шарратас.

Резкий злой смех и спокойное:

— Шарратас, Лассаран и Ратасс — мы объединим три государства, Лис. Ты и я, мы станем основателями новой династии, династии Драконов. Как в древние времена! Мы возродим Империю Драконов!

— Скажи мне, что это шутка, — напряженно попросила Алиссин. Его молчание стало ответом.

— Мой ответ «нет»! — уверенно произнесла королева.

— Ты получишь Катарину, — Аллес улыбнулся, — ты получишь власть. Устало покачав головой, она вдруг вспомнила:

— А как же мои дети?

— Ублюдки Дариана?

Стремительно поднявшись, Алиссин набросила халат, и уже не скрывая гнева, воскликнула:

— Но это мои дети! Мои, понимаешь?

Аллес так же поднялся, спокойно подошел к сестре, стальными пальцами сжал ее подборок и прошипел:

— Своими ты назовешь наших детей, сестричка! Наших! Тех, в ком будет течь чистая кровь Аррагартов!

* * *

Она стояла у окна и отстраненно наблюдала за творившимся среди волн хаосе. Наступила осень, холодная, сырая, наполненная штормами.

— Та-а-ак, чтобы тебе еще интересного рассказать, — задумчиво произнес Ян. — А, есть кое-что, — он достал письмо из стопки корреспонденции, — новости из Шарратаса.

Кати отвернулась от окна, присела на подоконник и улыбнулась, заметив, как на нее смотрит император. Он часто приезжал вот так по вечерам, чтобы провести с ней тихий, уютный и домашний вечер. И тогда они оба отдыхали... от всего.

— Новости из Шарратаса это заманчиво, — Кати даже кивнула, демонстрируя как это замечательно, — но вы, мой возлюбленный супруг, отчаянно избегаете даже упоминаний о событиях на западе Ратасса.

Ян наклонился и погладил верного Харана. Говорить с ней о восстании ему не хотелось.

— Мне рассказал Анеро, — Кати оттолкнулась от подоконника, подошла к императору, грациозным и привычным жестом села на его колени, нежно обняла лицо ладонями. — Ваш наследник и названный сын поднял восстание?

Кивнув, Ян добавил:

— Лассаран! Понимаешь?

— Не совсем, — ответила Катарина.

— У Хилайора поддержка короля Лассарана, Аллеса Доброго, он же Аллес Сверкающий, он же...

— Брат Алиссин, — дополнила Кати. — Но неужели одна лишь поддержка короля, позволяет вашему наследнику захватывать город за городом, крепость за крепостью?

— Нет, душа моя, — Хассиян чуть подался вперед, ласково прикоснулся к ее губам и лишь после поведаль, — Аллес оказал не только поддержку — во главе якобы «народного» войска стоят военачальники лассарана, лассаранские же солдаты являются костяком в каждом из отрядов.

Катарина нахмурилась.

— Поговаривают, что король Дариан болен, — вернулся к прежнему разговору Хассиян. —

Народ благодарит небеса за то, что у королевства есть наследник. Кстати, никогда не догадаешься как его имя.

«Ранамир, — вспомнила Кати».

— Его назвали в честь скоропостижно скончавшегося короля. Мило, не правда ли?

«Еитара счастлива».

— Это хорошее имя, — Катарина поднялась, протянула ему руку. — Идемте, нас ждет ужин.

Ян посмотрел на маленький круглый животик остановившейся рядом с ним супруги, и не удержавшись потянул Кати на себя, а едва она приблизилась, ласково поцеловал ныне самую выдающуюся часть ее тела.

— Ого, — он прижался щекой к ее животику, — там кто-то дерется.

— Интересно кто бы это мог быть? — Катарина рассмеялась.

— Даже не знаю, — поддержал он ее игру. — А вы никого не ждете, уважаемая?

— Жду, с нетерпением.

— И кого же?

— Дитя, мой император. И есть даже предположение, что вашего! — она рассмеялась.

— Только предположение? — Ян поднял голову, и хитро улыбнулся. — Милая, наверное, ты забыла, как мы его зачали... Надо будет напомнить.

Кати рассмеялась и потянула его за собой в столовую. Она улыбалась ровно до тех пор, пока встретившаяся им на пути служанка, не указала на свой рукав. И Катарина замерла, а затем, виновато взглянув на встревожившегося вслед за ней императора, вымолвила:

— Я... догоню вас.

И почти побежала в собственную комнату, игнорируя возмущенный возглас Яна.

Придерживая живот, Катарина догнала служанку и вырвала послание из ее дрожащих рук. Торопливо вернулась в комнату, зажгла свечи, разорвала печать и вчиталась:

«Катарина, любовь моя, воистину Пресветлый воздает по заслугам. Было время, когда я, ослепленная страстью, желала лишь успокоения в твоих объятиях, а сейчас... Мой брат одержим любовью, Кати! Одержим любовью ко мне, мой ангел. И я впервые не ведаю, что делать... Ты и мои дети, вот самое ценное, что есть у меня. И мне страшно, Катарина, мне действительно страшно... Но это еще не все, Аллес одержим идеей объединить страны и возродить Империю Драконов, ту, что была разрушена тысячелетия назад, а ты...»

— Да, это уже серьезно, — услышав голос Хассияна над головой, Катарина испуганно выронила письмо.

Император поднял его, забрал вернулся в кресло у камина. Там, в свете ярко горящих дров, он дочитал написанное, а затем одним плавным жестом выбросил бумагу в огонь.

— Зачем? — воскликнула Катарина. — Я не дочитала!

— Тебе и не стоит, — Хассиян смотрел, как огонь пожирает бумагу. — Мальчишка решил поиграть в дракона... Мальчишка заигрался!

— Ян... — Кати не узнавала супруга.

— Твоя коронация состоится через два дня! — резко произнес император. — Мы слишком долго тянули с этим. Завтра же я отрекусь от Хилайора как от сына и наследника! Хватит! Мне было жаль племянника, но мне не жаль марионетку Лассаранского ублюдка!

Катарина невольно обняла живот, в священном ужасе глядя на супруга и любимого. Жестокий, расчетливый, взбешенный! Именно таким он был сейчас и именно такой Хассиян вдруг испугал ее...

— Кати? — он заметил и ее страх, и ее смятение. Встал, подошел, опустился на колени и обнял ее, прижавшись щекой к округлому животу. — Катарина, я просто зол. Очень.

— Знаете, мне кажется в данной ситуации, злость совершенно бессмысленна, — отозвалась девушка, — нужно просто думать о том, что мы можем предпринять и...

Он улыбнулся, и привычно поцеловал ее округлый животик.

— Я разберусь, — еще один нежный поцелуй, — доверься мне. Все будет хорошо.

Кати молча кивнула.

— Любовь моя, — он поднялся, нежно поцеловал ее и прошептал, — поверь, все будет хорошо.

* * *

Алиссин постукивала пальцами по крышке резного стола из светлого ленирского дерева и ее голубые глаза темнели по мере доклада герцога Ларише. Впрочем причиной гнева было совершенно не это, а клочок бумаги в гневе изодранный по-мужски сильными пальцами... Слишком неожиданным оказалось для нее, получить послание не от милой сердцу Катарины, а от ее... супруга.

— Моя королева? — герцог заметил ее состояние.

— Продолжайте! — прошипела Алиссин.

— Странники Дариана в данный момент захватили три крупных порта королевства, и как вы знаете, крепости Дакарны и Питера практически неприступны и...

Дверь распахнулась. Увидев входящего короля Лассарана, герцог Ларише низко склонился, Аллес на его приветствие ответил едва заметным полукивком, после чего прошел к сестре и совершенно беспардонным образом, уселся на стол. Недоуменно и вместе с тем неодобрительно вздернув бровь, королева проследила за его передвижениями.

— Что-то случилось, дорогой брат? — язвительно спросила она. В ответ усмешка и кивок на Ниара:

— Один из твоих?!

— Доверенный, — прошипела Алиссин все более раздраженная по поводу поведения брата.

Да, за время ее вынужденного лежания в постели он сумел не только взять ситуацию под контроль, но и упрочить положение королевы, однако теперь... Алиссин считала Шарратас своим королевством, и перехватывание братом вождей управления ей более чем не нравилось.

— Герцог, — королева величественно поднялась, — мы продолжим позже.

Ларише низко поклонился своей прекрасной повелительнице, с удивлением отмечая, что что-то в поведении королевских особ его насторожило. Но лишь покинув королевские покои и остановившись на лестнице, Ниар вдруг понял что именно — взгляд. Тот взгляд, с которым король Лассарана смотрел на свою родную сестру.

— Воистину мои мысли кощунственны, — пробормотал герцог, спускаясь по ступеням.

* * *

Меж тем в кабинете королевы назревал скандал.

— Ты не вправе вести себя подобным образом! — начала Алиссин. — Идея о возрождении королевства Айшеран это мило, забавно, наивно и даже интригующе, но твое присутствие в моей государственной действительности совершенно неприемлемо!

Аллес с хитрой усмешкой, откровенно любовался разгневанной сестрой. Красивая, сильная, в облаке сияющих золотых волос, что сегодня были лишь присобраны и золотистыми кудрями спускались на ее плечи, спину, грудь... Грудь волновала его особенно, столь пленительно приподнятая корсетом, приоткрытая значительным декольте багрового платья... Да и ее губы, порозовевшие от гнева, казались двумя лепестками роз...

— Хочу тебя, — обрек он мысли в слова, — здесь и сейчас.

И плавно поднявшись, стремительно захватил ее в плен объятий.

Вот только возмущенная и разгневанная Алиссин к любовным утехам была не расположена.

— Я вызвала тебя не для этого! Убери руки! — прошипела королева. — И вовсе держи себя в руках, братец, иначе придется сильно пожалеть!

Она привыкла к тому, что услышав подобный тон и Аллес и Генри мгновенно подчинялись ее требованиям, но не сейчас. Аллес услышав ее угрозу лишь сверкнул белоснежными зубами, а в следующую секунду она оказалась прижата лицом к столу, руки ее он держал за спиной одной ладонью, в то время как вторая нагло задирала юбки.

— Аллес, — королева дернулась, пытаясь вырваться, но брат был сильнее, и пришлось вернуться к угрозам. — Только посмей, Аллес!

Треск рвущегося нижнего белья и он вошел в нее, весьма болезненно и грубо.

— Я посмел, — прошептал король Лассарана, совершая первое движение.

— Дерьмо вонючее! — Алиссин снова дернулась, и вновь он был сильнее, как сильнее становились и его быстрые движения.

— О, да, продолжай, — он все так же шептал, — ты знаешь, меня это возбуждает.

— Даже так? — взбешенная львица перестала вырываться, и подалась навстречу его толчкам, — сильно возбуждает?

Впрочем, вопрос был излишним, силу его желания она и ощущала и испытывала, вот только:

— Ты забыл, кого пытаешься взять силой, Аллес! — прошипела королева и нанесла удар каблуком по его колену.

Король взвыл, отшатнулся и с трудом удержался на ногах.

Алиссин мгновенно опустила подол платья и стремительно развернулась к брату, взбешенная и злая.

— Так значит «посмел»?! — едва ли не зарычала она. — А ты не забыл, с кем посмел поступить подобным образом?!

Аллес, все еще потирающий больную ногу, усмехнулся, выпрямился и поинтересовался:

— Это ты сообщила Хассияну о моих планах?!

И злость королевы Шарратаса испарилась мгновенно. Сообщила она не императору Ратасса, а его нежной супруге, но прочел именно он.

— Допустим, — медленно ответила Алиссин.

Пройдя в ее кресло, Аллес вольготно устроился и задал следующий вопрос:

— Зачем?

Едва заметно пожав плечами, королева ответила:

— Скажем так, информация не предназначалась для черноглазого ублюдка.

Усмехнувшись, Аллес откинул волосы привычным движением и произнес:

— Скажем так, кое-кто принял меры. Мой тайный козырь, а именно бежавший наследник Ратасса принц Хилайор объявлен незаконнорожденным ублюдком! В империи распространены слухи о том, что мальчишка сын блудливой императрицы и... конюха.

Алиссин потрясенно слушала невероятные по сути новости.

— И все бы ничего, но... — он пробарабанил пальцами по подлокотнику, — но сама императрица погибла столь невероятной смертью, что дело сие сочли карой Пресветлого!

На сей раз, королева подавила улыбку, стараясь выглядеть серьезной.

— Мне не нравится твоя реакция! — раздраженно заметил король Лассарана.

— Продолжай, — безмятежно отозвалась Алиссин.

— Восстание было подавлено, — На лице Аллеса прошла судорога, — ну что ж... будем действовать иначе.

— А зачем? — королева Шарратаса хитро улыбнулась, подошла к брату, и, склонившись к нему,

язвительно добавила. — Нас ожидают сегодня в полночь, Аллес, обоих!

Брат удивленно взглянул на нее и любопытствовал:

— Кто и где?

— Посланник императора Ратасса... сегодня, в полночь, в храме пресветлого!

Удивлению короля Лассарана не было предела. Задумавшись, он мрачно произнес:

— Невероятно!

— О чем и речь, — Алиссин усмехнулась, — о чем и речь!

— Ты не идешь! — он решительно поднялся. — Все поняла?

— С тобой спорить бесполезно? — мрачно поинтересовалась королева.

— Несомненно!

* * *

Здесь было душно и сумрачно. Неприятно пахло лекарствами и хотелось подбежать к окнам, распахнуть их впуская ночную прохладу... Хотелось многого, но королева Шарратаса продолжала стоять, молча взирая на супруга.

Дариан спал. Безмятежно улыбаясь во сне и время от времени начиная бормотать имя той единственной, что всегда любил...

— Вы здесь впервые? — низкий, чуть хриплый голос заставил Алиссин вздрогнуть.

Обернувшись, она с удивлением увидела темноволосого мужчину, сидящего в кресле у погасшего камина. Неожиданного визитера она не ждала, тем более не ожидала встретить его в покоях больного короля.

— Кто вы? — напряженно спросила Алиссин.

Мужчина неопределенно махнул рукой и в то же мгновение в камине загорелся огонь... синий, яркий, почти ослепительный. Глаза заболели нестерпимо, но поспешно утерев слезы, Алиссин вгляделась в странного посетителя. Длинноногий, а значит, несомненно, высок; широкие плечи, сильные руки с широкими ладонями, темные волосы коротко острижены, но одна прядь, что вероятно спускалась по позвоночнику, перекинута на плечо. У мужчины было открытое, уверенное лицо человека знающего себе цену, чуть насмешливая улыбка на по-мужски твердых губах и черные, немного раскосые глаза, со столь пронизательным взглядом.

С тяжелым вздохом, Алиссин прошла, села в кресло напротив незнакомца и весьма недовольным тоном, произнесла:

— Смеею предположить, что с этими глазами, грудью и тем как эта грудь умеет любить, я знакома. Опосредованно, но все же.

— Да, Мой Белокурый Демон, вы, несомненно, правы, — император Ратасса вежливо улыбнулся собеседнице.

Алиссин горько усмехнулась, и, несмотря на злость, была вынуждена признать:

— Что ж, Катарина избрала лучшего из всего вашего мужского племени. Одобряю.

— Польщен, — иронично ответил Хассиян.

Меньшее, чего в эту минуту желала Алиссин, так это проткнуть его шпагой, но... она была слишком умна, чтобы не понимать очевидного — слухи о правящей династии Ратасса оказались правдой.

— Мои послания доставляют голубиной почтой, — медленно, словно взвешивая каждое слово, произнесла Алиссин, — последнее было от вас. Приплыть столь быстро вы не могли, следовательно... Дракон?

Последнее слово она вымолвила с трудом.

На губах повелителя Ратасса играла все та же загадочная, чуть насмешливая, и малоинформативная улыбка. Он не собирался отвечать на ее вопрос.

— Ваше величество, — и даже это Ян произнес с насмешкой, — я буду достаточно краток. Первое, я готов оказать вам поддержку, и могу дать слово, что восстания сторонников Дариана будут прекращены.

Алиссин невольно бросила взгляд на постель, где спал супруг, и вопрос о том, кто организовал восстания отпал сам собой, ибо Дариан в этом состоянии на подобное был неспособен.

— Это была контрмера, — сознался Ян.

Скрипнув зубами, Алиссин была вынуждена принять и это, и тот факт, что вероятно финансовое снабжение повстанцев было так же делом рук императора.

— У меня вопрос, — любопытство было одним из немногих женских качеств, которыми обладала ее величество, — по преданиям драконы не могут быть правителями!

— Это не вопрос, — Хассиян снисходительно улыбался, — это суждение, основанное на недоказуемых фактах существования драконов.

И снова ей пришлось лишь сдерживать растущее раздражение.

— Я готова выслушать ваше условие, нашего взаимовыгодного сотрудничества, — вежливо произнесла Алиссин.

— Шарратас и Лассаран разные королевства, — спокойно произнес Ян. — Вы это понимаете?

Сглотнув, Алиссин откинулась на спинку кресла и пристально вгляделась в собеседника. С одной стороны идея Аллеса ей импонировала, опять же приятным подарком стала бы Кати, но с другой... Королева Шарратаса желала править единолично. И сейчас, когда ее положение все еще оставалось шатким, обзаводиться столь могущественными врагами было бы глупо.

— Несомненно, я понимаю, что это разные государства, — медленно произнесла Алиссин, — однако... я желала бы иметь гарантии, как вы, несомненно, должны понимать.

— Мое слово, — спокойно ответил Ян, — и договора, которые будут заключены в ближайшее время.

— Органон и сопредельные острова остаются территориальными владениями Ратасса? — догадалась королева.

— Это даже не обсуждается. Как вам известно, данные территории являются наследием моей дорогой супруги.

Отточенные ногти впились в подлокотники, но это было единственным проявлением злости, а на лице Алиссин маской подчеркнутой вежливости застыла радушная улыбка.

— И все же, — королева Шарратаса предприняла последнюю попытку узнать ответ на интересующие ее вопросы, — как получилось, что... вы... Вы за столько лет, не выдали себя. Неужели драконы действительно существуют?

Откинув голову, Хассиян громко рассмеялся. Смех его казался вызовом, и в то же время он искренне наслаждался ситуацией.

— Алиссин, — отсмеявшись, произнес император, — согласитесь, вы рады видеть меня и, несомненно, рады подчиниться моим требованиям, ведь это означает избавление от излишне деятельного брата и любовника.

На сей раз полное непонимание изобразила королева Шарратаса.

— Забавно, — он склонил голову к плечу. — Знаете, Алиссин, я никогда не думал, что случайности не случайны. Но вот рядом со мной оказывается девушка, которой, по сути, пришлось пережить ад. Казалось бы, что в этом судьбоносного? Но так вышло, что другая женщина, та единственная, что была посвящена моим братом в тайну рода, решила избавиться от супруга, напоив тем единственным ядом, что был способен меня убить. И вот оно невероятное — казалось бы случайная встреча с Катариной, стала спасением моей жизни.

— Я так рада за вас, — язвительно произнесла Алиссин.

Усмешка скользнула по его губам, и чуть подавшись вперед, Ян прошептал:

— А ведь вы рады, Алиссин.

Тяжело вздохнув, она нехотя призналась:

— Я очень рада за Катарину. Я рада, что она ждет ребенка, а Кати будет хорошей матерью... жаль, она не воспитает моих детей. Я рада за нее... не за вас! А что касается случайностей... Возможно, вы правы, но у меня иной взгляд на жизнь. Я — вершитель своей судьбы.

— И к чему же вы пришли? — насмешливо поинтересовался Ян.

— Я? — Алиссин скрестила руки на груди. — Я — глава одного из сильнейших государств побережья! Достойный итог, не правда ли?

— Возможно. Если сумеете удержать.

— Сумею!

Хассиян плавно поднялся с кресла, прошел к постели спящего Дариана, мрачно посмотрел на короля и негромко произнес:

— Когда-то он тоже был убежден, что владеет всем, о чем мечтал.

— На что вы пытаетесь намекнуть? — Алиссин продолжала сидеть, не желая проявить уважение к гостю.

— Ваш брат, — Ян развернулся, — сегодня вас покинет.

Королева побледнела.

— Полагаю, рабство у степных племен будет для него достаточным уроком, — продолжил император.

Алиссин медленно поднялась, пристально вглядываясь в несомненно сильного и слишком опасного противника, и, несмотря на ярость, все же спросила:

— Он... будет там один?

— Мой названный сын составит ему компанию. Жаль, в это чудесное путешествие вместе с ним не отправится ваш супруг, но... даже такой Дариан является единственным гарантом вашего правления.

Алиссин промолчала. Затем усмехнулась, причем насмеялась она скорее над собой, да и вопрос задала, ни к кому не обращаясь:

— Интересно, а Кати подозревает о вашей истинной сущности? — рассмеялась и добавила. — Знаете, она всегда говорила что я и Дариан звери, но в итоге стала женой истинного зверя!

Ян медленно подошел к ней, наклонился, упираясь руками в подлокотники ее кресла, и завораживающе прошептал:

— Не зверь — дракон. И пробудить дракона в носителе крови, дано не каждой женщине, Алиссин. Но когда это происходит, в небе загорается новая звезда, а на земле рождается новый дракон. Это все, что я могу вам сказать, но вы очень умная женщина и остальное сумеете понять, не так.

Выпрямившись, он иронично склонил голову в знак почтения и направился к двери. Там, словно вспомнив что-то важное, обернулся и на прощание произнес:

— Ваш супруг, Алиссин, должен покинуть этот мир через четыре месяца. Не раньше. Это мой вам предпоследний совет.

— А последний?

— Забудьте о Катарине.

* * *

Катарина спала, обнимая животик, когда услышала, как скрипнула дверь, через мгновение обнаженный мужчина скользнул в ее постель, прижался, нежно поцеловал, и блаженно зарылся носом в ее волосы.

— Обожаю твой запах, — прошептал Ян. Повернувшись, она обняла его и сонно пробормотала:

— А ты... почему-то пахнешь морем... и ветром... и чем-то еще.

Этот запах Катарине был смутно знаком, и почему-то вызывал тревогу и... ревность.

— И любовью, к тебе, — прошептал он, нежно целуя податливые губы.

— Что с восстанием? И... когда ты вернулся и...

— Спи, — еще один нежный поцелуй, — все хорошо, я же обещал. Просто спи.

Но засыпая, Катарина вдруг вспомнила этот запах!

Эпилог

— Ваше величество, мальчик!

Радостный крик повитухи, был подхвачен десятками голосов. Мальчик, наследник, надежда империи.

Катарина, обессиленная родами, приподнялась с помощью служанок, и потребовала малыша. Ей передали розовый сверток, с крохотным существом. Осторожно разворачивая пеленки, девушка с трепетом и некоторой долей страха, осмотрела новорожденного.

— Ваше величество, малыш здоров, — заверила ее повитуха.

В этом Кати не сомневалась, да и осматривала она сына совсем с иными мыслями.

Послышались уверенные шаги, дверь распахнулась и в спальню супруги вошел довольный муж и отец.

— Роды были легкими, — тут же начала отчитываться жрица храма Пресветлого, — у вас сын! Здоровый и красивый мальчик.

— Да? — Ян не отрывал взгляда от супруги, — А как себя чувствует мамочка?!

— Замечательно, — повитуха готова была и далее расписывать насколько все замечательно, но прекратила, едва заметила напряженный взгляд повелителя.

— Кати, — Ян сделал еще один шаг, — все хорошо?

— Да, — девушка осторожно поднесла малыша к груди. Зажав между двумя пальцами, подставила так, чтобы малышу было удобнее, и болезненно наморщила лобик, едва дитя начало есть.

— Первые роды, — тут же засуетилась повитуха, — так и должно быть, ваше величество.

Он не слушал, подойдя ближе, сел возле супруги, протянув руку, коснулся сначала ее нежной щеки, затем головки младенца. Присутствующие мгновенно ретировались, оставляя императорскую чету наедине.

— Похож на тебя, — прошептала Катарина, не отрывая взгляд от сына.

— Как ты и просила, — Ян облегченно выдохнул и улыбнулся. — Ничего мне не хочешь сказать?

Императрица Ратасса бросила взгляд на мужа, и вновь уделила все свое внимание малышу.

— Кати?

— «Хочешь я весь твой, а нет, держать не буду», — повторила его собственные слова Катарина.

Ян заметно напрягся, и враз осипшим голосом, хрипло спросил:

— Алиссин?

Кати улыбнулась, подняла голову и улыбнулась шире, увидев, как побледнел ее супруг.

— Ян, — она рассмеялась, — ты же такой умный мужчина, а задаешь такие глупые вопросы. Я люблю тебя, кем бы ты там ни был. Я тебя очень сильно люблю. Так вот, однажды ты сказал «Хочешь я весь твой, а нет, держать не буду», помнишь?

— Д-да...

Карие глаза Катарина мгновенно сузились, и оторопевший император Ратасса услышал то, чего никак от супруги не ожидал:

— Хочешь ты или не хочешь, ты мой! И это даже не обсуждается! Вопросы есть?!

Ян невольно моргнул, менее всего ожидая таких слов и такого взгляда от милой, нежной, и наивной супруги.

— Кати, любовь моя...

— И никаких фавориток! — добавила девушка. — Ни единой!

— Да я не... — император был поражен происходящим.

— И последнее — с Алиссин я переписывалась, переписываюсь и буду переписываться далее!

После этих слов, происходящее начало обретать ясность, несмотря на абсурдность ее намеков.

— Душа моя, ты ревнуешь? — рискнул предположить Хассиян. Чуть смутившись, Кати погладила младенца и тихо ответила:

— На тебе был ее запах. Что еще я могла подумать? Учитывая, какая она... и какая я и...

— О-о, муки ревности это страшно, — он расхохотался, но тут же прекратил, едва заметил как от звуков громкого голоса вздрогнул малыш.

— Прости, любовь моя.

Катарина вопреки его просьбе продолжала хмуриться.

— Кати, — он подался вперед, обнял ее лицо широкими ладонями.

— На счет всего мною сказанного, — она пристально смотрела на супруга, — ты — мой!

— Согласен, — весело ответил Ян, — но, радость моя, в таком случае и ты, хочешь или не хочешь, моя!

— Я подумаю, — беззаботно ответила Катарина, отнимая от груди уже заснувшего малыша. — С умными женщинами посоветуюсь!

— Кати, я...

— Не обсуждается! — резко ответила девушка. И с любовью глядя на спящего младенца, тихо прошептала. — Хотя Алиссин не всегда бывает права. Если быть откровенной, будь у него даже чешуя и крылья, я все равно любила бы его... и тебя. Глупо, правда?

— Нет, — он потянулся к ней, нежно поцеловал, — мне кажется, в этом умении любить вопреки всему, и заключается истинная женская мудрость.

* * *

Из личной переписки великой императрицы Ратасса.

Зима, 15 леда.

«Мой белокурый Демон, удовлетворяю твое любопытство — чешуя и крылья отсутствуют. А если серьезно, он самый красивый в мире. У него такие глазки, а пальчики маленькие, и ножки такие... Воистину материнство приносит лишь радость. От услуг кормилицы я отказалась, вскармливать дитя собственным молоком, это та радость, без которой я не желаю обходиться. Разрешение на переписку с тобой было получено.»

29 леда.

«Моя святая наивность, воистину мужчина беззащитен перед коварством любимой женщины. Полагаю, была разыграна сцена ревности? Напрасно ты так, вариант где он просыпается связанный в постели, а ты прижимаешь нож к его шее, был бы более действенным. Или этот способ ты приберегла для того, чтобы отговорить супруга опускать младенца в огонь? О, прости, совсем забыла поведать тебе и эту особенность драконов. Описание данного обряда было найдено вреди фресок одного из заброшенных храмов. Ты не поверишь, моя наивность, они разрушили весь храм, но не учли, что есть еще и подвал. Тебе поведать новые особенности драконьего племени?».

2 эйхола.

«Мой Белокурый Демон, это был первый и последний раз, когда я следовала вашим рекомендациям. Могу сообщить лишь одно — я жду дитя! Ну и, как выяснилось, нож, прижатый к горлу любимой женщиной, невероятно возбуждающе действует на супругов! Мне пришлось искать кормилицу для Хаэрда, так как мое молоко вследствие беременности стало горьким.»

17 эйхола.

«Моя святая наивность! О-о, мой бедный живот болит от смеха. Катарина, ты забыла его связать!..»

* * *

— Не забыла она, — прорычал Ян, уже по диагонали дочитывая послание, — но что мне какие-

то веревки в подобном состоянии...

— Вы что-то сказали, ваше величество? — встревожился лорд Анеро.

— Не вам, — ответил раздосадованный Хассиян.

Запечатал послание, дыхнув на печать, восстановил ее первоначальный облик, взял переданного ловчим голубя и самолично привязал письмо к лапке испуганной птицы. И с усмешкой проследил за тем, как птицу отпускают на волю, и серый посланник торопливо летит окнам покоев императрицы.

«Лети лети, птичка, — подумал довольный собой Хассиян, — сегодня у меня очередная веселая ночь намечается».

— Ладно, Анеро, что там у нас сегодня на повестке дня? — широко улыбнулся и добавил. — И покомпактней пожалуйста.

— Торопитесь к супруге? — догадался советник.

— Как и всегда, мой друг, как и всегда.

Конец.